

ИНДИЙСКАЯ
ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

1

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

БИБЛИОТЕКА
ИНДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА
ИНДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Том первый

Перевод с разных языков

Москва
«Художественная литература»
1990

ББК 84.5Ид
И60

Редакционная коллегия:

ЧЕЛЫШЕВ Е. П.

АЙТМАТОВ Ч. Т.

АНДЖАПАРИДЗЕ Г. А.

ЗАЛЫГИН С. П.

КОРОВКИН И. П.

КУЗНЕЦОВ Ф. Ф.

ЛЕОНОВ Л. М.

САЛГАНИК М. Л.

БИРЕНДРА КУМАР

БХАТТАЧАРИЯ

Р.-М БАКАЯ

ГАНГАДХАР ГАДГИЛ

АБХАИ МАУРЬЯ

ХЕМЧАНДРА ПАНДЕ

ВИШНУ ПРАБХАКАР

РАДХУВИР САХАИ

ИНДРАНАТХ ЧОУДХУРИ

Составление, краткие справки об авторах
О. Мелентьевой

Комментарий
О. Мелентьевой и А. Сенкевича

Оформление художника
В. Харламова

И $\frac{4703020200-312}{028(01)-90}$ 179-90

ISBN 5-280-01246-7 (Т. 1)
ISBN 5-280-01247-5

© Составление, переводы, не отмеченные знаком *, справки об авторах, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

Гуразада Аппарао

ЖЕМЧУЖНЫЕ ОЖЕРЕЛЬЯ

Жемчужины заблестят,
Едва нанижу на нити.
На старый и новый лад,
Слова мои, впредь блестите.

Осудит меня знаток.
Да мне-то какое дело?
Он славит сложенье строк,
Я душу пою и тело.

Пока не настал рассвет,
Венере вдвоем с кометой
Вольно расточать свой свет,
Вернее — подобье света.

Но звезды уйдут во тьму,
Да тьма и сама отпрянет.
Не ведаю — почему,
Но ведаю: день настанет.

Кукушка начнет сперва,
Петух запоеет за нею,
И, за ночь восстав, трава —
Под солнцем еще пышнее.

Был в городе девять дней
И все девять дней проспори́л.
Политикам — им видней:
Я с ними слегка повздори́л.

Вернулся ночной порой —
И словно с другого света.

«Проснись же! Глаза открой!
На небе горит комета!»

Любимая не глядит,
Лишь нехотя встав с постели.
Ее недовольный вид —
Жемчужное ожерелье.

«Как, милая, ты бледна!
Как сущее привиденье!
Вот небо — а где луна?
Нашло на луну затмение!

Комета — краса небес!
Приветствуй такую гостью.
Лишь неуч, слепец, балбес
Пылает к ней лютой злостью.

Нелепо ее считать
Причиной любовной драмы.
Жемчужиной ей сверкать,
Стрелюю из лука Камы.

Да нет никаких примет!
Да в небе всё сплошь — предметы!
И только чудак-поэт
Бойся лихой кометы!

Британцы мудрее нас —
Их знания почти бескрайны:
В чем тайна порой для глаз,
В том нет для науки тайны.

Комета — сестра Земли.
Раз в семьдесят лет всего лишь
Мы встретиться с ней смогли,
Как ей не гореть позволишь?

Она развеивает мрак,
Она будоражит прессу.
Комета — уж если знак,
То знак на пути к прогрессу.

Крылатые мечты не зря,
И люди не зря глазасты —

Едва расцветет заря,
Исчезнут и цепи и касты.

Народы и племена
Сольются в семье единой.
И будет восхищена
Комета такой картиной.

Мы распри богов прервем,
Купаясь в ее сиянье.
Единственным божеством
Отныне пребудет знание.

А в городе уж вчера
Явили благой пример нам
У праздничного шатра.
Пример этот будет верным!»

Так молвил я. А жена,
Слегка помолчав сначала,
Поплакав потом сполна,
Язвительно мне сказала:

«Слыхала, слыхала я —
От тех, кто видал воочью, —
И плакала в три ручья,
И глаз не смыкала ночью, —

Слыхала от всех подряд
О скверных твоих занятиях.
Пятнают тебя, чернят —
Да только нельзя унять их.

Невестка, сноха, свекровь
Твердят мне одно и то же:
Мол, эдак играет кровь
У нынешней молодежи!

Ну кто бы тебя послал
В учение к англичанам,
Когда б наперед прознал,
Каким ты вернешься странным?

Мы думали, ты пойдешь
В чиновники или в судьи, —
А ты от себя гребешь,
А не под себя, как люди.

Кормить меня? Одевать?
Порывов к тому не видно.
Тебе на отца и мать —
И то наплевать, как видно.

Я долго не протяну.
Я в вечном живу кошмаре.
Не взять ли тебе жену
Из касты любимых париев?»

Так молвила невпопад,
Расставшись с жемчужной нитью.
На старый и новый лад,
Слова мои, впредь блестите.

Заря рассвела, светла.
Не время гореть комете.
Но как отделить от Зла
Добро нам на этом свете?

СОКРОВИЩЕ

Любовь — сокровище,
Но кто —
Ценитель и знаток?
Наука?
Да!
Искусство?
Да!
А что она еще?
К поэтам обратился я:
Любовь — царица бытия!

Любовь — жемчужина,
Алмаз!
И вечно напоказ!
Я миру поглядел в глаза,
Не опуская глаз,

И увидал:
Любовь мужчин —
Как солнце в вышине,
А женская любовь —
Как пруд
С прохладою на дне.
И свет она!
Бессмертный свет!
И тьма —
Раз счастья нет!

Ман Мохан Гхош

ДУМЫ О РОДИНЕ

Когда тебя за безднами морей
Я вспомню, — сразу тяжелей прибой,
Пустынное утес береговой.
О мир быллой, к тебе, скорей, скорей!
Пусть память все смутнее, все мертвей,
Я в помыслах грядущих облик твой
Творю. Но все ж надежды нет такой,
Чтоб голод утолить души моей.
К тебе я был бы сердцем унесен,
Когда бы хоть немного приумолк
Гул волн, в котором слышен без конца
Существованья тягостный закон:
Как тщетны страсти, но они — наш долг
И для желанья созданы сердца.

САПФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Перестань, душа, перестань томиться!
Тщетно! Ведь сокровища золотого
Боле нет. Не жди — ни покой, ни радость
Не возвратятся.

Отразится снова в реке весною
Дрозд и вновь приют свой наполнит песней.
Волю он вкусит, но в плену пребудет
Сердце, сгорая.

Да, сгорая, ибо ее улыбка
Помрачает дух, и ее узревший
Понимает, что не найдет покоя
Ни на мгновенье.

Как ты можешь жить, весь окован страстью?
Облегчит ли участь твою разлука?
Ах, вдали от этих улыбок чудных
Жизнь ненавистна.

И считаю я каждый час ползущий,
Вдалеке она, но меня сжигает.
Ах, дает разлука одну досаду,
Но не забвенья.

И в тоске проходит весь день лучистый,
И бессонница с темнотой приходит.
Чуть заснув, шепчу дорогое имя
И пробуждаюсь.

Лишь когда усталость сменяет муку,
И виденье меркнет, покой как будто
Ощущаю я и почти надеюсь
Освободиться.

Но когда встречаюсь я с ней и снова
Чувствую простое рукопожатье,
Прежнее безумье бежит по жилам,
Прежняя пытка.

И, окован чарами сладкой речи,
Я сижу в смущенье и содрогаюсь
От ответных взоров. Не в силах слово
Произнести я.

Дивной болью, дивным огнем охвачен,
Самому себе я кажусь бессмертным,
Но зачем, зачем так трепещет сердце?
Тщетно ты любишь!

Как звезда она, улыбаясь, смотрит
На больную страсть и хранит безмолвье,
Что такое страсть для нее в небесном
Отдохновенье?

* * *

К чему о героинях речь,
Что умерли давно?
Ведь совершенство их во всем —
В тебе заключено.

Ведь слышен звон старинных битв,
Когда твой виден лик,
Бег рыцарских коней и треск
Ломающихся пик.

И вновь из-за тебя пожар
Всю Трои охватил,
И пали за тебя одну
И Гектор, и Ахилл.

В опасной красоте твоей
Древнейших битв исток,
Воспетых войн. Но кровью я
За всех один истек!

ВСАДНИК НА БЕЛОМ КОНЕ

Как потерял тебя,
Я не пойму.
Ветры неслись трубя
И ширя тьму.
Тебя собой укрыв,
Я отражал порыв
Неумолимый.
Не мог я хоть чуть-чуть
Объятья разомкнуть.
Был многотруден путь,
Но вместе шли мы.

Я тусклый взор поймал
(Его ль забуду?)
И, пряча страх, сказал:
«Здесь камни всюду...»
Ты улыбнулась вдруг —
Усталости и мук
Не видно стало.
Но буря в вышине
Завыла вновь, и мне,
Дрожа, как в жутком сне,
Ты руку сжала.

И полетел с полей
Звериный крик,
И сделался белей
Любимый лик,
Печально мне легло
На грудь твое чело.
Но шли мы вместе.
«Смотри!» — сказал сквозь гул
И пристальней взглянул...
И с ужасом вздохнул,
Застыв на месте.

Там всадник мчал на нас
Во весь опор.
Тотчас от темных глаз
Отвел я взор.
Но, несказанно бел,
Беззвучно конь летел
И окрыленно.
Был в плащ одет ездок,
Был плащ — времен итог.
И ни Плутон не мог,
Ни челн Харона

Сравниться с чернотой
Его плаща.
Я слушал глас глухой,
Весь трепеща.
«Ведь ей идти невмочь.
Позволь тебе помочь». —
Он наклонился.
Не мог разжать я губ,
А он тебя, как труп,
Взвалил коню на круп
И сразу скрылся.

«Вернись, вернись назад!»
Лишь ветер в ответ.
Стремится слезный взгляд
Коню вослед.
Мой голос изнемог,
Лишь слабый тает вздох
Во тьме бездонной.

Стою средь пустоты,
А где исчезла ты —
Лишь черные кусты
Да ветра стоны.

ОСЕНЬ

Ты ли это, чистый
Ручеек?
Сон твой золотистый
Так глубок.

Листьями укрыт ты
Тяжело.
Лето, позабыто,
Отошло.

Окоем закрыли
Мгла, туман.
Разве время линий
Не обман?

Где найдешь в избытке
Свет и зной?
Даже маргаритки
Ни одной.

В роще кукованье,
Буйный цвет —
Лишь воспоминанья
Или нет?

Как зимой ярился
Холод вьюг,
Здесь один храбрился
Голый бук.

Но — волшба иль фокус? —
Март взметнул
Жезл. И землю крокус
Распахнул.

А в апреле ливни
В первый раз

И нарциссов дивный
Перепляс.

Бело-алый в травы
Падал цвет.
Вот и мая слава:
Есть — и нет.

Но за ней в июне
Грохот гроз,
Прелесть новолуний,
Пряность роз.

А хлеба в июле
Высоки.
В небеса взглянули
Васильки.

Август. Над полями
Новый стяг.
Поднялся, как пламя,
Жгучий мак.

Летнему сказанью
Вышел срок.
Где ж твое блистанье,
Ручеек?

Ты струишься скромно,
Чуть рябя,
О былом не помня,
Не скорбя.

Ты скользишь, не мучась:
Что страдать
О цветах, чья участь
Умирать?

Можешь не томиться,
Не жалеть,
Что собрались птицы
Улететь.

Но поднять не смеет
Якорей
Память и ржавеет
Все сильней.

Ты ж не отражаешь
Дней былых.
Нынешний лишь знаешь
Скорый миг.

Как с лете́йской схожа
Здесь вода —
Спит и даже дрожи
Ни следа.

Ликованье лета,
Песнь весны.
С грустью вспомнить это
Мы должны.

Осени печальный
Нежный вздох.
Вот и блеск прощальный
Изнемог.

Осень, ты б открыла
Нам пути,
Где все то, что было,
Обрести?

Лишь листва слетает
Без конца.
С нею приливает
Скорбь в сердца.

И в густом тумане —
Не заря.
Это очертанья
Октября.

Он придет дождливый,
Чтоб опять
В роще сиротливой
Зарыдать.

И, листвою бурой
Занесен,
Год уйдет во хмурый
Зимний сон.

Винаяк

ЕСЛИ УМРЕТ ЛЮБОВЬ

Я флейту разломаю на куски,
да, флейту, чьи мелодии жили во мне.
Я расправлю крылья
и улечу прочь от того места,
где погибнет любовь.
Кто будет ждать меня дома?
Кто вынесет навстречу младенца?
Если умрет любовь,
мир станет никчемным и пустым.
Он уподобится
 пустыне дикой.
Откуда мне, поэту,
 черпать вдохновение,
если мир захлебнется в отчаянье?..
Разве построишь счастье
на ненависти?
Когда умирает любовь,
семья цепенеет в страхе.

Ауробиндо Гхош

ДИТЯ ВЕСНЫ

(На день рождения Васанти)

Ей имя — весна, за чей цвет и травы
Мы воспоем творца.
Весна, чья прелесть над ней витает,
Весна, чья сладость не покидает
Ее лица.

Да, нынче лето, в палящем свете
Долина и ручей.
Увяло все, поблекнув от зноя,
Но то, что исчезло, мелькнув весною, —
Как прежде, в ней.

А мы изумлены и печальны:
Она цветет и растет.
Ведь нам казалось, ей восхищенным,
Что может бутон оставаться бутоном
Из года в год.

И думаю я (хоть каждому лето
И осень суждены),
Что ее душа не растратит дара
Хранить в измененьях сладость и чары
Своей весны.

Дитя, чудесное предназначенье,
Тебе дано судьбой.
Так цветок со старым храмом в соседстве
Дает обаянье вечного детства
Земле седой.

В божьем саду огнистых и ярких
Цветов не перечеть.

Розы, тюльпаны, да, горделивей,
Но света столь нежные переливы
Где в мире есть?

Храни же весну под ливнем и солнцем
На долгом своем пути.
Сердца родных красотой услаждая
И нежный, счастливый долг исполняя —
Любимой быть и цвести.

В ПОЛНОЧНОМ БЕЗМОЛВЬЕ

В полночном безмолвье, в свете зари или полдня
Я слышал вечности флейты,
солнцекрылых видел серафимов.
В бескрайней пустынности гор,
в безбрежном волненье моря
Есть отблеск необъятности Бога,
легкие касания совершенства.
На миг, но безмерный улыгнулись чувства,
от своих избавясь пределов.
Краткий взгляд, намек, но душа с тех пор глубже, шире.
Бог отметил свое создание.

В порханье, паренье, полете бабочки или птицы,
В страстном крылатом крике в высоких кронах,
В золотом оперенье орла, в львиной гривастой и желтой
славе,
В тайнописной расцветке безгласных иерофантов
природы:
Орхидеи, тюльпана, нарцисса, розы, лилии, лотоса —
Отблеск вечной красоты трогает душу, сердечные струны.

РАЗДУМЬЯ МАНДАВЬИ

(Фрагменты)

* * *

О радость исполнения желаний!
О радость поражений и утрат!
О сердце, возвышающее мир!
О сердце, что его впивает муку, ...

Над ним склоняюсь! Любовь, люблю тебя
И обнаженной и в ужасной маске,
Люблю не только тешащую сердце,
Но и на части рвущую его.
Люблю твое вниманье к всякой твари,
Люблю за радость, что живет в вещах,
Еще люблю — за все страданья наши.
Тебе не возражу и не скажу,
Что нет тебя. Питаема усладой,
Легка любовь. Но любит только тот,
Кто и в мученьях продолжает ласки.

* * *

Багровогрудый, бирюзовокрылый,
Ты, выпорхнув из-за ограды сада,
Явился мне; чуть посидел на ветке
И улетел, мое оставив сердце,
В экстазе. Будто молвил: «Я пришел,
Чтоб ты увидел красоту мою,
И ухожу, ведь ты познал Любовь».
И вечно так: поманишь и исчезнешь,
Но наши вслед тебе летят сердца.

* * *

Когда я вышел ночью на террасу,
Явился он, меня ужалив в ногу.
Слиянием влюбленных насладилась
Моя душа. Тут мысль о скорпионе
Мелькнула. Но душа, запомнив счастье,
Отвергла разум, и, объятый болью,
Я убоготворенно засмеялся.

* * *

Все, все достигнуто! И боль мертва.
О ты, экстаз, что в логове своем
От сотворенья мира ждал меня.
О хищник, рвущий душу мне так сладко,
О ты, неистово-прекрасный Боже!
Жестоко-чудный! Милостиво-жгучий!

О ночь, когда услада бесконечна
В твоих объятиях! О ужас ласк!
История, приемлю пот и кровь
И то, что стерло их! Ведь цель творенья —
Себя отдать за иступленный миг
Явления затаившегося Бога.
Пускай весь мир придет теперь к концу:
Его предназначенье свершено,
И я тобою, Боже, поглощен.

* * *

Теперь я верю, что возможно тучи
Согнать с небес, утихомирить гром,
На молнии надеть узду. Однако
Мы верой подчинить должны сперва
Того, кто склонен быть покорным, кто
Своими скован слугами, погряз
У всех соблазнов и капризов в рабстве.
Да, силу любит человек, но силу,
Что не перешагнет за свой предел.
А для чего предел? И почему
Не смеем мы отдаться целиком
Безмерной мощи? Надо рисковать:
Ведь если гибели не избежим,
Бессмертья и всеислия достигнем.
Ведь ни моря, ни даже океан,
Который поднят штормом на дыбы,
Нам не пример. И сам небесный свод —
Не настоящий образ человека,
Чей космос разумом неизмерим.
Есть что-то в нас, что наугад плывет,
Не опасаясь запредельной ночи,
За чувств рубеж. Душа нагая сможет
К бесформенной причалить пустоте,
Где никого нет, кроме нас, и там
Остаться. Но смирится ли с пределом
Тот, кто не зверь, не глина, не трава?
Быть совершенным, превзойти пределы,
Мир чувствовать игрушкой меж ладоней...
Один лишь раз почувствовав поток
Гигантской силы, движущей мирами.
Познал я, что рассвет придет в тот час,
Как человек, в земле играть окончив,

Подыметя и, взяв светила в руки,
Свой прежний дух и облик воссоздаст.
Боль и разлад тогда оставят мир,
И мертвая пустыня примет розу
И лепет ручьею. И человек
Предстанет подлинным подобьем Бога.

* * *

Нет, я не болен, Боже. Это — жажда.
Раз жажда есть, то где-то есть вода.
Но в этой жизни не всегда мы можем
Ее найти. Ведь на пути сидит
Фантом былых сомнений и страстей.
Но есть ли жизнь еще, что нас насытит?
Я жду ответа, Господи, я жду!

* * *

Что есть Любовь, не найденная мною?
Я Бога в небесах вообразил,
Его я видел в колыханье листьев,
Его слышал в журчании ручья,
Его страшился в быстрых бивнях молний,
Его мне не хватало в ночь немую,
И Он будил меня с зарею новой.
Я говорю теперь, что нет Его,
Лишь Пустота, что немо изрыгает
Бесчисленных личинок в пустоту,
Которая ее несчастней даже,
Поскольку чувствует. И коль правдив
Сей сон, где исполинская игрушка,
Зовущая миром, все кружится,
Кружится и кричит, кровотока,
Живя в колесовании извечном, —
Тогда каким кощунственным прозванием
Нам лучше оскорбить тирана Бога.
Пусть это слово все найдут и ввысь
Взметнут единым криком, может быть,
Он рухнет от такого отрицанья,
И мир несчастий ожидает счастье,
Ведь где в созвездьях этих знак Любви?
А та, что представляется Любовью,

Личину скоро снимет, ведь ее
Сюда послали умножать страдания.
Нет, не Любовь, а Смерть, чей лик под маской,
Смерть, глядящая ласково добычу
Пред тем, как проглотить ее и взяться
За новую. Вот зверский образ мира.

КАРЛИКОВЫЙ НАПОЛЕОН

(Гитлер, октябрь 1939)

Фантазией нас поражает майя,
Неистовое чудо порождая.
Влилось в реальность все, что невозможно,
Магического жезла быстрый взмах —
И червь гигантом стал и плотью прах.
Землей овладевает сверхничтожный,
Как прежде исполин Наполеон,
Чей ум огромен был и окрылен,
В чьем сердце были шторм и штиль морей,
Чья воля быстрой хваткой всех сжимала,
Чье зрение миры обзревало,
Не упуская жалких мелочей.
Глубинный, титанический порыв
Он укротил, надеждой одарив.
Нет, этот — из материи другой,
Он — гном и занят низменной игрой,
Сошлись в его натуре сталь и грязь
И мистика и разум неглубокий
(Однако и коварный и жестокий),
Он — эгоист сентиментально-грубый,
Что прожил молодость, не веселясь,
Знал лишь надежд и ужаса приливы;
Нервнобольной, и буйный, и слезливый,
Ребенок, дьявол и последний скот,
Оратор, воющий, оскалив зубы,
Пророк дурной навязчивой идеи
На сцену вышел как прогресса вождь.
Ждет триумфальной арки эта мощь,
Чья тень от Альбиона до Кореи.
Мир держит он в руках, как зрелый плод,
Ступает — рассыпаются державы
И ждут народы в панике бессменной
Судьбы, летящей с губ, покрытых пеной.
Он карлик, но за ним стоит Титан,

Избрав его как инструмент расправы,
Титан, который свет и дух презрел.
Ценя лишь мощь бездумно-ловких тел,
И мыслит человека сделать пылью,
Чтоб мир стоял на стали и на силе,
Чудовищный осуществляет план,
Сминая разум и ломая волю,
Чтоб из тисков не вырывались боле.
Толпа стоит, призывами пьяна,
Но коль держава тьмы всем суждена,
Не избежать ужасного исхода.
Тогда инстинкт вернет былые лавры
И человек — сознание Природы —
Падет в глубокий первородный мрак,
Существование окончив так,
Как прежде мамонты и динозавры.
Чернее ночи виснет тень одежд Титана
Над всей землею, страхом обуянной.
...А он не спит и смотрит в сумрак серый,
Пока о том, что делать каждый час,
Ему не прогремит верховный Глас,
Внезапный, резкий, как прыжок пантеры.
Однако слишком он земной и хилый,
Чтоб содержать в себе всю злую силу,
Творящую и мысль его, и крик.
Он не сосуд ее — лишь проводник.
Звероподобен и непобедим,
Он все захватывает, ей гоним,
Доколь не встретит на пути своем
Сильнее дьявола иль Божий гром.

ТАНЕЦ КОСМОСА

(Танец Кришны, танец Кали)

Два ритма в танце космоса. Всегда
Нам Кали поступь быстрая слышна.
В ней боли и надежды череда,
В ней жизнь — игра, что сладостно страшна.
Миг Посвящения, что так жесток,
Герой, с которым Смерть сошлась грудь
в грудь,
Гимнасий, где с атлетом спорит Рок,
И жертва — к счастью одинокий путь,
Страдания, что к Тайнам путь торят,

Тропинка Истины сквозь сны Времен,
Из sklepa Плоти для Души семь врат —
Все ритм ее включает испокон.
Но что же смеха звонкого не слышно
И в маске счастья не танцует Кришна?

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕКА

О человек — загадки нет темней
Сознанию — инстинкт дает закон,
Восторг — в науке горя обретен,
И в сердце с хаосом слит эмпирей.

Его незнание — мудрости мудрей,
Рассудок рассекает глубь времен,
Но по грязи плетется к чуду он,
Познав и плоти власть, и мощь идей.

Все силы обретают в нем оплот,
Стремясь достичь над миром торжества,
Он — то пигмей, то подлинно велик,
Игра природы, муки божества.
И полубог, и демон он, и скот,
Раб и творец судьбы в единый миг.

* * *

В непонятом не молкнет Божий зов.
И на полях судьбы, где мир уснул,
Шуршащего безмолвия покров
Лежит, сокрыв немыслимого гул.

Но задрожат лазурные врата,
И красота вблизи очам видна.
Коснулись рая руки и уста,
И неземная участь нам дана.

И в нас сияние из горней тьмы,
Та недостигнутая благодать,
И как наследье обретаем мы
Мир, чьей бескрайности не передать.

Немыслимое — новых дней намеков,
А смерть сама — бессмертия залог.

Бхаи Вир Сингх

РУИНЫ АВАНТИПУРЫ

Ничего не осталось от Авантипуры —
только руины двух храмов, чей прах
говорит о великолепии прошлом
и переменчивых временах.

Он о людской слепоте повествует,
слепоте, что исполнена зла,
рукотворное чудо столетий
разрушению предала.

Люди разрушили храм искусства,
догматами веры ослеплены.
Те, что других излечить пытались,
безнадежно были больны.

РЕКА ИЧЧХАБАЛ ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

Опустился вечер, тени исчезли.
Ты бежишь, Иччхабал, и ночью и днем,
Струи твои продолжают песню,
ты неустанен в беге своем.
Садовники, птицы и пешеходы
отдыхают до нового дня.
Сладкий страх везде растворился.
Спит природа глубоким сном.

Поток отвечает:

Тот, чье сердце в плену,
не знает, что такое покой.
Тот, кто влюблен, не сомкнет
глаза и в тиши ночной.

Перед ним одна высокая цель.
И стремится он к ней, пока
не обнимет возлюбленную свою.
В этом смысл его жизни земной.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОЗЕРО ВЕРИНАГ

О Веринаг, когда на тебя
гляжу я, то, сам не свой,
склоняю голову, замороженный
твореньем природы самой.
Твой сапфировый цвет, стеклянный блеск,
жемчужное мерцанье твое
в глубь души проникают,
вызывая отклик живой.

Из твоей тишины сплетает
музыка волшебную сеть.
Ты — воплощение вечной весны, —
разве можешь ты умереть?
Струй твоих холод приводит в восторг.
Прежде чем стать таким,
какие муки, скажи,
пришлось тебе претерпеть?

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Я сглупа влюбился в камень —
он не насмешник, не пустобай,
с виду красив, привлекает сердце,
а что не отзывчив — пускай.
Хотел бы, да не могу его бросить,
хотя он и скуп на тепло.
Так уж и быть, поступай, как знаешь,
только из виду не исчезай.

БЕЗВЕСТНАЯ МОГИЛА В ДЕЛИ

При жизни меня оставил,
умирала — прийти не смог,
на мертвую не пришел взглянуть

и даже не прислал венки.
Над могилой моей склонился весь мир,
а ты и взгляда не бросил.
Если даже мой крик расслышишь,
не сочти его за упрек.

ГОЛОС ГОВОРIT ИЗ СВОЕЙ МОГИЛЫ

Вокруг моей могилы природа
взрастила сад молодой,
люди часто бывают здесь,
но обходят меня стороною.
О люди, я вовсе не труп!
Что мешает вам подойти?
И цветы, и плоды, и листья —
это я, в оболочке иной.

Почему бы не погрузить
вам со мною наедине?
Я не требую ничего и за полы одежд
никого не хватала в тишине.
Я лишь горсточка праха в этом саду,
от меня только камень остался.
Я хотел бы, чтобы кому-нибудь он
напомнил обо мне.

ФИАЛКА

Замечают меня не всегда,
я в низине сырой расту;
не причинит мне злой глаз вреда,
я укрылась под самой горой.
Мой цвет — от самих небес,
так же нежен он и глубок.
Говорят, из страны чудес
я на эту землю сошла.
Я небесную влагу пью,
под лучами солнца расту,
утешает печаль мою
всю ночь напролет луна.
Как чудесно в приюте моем,
как пьянит меня мой аромат,
Я не знаю, что делать днем,

когда пчелы гудят вокруг.
А захочется ветерку-шалуну
ненароком меня обнять —
даже шейку не поверну,
даже слова не пророню,
если кто-то, замедлив шаг
и любясь, меня сорвет.
Ах, я свой аромат никак
не умею таить от людей.
Мне безвестной бы жить и жить
и безвестной из мира уйти—
но желанье мое, может быть,
не исполнится никогда.

РАЯ НЕТ БЕЗ ЛАЛЛЫ РУК

Ты прости мои грехи и внемли моим молитвам,
ты, кто в помыслах моих, о Аллах всемилосердный,
воплощение земных добродетелей и вкуса.
Красота, что в мире есть, — красоты твоей частица,
ты же оказал мне честь и позволил в сновиденье,
нечестивца возлюбя, увидеть кусочек рая.
Я благодарю тебя, опускаясь на колени
пред тобой, кто показал то, что ждет меня по смерти.
Был я рад, когда узнал, что в последующей жизни,
мой удел определяя, все хорошие поступки
мне зачтутся и что я буду жить в раю по праву.
Я благодарю тебя, прах у ног твоих лобзая,
но, благодаря, молю об одном тебя всечасно:
ты, сидящий, свет лия, на магическом престоле,
повелитель и судья, о услышь мою молитву:

не вели мне жить в краю, нареченном светлым раем;
дай остаться мне в раю, называемом Кашмиром,
и с возлюбленной моей позабыть о всех невзгодах.
Самым лучшим из вещей смерти нет в твоём жилище,
так пускай же Лалла Рук здесь останется со мною!
И тогда я без подруг райских обойдусь прекрасно.
Ты мне дал во сне взглянуть на удобства высшей жизни,
только милостивым будь — разреши мне здесь остаться.
Именем твоим сейчас я готов тебе поклясться:
в миг, когда я в первый раз Лаллу Рук вблизи увидел,
растеклась душа моя и слилась с ее душою.
И готов поклясться я, что не мог ей прекословить.

Ты присутствуешь во всем, люди говорят недаром,
в каждой жизни о своем бытии напоминаешь.
Рад индус, покой любя, образ твой увидеть в камне,
мусульманин зрит тебя, в небеса глаза вперяя,
атеист тебя вполне в красоте природы видит,
и легко тебя в огне разглядит огнепоклонник,
и в учителе в свой срок ученик тебя заметит, —
только я нигде не мог разглядеть тебя, покада
не увидел светлый лик Лаллы Рук неповторимой.
И тогда мой разум вмиг навсегда меня оставил:
или свет твоих лучей засиял в ней ярче солнца,
или сам ты ожил в ней в новом перевоплощенье,
иль была она самой красотой и любовью,
воплощением иной, не доступной смертным правды, —
то ли пламя красоты, то ли волшебство рассвета, —
только я, поверь мне ты, содрогнулся, пораженный,
и она, как светом дня, обняла меня, беднягу,
и меня же от меня унесла в те дали, в коих
смерти нет и нет разлук, да и быть никак не может.
Прикасанья Лаллы Рук, взгляд ее неуловимый
и улыбка как ручей, голос ангельски приятный
привели меня, ей-ей, в превеликое смятенье.
Содрогнулся так я, как смертный может содрогаться,
с той поры досель никак успокоиться не в силах.
Я, захлебываясь, пью неизбывное блаженство,
и себя в нем утоплю я скорее, чем отвергну.
Не могу себя, поверь, без него себя представить,
не лишай меня теперь ты всего, что я имею.
Я покинул дальний край, и пришел сюда, несчастный,
и нашел здесь этот рай, называемый Кашмиром,
здесь сады я увидал Шалимара и Нишата,
звонкоструйный Иччхабал, Чашмашахи — сад цветущий,
где чудесный соловей — Лалла Рук поет в прохладе,
и нет музыки нежней и нет песни совершенней.
И всегда порхает он, сам собою зачарован,
и всегда он сам влюблен и другим любовь внушает,
не бывает одинок, и печален, и подавлен,
и цветет, как тот цветок, для которого он свищет.
Пусть сады, луна, вода, лик, достойный восхищенья,
не исчезнут никогда из моих очей влюбленных.
Этот трепет, этот взгляд, это счастье, эти муки
пусть меня к себе манят, и чаруют, и пленяют!
Дай остаться мне в раю, называемом Кашмиром,
обреки судьбу мою на такое заточенье
и меня не разлучай с Лаллой Рук моей прекрасной.

Разлюбезный сердцу край и Тюльпановая щечка —
Лалла Рук — и для души ничего не надо больше!
Эта музыка в тиши пусть приводит в трепет души,
этот чудный соловей пусть поет о счастье жизни
и звенит в душе моей, как трепещущие струны.
Пусть не буду разлучен я с моей прекрасновзорой,
пусть не буду я лишен ласк ее и утешенья.

Пусть ты примешь жизнь мою в рай, который мне обещан,
пусть оставишь жить в раю, именуемом Кашмиром, —
без возлюбленной моей никакой мне рай не нужен!
Дай же до скончанья дней с Лаллой Рук не разлучаться,
дай тебя увидеть в ней — в каждом взгляде, в каждой
ласке—
все возьми, но пожалей и оставь хотя бы это!

Кумаран Ашан

УВЯДШИЙ ЦВЕТOK

О багряный цветок, о цветок весенний!
Ты светился с вершины высокой ветки
Горделив и красив, будто юный раджа,
восседающий на высоком троне.
Где ж теперь твоя пышность?.. Нежданной бурей
был ты сорван, в пыли лежишь, увядаешь...
И гляжу, и о счастье земном размышляю —
о его обманчивом непостоянстве.

А как радостно твой бутон раскрывался
на зеленом побеге тугой лианы,
Из-под век лепестковых как весело, дерзко
ты на небо и землю впервые глянул,
Как по-детски улыбчив ты был, доверчив,
как ласкал ветерок тебя, грело солнце
И как нежно, качаясь, пела лиана,
будто сына баюкала в колыбели.

Ты качался легким челном рыбачьим
в серебристых струях лунного света,
Ты смеялся, запутавшись в яркой пряже —
в золотистых лучах всходящего солнца.
Ты кружился с гурьбой своих братьев бутонов
в хороводах веселых игрищ весенних, —
Так промчалось твое беспечное детство,
разгорелась твоя огнецветная юность.

Ты внимать научился певучим зовам
попугаев влюбленных, кокилов нежных,
Научился в лад их счастливым песням
чуть качать венцом своим ароматным.
А во мраке таинственного новолунья
приобщался ты к вечным тайнам вселенной,

На созвездья взирая в немом восторге—
письмена их алмазные созерцая.

Так тебя день за днем любовно растили
ветерки и росы, птицы и звезды,
И блистал все сказочней ты, все ярче
лепестковой душистой своей короной.
А с твоей красотой росла и гордость:
стал похож ты и вправду на юного раджу,
И на толпы тебя окружавших листьев
ты взирал снисходительно и благосклонно.

Да, казалось, в пышном дворце узорном,
в тронном зале ты солнечном восседаешь,
И сияние всех добродетелей чистых
на лице лепестковом твоём отражалось.
Словно звал ты все светлые взоры мира:
взоры зорь золотистых и звезд лучистых,
Взоры ланей и птиц... Даже взоры людские,
устремляясь к тебе, теплели, светлели.

Кто б ни шел сквозь твою весеннюю рощу:
мудрый старец-аскет, ланеглазая дева,
Мирный пахарь иль всадник, спешащий в битву,
или трус, от врагов позорно бегущий, —
Кто б он ни был, заметивший в гуще зеленой
жар твоих лепестков, их волшебный пламень,
Хоть на миг замедлял шаги в изумленье,
хоть на миг пред тобой застывал восхищенно.

Есть ли власть на земле, что сравниться может
с красотой — с ее чародейной властью?
В те весенние дни ароматом и блеском
ты, казалось, весь мир чаровал поднебесный.
Ни одна рука подняться не смела,
чтобы с ветки сорвать это нежное чудо, —
Даже самые грубые, черствые души
хоть на миг при виде тебя смягчались.

Но увы, — все в мире непостоянно!
Ты об этом не ведал, цветок безгрешный...
Всемогущего длань надо всем довлеет —
никого не щадит его справедливость.
О судьба! О без промаха бьющий охотник!
Как держать ты можешь в одном колчане

И стрелу, что сражает коршуна злого,
и стрелу, что голубку святую пронзает?

Что случилось с тобою, цветок мой гордый?
Почему на земле ты лежишь, измятый?
Кто тебя низверг с чудесного трона?
Кто твои лепестки так уродливо скомкал?
Будто в храме померк священный светильник,
благовонное масло его иссякло,
Тьма сгустилась!.. В пыли, у корней угрюмых
ты лежишь иссыхающий, бездыханный.

Как же это случилось?.. Был день вчерашний
тих и светел... Как вдруг набежали тучи...
Мрак и гром!.. И вихрь ледяной рукою
смял, сорвал тебя злобно и наземь бросил!..
А когда все стихло и в черной тверди
засверкали алмазы, с мольбой воззвал ты
К их знакомым лучистым узорам... Но тщетно!
С высоты безучастно взирали звезды.

Ах, как быстро, увы, как безжалостно быстро
муравьи облепили венец твой яркий,
И как ловко семья паучков проворных
над тобой серебристый саван соткала.
А прохлада рассветная этот саван
жемчугами росинок спешит украсить
И накрыть погребальным своим покрывалом,
ты лежишь — и тлеешь, в прах превращаясь...

Но ведь даже уйдя в Аравийское море,
погружаясь в темноту океанской пучины,
Возвращаются к нам все звездочки ночи
и сверкают опять над Горой восхода.
Так и ты, о чудесный цветок весенний:
здесь угас ты, но в райском краю возгоришься
На горе золотой — на священной Меру,
на бессмертной ветке Кáлпа-древа.

О глаза мои! Взор благодарный бросьте
на увядший цветок — он дарил вам радость,
А теперь станет прахом он, всеми забытый,
и другие цветы его скоро заменят.

Кто сочтет бесконечные смены жизни?
И не надо слез!.. Жил цветок недаром:
В глубине моей памяти он не померкнет,
перед взором души никогда не угаснет!

НАЛИНИ

(Из поэмы)

Юная красавица Налини и юноша Дивакаран были друзьями детства. Затем, томимый жаждою познать истину, Дивакаран покинул свой край, ушел в неведомую страну — в поисках духовного наставника. Повзрослевшая Налини сохранила в своем сердце любовь к Дивакарану. Она тосковала о нем, не желала и подумать о другом. Боясь, что родители насильно выдадут ее замуж, она в отчаянье тайком оставляет дом и скрывается в диком, густом лесу, приходит на берег озера, чтобы совершить самоубийство. Ее спасает йогини — женщина-отшельница, и Налини решает тоже начать жизнь в лесном уединении, тоже стать отшельницей. Однажды она неожиданно встречает в густом лесу Дивакарана, ставшего молодым йогом, учеником святого мудреца. Разговаривая с ним, она предается воспоминаниям об их счастливом детстве, пытаясь пробудить в нем прежние чувства. Но Дивакаран, отдавая должное ее искренности и дружбе, отвергает земную, чувственную любовь и призывает девушку соблюдать дхарму — свой священный долг. И они навеки расстаются...

«Господин! Наше давнее, с детства, знакомство
Придает мне смелость к вам обратиться...
Но не знаю, понравятся ль вам мои речи
И сочувственно ль будете мне внимать вы?

Скорбь в душе глубока, и вся жизнь отныне
Стала так тяжела, что молчать и дальше
Силы нет... Кроме вас на земле не найдется
Ни души, что смогла бы понять мои речи!

Рассказав о глубокой моей печали,
Неужели не буду я понята вами?
Или весь мой рассказ прозвучит напрасно
И придется судьбе мне своей покориться?

Всемогущий не дал никому уменье
Видеть то, что творится в душе другого—
А язык наш так скуден... Вот и боюсь я,
Что неверно слова вы мои поймете.

Но пускай! Даже если моей печали,
Тайной боли сердечной вы не поймете,

Все же я смолчать не могу — иль покоя
Знать не буду ни на земле, ни в небе!»

Так сказав, глубоко, всем сердцем страдая,
Молодая красавица робко взгляделась
В чистый лик — прекрасный, лотосоокий,
Отражавший сочувствие лик саньяси.

«О страдалица! — юный саньяси молвил. —
Повесть жизни твоей мне близка и понятна,
Только знай: для постигших святы тайны
Между девой и юношей нет различья!»

Так он мягко сказал, что печаль ее стихла,
И прибавилось смелости, и все громче
Говорить она стала, — певуч был голос,
Словно звон соловьиный в саду весеннем:

«Ныне вновь перед взором моим вы явились,
И забылись вмиг все мои печали,
И воскресла в душе радость дней далеких —
Дней, когда мы вместе в доме играли.

Вы тогда, как и я, еще были ребенком,
Но учились усердно, и очень успешно,—
Много лет протекло, но как будто и ныне
Каждой буквой люблюсь, написанной вами!

Помню множество ярких цветов у побережья,
Трав зеленый ковер, и ручей, и деревья,
Ясно вижу любимые наши тропинки,
Нашу школу, стоявшую неподалеку.

Помню, сад наполняли мы смехом и криком
Наших игр и забав, помню бабочек пестрых, —
Мы за ними гонялись беспечно, а после
Чинно шли, взявшись за руки, к старому храму.

Сколько раз подражать мы пытались вместе
Чудной песне, что пел соловей влюбленный,
Но внезапно дразнить вы меня принимались—
Повторя ответную песнь соловьи.

В полдень, сев в тени, мы читали книги,
После рвали цветущие ветки жасмина, —

О, как ловко венки вы сплетали красивый
И волнистые волосы мне украшали.

А еще вспоминаю: подкравшись сзади,
Крепко-крепко глаза вы мои зажимали,
Но, помучив меня, со щек моих вскоре
Слезы детской обиды стереть спешили.

Для чего говорю я об этом? Ведь ныне
Те счастливые дни безвозвратно умчались!
Вы ушли, господин мой, ушли на чужбину —
Будто ветер жестокий в лицо мне ударил.

Что могла я поделать?.. Узнав, что неожиданно
Друг мой милый ушел из родного селенья,
Задрожав, я упала, я чувств лишилась,
Как змея, что немеет при тяжком громе.

Тщетно мать с отцом, обо мне тревожась,
Мук моих пытались узнать причину, —
Я молчала и, лишь не желая их скорби,
Край родной, эту жизнь покидать не стала.

Как мой добрый отец ни старался, бедный,
Сделать жизнь мою веселей, счастливей,
Я томилась в тоске, я жить не хотела, —
Так зерно без дождя прорасти не может.

Ах! Ко всем приходит пора цветенья —
К роцам, к пастбищам, к каждой лиане и ветке,
Так неожиданно весна и ко мне явилась:
Это юность пришла, с нею — новые муки.

А затем от подруг я однажды узнала,
Что отец мою свадьбу тайком готовит, —
Сразу вспыхнула боль, как от жгучего яда,
В моем сердце, без чувств я упала на землю.

И, не слушая ласковых слов утешенья,
Что подруги участливо мне расточали,
Я решила: недуг мой неизлечимый
Никакими лекарствами не успокоить!

Жизнь порву, — я решила! А с ней — все муки!
Вырву шип, так больно мне жгущий сердце!

И в ночи, темноты не боясь, сквозь чащу
Вышла к озеру я — на обрыв отвесный!..»

Вняв тем страшным словам, молодой саньяси,
Ощувив и тревогу, и состраданье,
Стал еще напряженной, взволнованней слушать,
А она, вздохнув, продолжала печально:

«Спал в молчанье мир. И во тьме, столь мрачной,
Как ужасный лик повелителя смерти,
Одинок над бездной я черной стояла,
Пронзена лишь одной непреклонной мыслью.

В этой тьме, решив, что никто не увидит
Беззаконье и грех моего поступка,
Встав у края, я вверх, на звезды взглянула
И — зажмурилась от стыда и боли.

— О лучистые толпы небесных странниц! —
Я шептала сквозь слезы. — Увы, не постичь вам
Тех мучений, что здесь на земле мы терпим,
Но простите, простите мой грех ужасный!..—

А затем, только вас, Дивакарана, помня,
Я метнулась — и в омут упала глубокий,
И в тот миг то ли вслух я шептала молитву,
То ли в мыслях моих эти строки звучали:

— О Всевышний! Молю тебя, с жизнью прощаясь:
Всех от горя храни, кто живет в этом мире!
О Праматерь-богиня! К стопам твоим дивным
Дай склониться несчастной, уставшей от горя!..

Так молясь, все глубже в тот черный омут
Погружалась я, — не было в сердце страха:
Ведь тому, кто с любовью навек разлучился,
Что за смысл дорожить своей жалкой жизнью?

Шла ко дну я сквозь водоросли густые,
Вдруг... наверх меня потянуло что-то!..
Я с досадой подумала: видно, за лотос
Пряди длинной косы моей зацепились.

Над водой приподнявшись, я вверх посмотрела,
Изумленье и стыд охватили душу:
За косу меня крепко держа, у обрыва
Излучавшая свет йогиня стояла!..»

Хасрат Мохани

СТЫДНО, ИНДИЙЦЫ!

Стыдно, индийцы, ходить с чужеземным клеймом,
Стыдно пускать нечестивцев в родительский дом!

Станем ли ждать, чтоб согнала нас горстка пришельцев
С нашей земли, что возделана тяжким трудом?

В каждом из нас оскорбленная гордость взывает:
— Сделаем, братья, презрение нашим щитом!

Прочь доброту и смирение — пусть нам помогут
Зоркость и мужество в нашем движенье святом.

Эй, не надейтесь, глупцы, что сумеете сделать
Древний народ бессловесным, покорным скотом!

ТИЛАКУ

О Тилак, тебе приношу эту скромную дань я—
Тебе, правдолюбец, живая звезда мирозданья.

Твой голос упрочил основы грядущей свободы,
Твой лик озаряет сердца благородных собранья.

Во имя отчизны — ее процветанья и счастья —
В темницах изведал ты долгие годы страданья.

Вожатый наш зоркий на трудной дороге к свободе,
Когда бы не ты, были б тщетными наши блужданья.

Святой чародей, в наши души надежду вдохнул ты,
И ложь расступилась, и стали светлей ожиданья.

Гордится Хасрат, что идти за тобою поклялся, —
Будь счастлив и здоров, о хранимый всевышнею дланью!

БОРЦУ ЗА СВОБОДУ

О поборник свободы! В унынье, в тоску не впадай,
Хоть и горько глядеть на родной исстрадавшийся край.

Честь и разум храни, не внимай пересудам и слухам,
Даже в мрачные дни путеводных надежд не теряй.

Кто твердит о свободе, но ставит десятки условий,
Не годится в наставники — это пустой краснобай.

Не служи чужеземцам! Бесстрашьем и пламенной верой
Отчий дом озаряй — это нам предназначенный рай.

Гордым будь! И не жди, чтоб тебя заменили другие:
Сам друзей ободряй, сам высокий пример подавай!

ИЗБЕЖАТЬ Я ПЫТАЛСЯ...

Избежать я пытался, а все-таки не избежал
Красоты этой жгучей — ее опьяняющих жал.
На тебе словно светятся даже простые одежды,
Так, наполняясь вином, розовеет прозрачный бокал.

Сколько радостных встреч обещала мне первая встреча—
Поднималась луна, а казалось, рассвет засверкал!
Взор души и поныне улыбку стыдливую видит
И глаза с поволокой под сенью ресниц-опахал.

Пир шумит — но на пир только избранных ты пригласила,
Что ж отвергнутым делать под сводами праздничных зал?
До чего ты свежа и невинна! Какому счастливцу
В ночь свиданья тайком ты являешься без покрывал?

Где былая находчивость? Где моя прежняя дерзость?
Я тебя увидел — и младенца беспомощней стал.
О Хасрат, ради плена любви ты готов отказаться
От всего, что достиг, от всего, что так долго искал.

Дхани Рам Чатрик

ПОСЛАНИЕ РАДХИ

Кришна убивает Кансу, становится правителем Матхуры и посылает гонца Удхо к своей возлюбленной — пастушке Радхе. Удхо передает устное послание Кришны, но не все в нем устраивает влюбленную Радху. В смятении она разговаривает с гонцом, но некоторые слова ее обращены к Кришне.

* * *

Удхо, о Кришне скорей расскажи!
Знать бы: за что меня мучает он?
Раны мои не зажили еще,
он же опять наострил свой кинжал.

Сердце мое охладело уже,
ты же опять распаляешь его!
Этот бальзам не излечит меня,
нужно другое лекарство, поверь.

Если ко мне он не хочет прийти,
незачем правду скрывать от меня.
Если не можешь огонь погасить,
то подливать в него масло зачем?

Пусть он придет, поглядит на меня:
как перелетная птица кричу,
звезды считаю всю ночь напролет,
не нахожу себе места нигде.

Пусть поглядит, как страдаю одна,
как я насмешки подружек терплю,
как безутешно рыдаю о том,
кто запропал неизвестно куда.

Ключ от Матхуры в сраженье добыл,
дверь же мою запер сам на замок
и не вернулся ее отпереть!
Сколько ночей миновало с тех пор!

Видно, он любит меня на словах.
Но я любовь его снова верну!
Ранил меня он посланьем своим,
сердце мое променял на дворец.

Бросил любовь мою в горький горох —
как мне дорогу назад отыскать?
Злые печали изъели меня,
сделалось нежное тело больным.

Чувства засохли мои. Где найти
масло кунжутное — их размягчить?
Ладно, будь счастлив. Ушел и ушел.
Разве из сердца возможно уйти?

О мой неверный, ну как же ты смог
клятву свою опозорить, скажи?
Разве похвальна привычка твоя
с лету садиться на каждый цветок?

Бросил в глубокий колодец меня,
сам же поплыл по широкой реке.
Был пастухом, а попал во дворец,
нежность свою на суровость сменил.

Троном чужим завладел и меня
сразу забыл. Не подумаю я
выкрасть тебя, но меня во дворец
на два денечка хотя бы возьми!

* * *

Разве любовь не вернется моя?
Ноготь от мяса нельзя отделить,
солнце с луной не сойдутся вовек,
и не иссякнут слова о любви.

Встретятся люди, и вспомнит ли кто
имя укравшей чужую любовь?

Вспомнят лишь Радху и Кришну они, —
тысячу раз и две тысячи раз.

Тысячи женщин полюбят тебя,
в вечности род твой продолжится, но,
Чатрик, запомни, что только с одной
будешь счастливым. Запомни — с одной.

СЕРДЦЕ

Желая увидеть Кришну, влюбленная пастушка стоит у дверей и разговаривает со своим сердцем.

Сумасшедшее сердце, постой
и послушай, колючка, меня.

Ну зачем заупрямилось ты
и бунтуешь и плачешь зачем?

О мой враг, что случилось с тобой?
Не отчаивайся, погоди!

Неуступчивое, уступи
и от слез не ослепни совсем.

О пустое желанье, замри,
сколько можно дурачить меня!

Умоляла тебя, не спеши,
если влюбишься, то пропадешь.

Не привязывайся ни к кому
и невинность свою береги.

О печальная участь моя,
рисковать бы не стоило мне.

Чего ради кричать и стонать,
ни за что отравлять свою жизнь?

Ну а если попало, терпи,
не выказывай страсти своей.

Посмотри: вот и солнце зашло,
и пригнали коров пастухи.

Ты прислушайся: издалека
звуки флейты плывут в тишине.

Это он! Посмотри, посмотри!
Это он, я узнала его!

Ну протри, бедолажка, глаза
и придумай предлог, не зевай!

Эй, красавицы, ну-ка сюда,
придержите теленка скорей!
Я корову пойду подою.

Десика Винаяхам Пиллей

ЦВЕТЫ

Земля нечиста, но послушна труду:
В ней — запахи дремлют, в ней — спит красота.
Лишь солнце появится в небе — в саду
И в поле — цветы обретают цвета.

Мы знаем: пчеле прилететь суждено;
Едва лишь начнется светила восход,
Нектар превращается в мед, а вино —
Заранее в пальмовом соке живет.

Коль юноша девушку в жены берет —
То радости большей для родичей нет:
Затем, что ценней человеческий род,
Чем золото и чем любой самоцвет.

Мы к божьим стопам на молитву идем,
Касаемся божьих косматых волос,
К нам радость нисходит священным дождем, —
Сколь счастлив, кто богу молитву вознес!

Пусть будут приветливы к нам короли,
Пусть ноша правленья им будет легка,
Пусть множится счастье любимой земли
И век наш земной — да продлится в века!

МЫШИНАЯ СВАДЬБА

Ежели свадьбу в амбаре затеяли мыши —
Стало быть, ночью: чтоб час потемней да потише.

Мышь из подполья явилась, и мышка с приволья,

Мышь появилась ползучая, следом — колючая,
Словом, мышиная стая, — но каждая мышь — непростая.

Вот наконец собрались они все до единой,
Все под амбар проскользнули цепочкою длинной.
Множество дней продолжался их праздник мышиный.

Свадьба на диво случилась удачная.
Да здравствует погребная, чердачная
Чета новобрачная!

КОРОВА И ТЕЛЕНОК

Пасется в саду
Корова степенная, белая.
Теленок — пасется рядом,
Прыжки веселые делая.

Едва только мать-корова
Позовет мычаньем теленка,
Он подбежит — и голос подаст
Просительно-тонко.

Корова теленка
Лизнет слегка,
А он из соска
Отопьет молока.

Припавший к вымени,
Чмокает звонко:
Прислушайтесь
К поцелуям теленка!

ВЕЛОСИПЕД

Посмотри-ка, сестренка, подай совет:
Что скажешь про этот велосипед?

В Англии сделан этот предмет —
Для поездок пригоден велосипед!

Он железный, износу такому нет:
Всюду может проехать велосипед!

Сидя на нем, повидаеть весь свет —
Быстро катится велосипед!

Не тянется дым за ним вослед:
Не нуждается в топливе велосипед!

На педали едва нажмешь — и привет:
Как птица, помчится велосипед!

А еще на спицы в колесах взгляни:
Как быстро-быстро мелькают они!

Семейство птиц — подобье родни.
Мчится велосипед. Взгляни!

ПОЧЕМУ ТЫ ВЯНЕШЬ, РОЗА?

На двери так много было замков —
Но вор не дремал,
Дверь поломал,
Взял, что хотел, да и был таков,
С собою унес — айо!—
Все богатство твое.

Зоркую стражу сумел обмануть,
Избежал ножей
Сторожей —
Да и пустился в обратный путь.
Где же было, бедняжка, — айо!
Твое чутье?

Солнце утром рассеяло тьму,
Но, взойдя в небосвод,
Не спросило с высот
У него: отчего ты бежишь, почему?
Отчего покидаешь тайком — айо!—
Чужое жильё?

Больше знать не хочу ни друзей, ни врагов,
Ждать не стану ни дня,
Довольно с меня, —
Удаляюсь к священным стопам богов,
Ухожу навсегда — айо!—
Таково решение мое.

Услышав эту речь, луна смутилась, огорчилась
И с бледной утренней звездой известьем поделилась;
Заря поведала росе, что от звезды узнала,
И грустно всем земным друзьям от слов небесных
стало.

Цветы, поговорив с росой, наполнились слезами,
Не захотели почки стать зелеными листками,
Покинула весна луга в красе первоначальной,
Веселой молодость пришла, ушла, увы,
печальной.

ПОКОРЕНИЕ ПРИРОДЫ

ПОЯВЛЕНИЕ АДАМА

Возвестила любовь, что влюбленный на свет появился.
Красота востепенулась, — ценитель примет появился.
Взволновалась природа, — из жалкого праха земного
Себявидец, познавший вопрос и ответ, появился.

Долетело с небес до становища ночи извечной:

«Ужасайся, — срывающий с тайны запрет появился!»

Пробудилось желанье, что спало в объятиях жизни, —
В предрассветном весеннем саду первоцвет появился.

И промолвила жизнь: «Я томила под куполом
древним,
Но в глухом небосводе лучистый просвет появился».

САТАНА ГОВОРIT ТВОРЦУ

Я не ангел-глупец, поклонюсь ли Адаму в раю!
Он из глины был создан — из пламени я состою.
Пожелал я — и кровь заструилась по жилам вселенной.
Я громами гремлю, я ветрами стенаю-пою.
Связь мельчайших частиц подчинил я могучим законам.
В тайной сути своей я страданье и счастье таю.
Я в распавшейся персти провижу сосуд совершенный.
Разбиваю, что создал, и новое вновь создаю.
Лишь по воле моей непрерывное движется время.
Средоточие страсти — я в бурях себя познаю.
Ты созвездья зажег — я внушил им полет и круженье.
Ты открыл бытие — я горение дал бытию.
Душу вдунул ты в плоть, эту душу объял я тревогой.

Предстаешь ты покоем, смятением я предстаю.
Пусть презренные ангелы мне не хотят поклоняться.
Судный день ты предрек, но увидишь во мне судию.
Твой Адам — горстка праха, он жалок в неведенье
рабском.
Ты его сотворил, но исполнит он волю мою.

ИСКУШЕНИЕ АДАМА

И радость и скорбь прекрасней, чем райский твой
полусон.
Голубка соколом станет, из тенет вырываясь вон.
Подобен будь кипарису, не гнувшемуся вовек.
Бесмысленно ты пред богом в молениях преклонен.
В струе источников райских — забвенье, небытие.
Лозы виноградной током ты будешь воспламенен.
Добро и зло лишь виденья, внушаемый богом страх.
Познанием, созиданьем ты станешь стократ силен.
Приди, я тебе открою пленительные края,
Тебя цветенье земное обступит со всех сторон.
Стань перлом, жалкая капля, из облака упади,
Возникни, как в море жемчуг, что на небе зарожден.
Будь вольным и самовластным, чтоб скрытая суть твоя
Вселенную ослепила, клинком блеснув из ножен.
Взлети на крылах широких и кровь фазана пролей,
В гнезде погибает сокол, дремотою истомлен.
Влюбленный достигнет встречи, опасностей не
страшась.
В горенье — тайна бессмертья, его единый закон.

ПОКИДАЯ РАЙ, АДАМ ГОВОРIT

Сладко мне печаль и радость слить в желаниях кипучих,
Разбудить биенье жизни и в пустынях и на кручах.
Отворяя дверцу клетки в этот сад благоуханный,
Звездам тайное доверить, побродить зарницей в тучах.
Видеть прелесть неприступной, постигать ее причуды,
Изнывать в томленьях тайных, не скрывать молений
жгучих,
Созерцать в лугах весенних лишь единство многоцветья,
Отличая венчик розы от ее шипов колючих...
Я — бессонное горенье, я ищу в различьях связь,
Верой жертвую сомненью, к вечной истине стремясь.

АДАМ ПЕРЕД ВСЕВЫШНИМ

(Судный день)

Ты мне сознание дал, и в предназначенный срок
В мире незрячем свечу сердцем моим ты зажег.
Я совершал чудеса, русла потоков менял,
Я молоко из скалы молотом звонким извлек,
В сети Венеру поймал, стал властелином луны...
Зоркий мой разум царит в мире страстей и тревог.
Властвую недрами гор, числю движенье светил,
Знаю песчинок пути, солнечных вихрей поток...
Грех мой великий прости и отпусти мне вину!
Не поклоняюсь сатане, мир подчинить я не мог.
Я красоту покорил, поработен красотой, —
Каменный идол вздохнул, страстью ко мне занемог,
Я непокорство увлек нежным арканом мольбы,
Принял я тяжесть вериг — сладостной власти залог.
Разум природу постиг, тщетно скрывалась она,
Горстью земли покорен пламени сын — сатана.

* * *

Как желал бы я с душою разлучиться навсегда!
Шумен мой базар, а прибыль исчезает без следа.

Я — тот пьяница, что садом стал бы от игры вина,
Виночерпий мой далеко, тешит душу — роз гряда.

О охотник, распалил я пеньем сладостным цветник,
Так что молнии в тревоге, не сожгу ли сам гнезда.

Я — тот прах, что, распылившись благодатно, степью
стал,

И земля — мои владенья, и далекая звезда.

Колокольчик я, стенанья в каждой жилке затаил,
Караван пускай проснется, зазвучу я лишь тогда.

Чтоб распутать сложный узел, прежде сердце успокой,
Крутятся водовороты, лишь когда течет вода.

В цветнике любви смертельна немота, о соловей,
Жизнь тогда только и длится, коль стенает в нем беда.

Юность — тяга к созерцанию, исполнение надежд,
Эти гости благодатны, дому нет от них вреда.

Я считаю простодушно, что кому доверил я
Тайну, тот ее и знает, — и не ведаю стыда.

* * *

Пусть только зеркало являет лик чужой,
Очисти ум и взор, коль в них проник чужой.

У заповедных птиц возьми огня, чтоб сжечь
Гнездо, случись тебе занять цветник чужой.

На крыльях собственных учись взлетать с земли,
Чтобы к крылатости ты не привык чужой.

Мне больше по душе с тобой разлука, друг,
Чем чтобы предо мной сейчас возник чужой.

Уллур Парамешвара Айяр

ДРАУПАДИ

Стройною, гордой, дивно-прекрасной —
такой навсегда осталась в сказаньях
Драупади — жена пятерых пандавов,
каждому верная всей душою,
Но не одной красоты и верности
вечным примером стала Драупади:
Стала она воплощеньем бесстрашья
лучших из наших индийских женщин.

Нелегкий долг: желанной и нежной
поочередно быть с каждым мужем,
Деля с пятерыми не только ложе —
все их заботы, думы, тревоги.
Но легче нести добровольное бремя,
нести его честно, гордо, усердно,
Чем стать рабой нечестивых кауравов,
покорно служить пятиглавому змею.

Да, твердо выстоять все угрозы,
вытерпеть гордо все поношенья
Способна женщина лишь с безупречным,
алмазно чистым, лучистым сердцем,
И только лучшая дочь отчизны
могла сдержать столь трудную клятву:
Быть верной супругой пяти героев
и ни одному не отдать предпочтенья.

«Скажи, о сестра, каким заклинаньем,
каким удивительным тайным зельем
Смогла приковать, будто цепью незримой,
ты всех пятерых могучих супругов?» —

Так у нее потихоньку спросила
Сатьябха — жена одного из кауравов:
Хотя и цвела она юной красою,
но был ее муж угрюм и неласков.

«Ужасным бесчестьям ты в нашем доме
подверглась, сестра! — так она продолжала. —
Вовек не забыть, как тебя за косы
втащил Духшасана в зал собраний.
Злорадно крича «рабыня! рабыня!» —
с тебя он пытался сбросить одежду,
Но чудо! — едва он срывал твое платье,
мгновенно оно заменялось новым!

И все-таки: как после срама такого
тебя не отвергли мужа-властелины,
Не стали тобой после всех надруганий
гнушаться, как оскверненной пищей?
Напротив, тебя еще большей любовью,
большим почтеньем они окружают!
Открой же, сестра: что за тайным зельем
ты всех пятерых опить сумела?..»

Взглянули в глаза красавице юной
глаза-жемчуга оскорбленной Драупади,
Глаза, где смешались огонь и слезы —
гнев и невольное состраданье.
«Верности! — ответила ей Драупади. —
Чистая, пламенная, беззаветная!
Верность такую — рано иль поздно —
любой супруг непременно оценит!»

«Знай, о сестра, — продолжала Драупади, —
мужьям, как богам своим, поклоняюсь,
И знают об этом мои властелины,
чтут и меня, как земную богиню.
Мало, чтоб тело с телом сливалось,
слиться должны и сердца, и судьбы:
С мужем супруга идет и на праздник,
и на чужбину, и в мир подземный!..»

Поистине так!.. На равнине Куру
в великом бою одержали победу
Не светлого Арджуны лук заповедный,
не тяжкая палица гневного Бхимы, —

Страшнее, чем Индры копье огневое,
 грозней, чем клинок, беспощадно мстящий,
Были те черные, длинные косы,
 которых коснулась рука нечестивца.

В тот миг, когда этих кос прекрасных,
 влажных еще от воды освященной,
Коснулся насильник, злой и бесстыдный,
 как жадный змей на стяге кауравов,
Тогда и покинула стан их неправый
 Лакшми — богиня удачи и счастья,
Тогда и взглянул на них исподлобья
 с черного буйвола мрачный Яма.

Кто ведал тогда, что ее прическа
 не нардом бесценным надушена будет,
А гладким и страшным запахом крови
 с полей, где ее оскорбители гибли,
И что на лице ее слезы осушат
 не взмахи узорного опахала,
А хриплые вздохи, предсмертные вздохи
 поверженных навсегда кауравов.

О, кто оценить по достоинству мог бы
 ее чистоту, достоинство, верность?
Ведь сам Васудэва — герой лучезарный —
 пленен был алмазной ее душою.
Когда ж попытался Духшасана подлый
 срывать шелка ее одеяний,
Стал сразу зал, где играли в кости,
 похож на ткацкую мастерскую.

Драупади!.. С такою щедростью пылкой
 душа раскрывалась ее, что казалось,
Сто тысяч голодных спасти она сможет
 одним только жалким зернышком риса.
Драупади!.. Такой справедливостью чистой
 душа пламенела ее, что казалось:
Сто тысяч ракшасов сжечь она сможет
 одной только искрой гневного взора!

Поистине так!.. В разгаре громадной,
 неслыханно беспощадной битвы
Едва начинало чуть меркнуть бесстрашье,
 пылавшее в яростных ратоборцах,

Один только взблеск ее глаз прекрасных,
одно вдохновенно-гневное слово, —
И снова сердца-алтари пламенели,
и с новою страстью шли в бой герои.

Когда же тринадцатый день завершился
великого, страшного братоубийства
И звезды, дрожа потрясенно, повисли
над полем вповалку лежавших трупов,
Пытаясь найти сыновей погибших,
блуждая, как тень, среди груд кровавых,
Она не рыдала, волос не терзала,
с истощными воплями в грудь не била.

А день блеснул, — из пяти супругов
она призвала храбрейшего — Бхиму
И пламенные слова сказала,
в трепет повергшие все три мира:
«Если не зря, о доблестный воин,
тебя именуют — Громорожденный,
Сегодня, в решающий день сраженья,
будь страшен и светел, как меч небесный!»

«Да будут к тебе милосердны боги,
да будешь ты жив! — так она продолжала. —
Как тигр, если ранят подругу-тигрицу,
отмсти за меня и за честь пандавов.
А я — я еще погляжу на закате,
достоин ли будешь ты, чтоб гирлянду —
Святую гирлянду отмщенья и славы
с гордостью я на тебя надела!..»

Поистине так!.. Хоть и черным дымом —
скорбью по всем сыновьям погибшим
Окутано было сердце Драупади,
но кто бы назвал ее слабой, угасшей?
Кто и сегодня сравнить посмел бы
с угасшими, тусклыми угольками
Сердца наших стойких индийских женщин?
Нет! Они пламенней год от года!

О Бхаратаварша! О наша Драупади!
Тебе мы клянемся, твои ратоборцы:
Уж лучше погибнуть нам, чем покорно,
позорно служить пятиглавому змею.

Внемли, о священная наша супруга —
богиня с алмазно-лучистым сердцем:
День близок, — наденешь на нас, свободных,
гирлянды победы, гирлянды славы.

ГРЯДУЩЕЕ

Обещав, что грядущее нам предскажет,
в дом почетным гостем пришел провидец:
Пред огнем очага разбросал ракушки,
сел на корточки, шепчет что-то, считает.
Видно, глядя на то, как упали ракушки,
разгадать хочет доброе и дурное,
И сидит старик в полутьме вечерней
и пронзительно, не мигая, смотрит.
А меж тем перемигиваются ракушки —
пересмеиваясь, друг другу шепчут:
«Что старик этот хочет? Мы разве звезды,
разве будущее ему предскажем?
Если вправду узнать он решил о грядущем,
полетел бы наверх — на синее небо:
Там и боги ближе, и звезды ближе,
по планетам и вычислил бы все судьбы!»
Тут нежданно откуда-то из-под крыши
вещий голос ящерицы раздался:
«Для чего раздувать в душе это пламя —
узнавать сегодня, что будет завтра?»
Всемогущий давно обо всех подумал
и для всех один гороскоп составил:
«Кто рожден, тот умрет!» — лишь четыре слова,
что же знать еще тебе, смертный, нужно?
Ты плоды своих добрых дел еще сможешь
в этой жизни увидеть... Но жизнь быстротечна,
И не в этом рожденье, а лишь в грядущем
ты плоды пожнешь своих дел греховных!»

СОВЕТЫ ЗВЕЗД

«Не попирайте надменно и злобно
тех, кто беднее вас и несчастней.
Не повергайте в отчаянье, в слезы
Землю, родившую вас, о люди!» —

Так говорит нам, лучами мерцая,
каждая звездочка в тьме полночной, —
В небо глядим — и в черном молчанье
шепот лучей этих трепетных слышим.
Звездные смотрят на нас мириады —
дальние сестры нашей планеты,
Видят они, как Земля, страдая,
слезы горячим дождем роняет,
Видят — и молча взирать не могут,
людям взволнованно шлют советы:
«Не попирайте друг друга! Мы — выше,
а вас мы все-таки не попираем!
Если б вы знали, с каким состраданьем
чистые наши глаза созерцают
Всю вашу жизнь! И наш свет — как руки,
что вам на помощь мы простираем.
Каждую ясной, безоблачной ночью
мы — ваши дальние, светлые предки —
Светом наполнить хотим ваши взоры,
радость и мир даровать вашим душам.
Но ведь вы сами от нас отстранились —
внять не желаете нашим советам!
Что за бездумная ожесточенность,
что за безумное высокомерье?»

Валлатол

ПОДБИТАЯ ПТИЦА

Эй, посмотри, как разводит широкие крылья
Белая птица и медленно к счастью летит,
Пруд наш волною ее холодит,
Ветер качает ее, точно лотос нежнейший.

Так над Землею божественной, пестрой постелью
Там, в поднебесье, подброшен прекрасный клочок —
Словно подвешен, ярчайший, светлейший цветок,
Он на невидимой нити, и это прекрасно.

Облако нежно коснется губами вершины,
Землю погладит, как первенца, ласку даря.
«Боже, как чудно дитя», — и, восторгом горя,
Лица вокруг озаряются дивным сияньем.

Хочет ли птица весь мир оглядеть из-под тучи?
Так высоко залетела она в небеса.
Это свободный, широкий полет начался.
Еле заметны далекие людные страны.

Слишком высок для людей этот ветер надменный,
Он покидает надолго семейство свое.
Птица летит, и трепещет сердечко ее...
А незнакомец приходит с оружием железным.

Да, он решил окровавить полет белоснежный.
О, человечьи клыки, что винтовками кто-то назвал.
Мягче металла, хотя и страшней, чем металл,
Руки, сковавшие злобную эту винтовку.

Видит охотник свою белоснежную жертву,
Видит ее обреченность. И как же он рад!

Это награда ему и услада услад —
То, что она никогда не поднимется больше.

Разве прекрасные крылья его окрылили
И восхищенье мелькнуло в жестоких глазах?
Может быть, он голодает в эдемских садах?
Может быть, наша земля не родит ему злака?

Он торопливо патрон забивает в оружие —
Вот и заряжен и поднят убийственный ствол.
Как он доволен, его он на птицу навел.
Радостно он возбужден и поэтому метко стреляет.

Нет тяжелее греха, чем такое убийство.
Брата убийство. И этот над дулом дымок,
Что поднимается в синюю высь, одинок,
И растворяется медленно там, в поднебесье.

Падает птица, крыла запрокинув внезапно,
Ниже и ниже. О ужас! О ужас и стыд!
Грешник, ничто этих детских забав не простит —
Точно волчок расписной, кувыркается птица.

Мать Земля! О Земля, породившая Будду!
Птица убитая вновь припадает к тебе
И затихает на глинистой, грязной воде.
Черные капли, как черные слезы, стекают.

Радостно в небе кружа, ты встречала супруга.
Что не летит он к тебе? Почему его нет?
Может быть, он, над гнездом ожидая рассвет,
Кормит детей, по-отцовски следит за птенцами.

Голод жестокий, птенцы и бессильны и немы.
Дети твои ждут хоть крошки, хоть капли воды.
Где же супруг, что свершает такие труды?
Нет его, нет, а вокруг уже тени ночные.

Рано ты, мать, овдовела, какая печаль, ты вдовица!
Крыльев еще не оперили дети твои.
Выстрел жестокий — погибель для целой семьи,
Сколько беды от преступной охотничьей пули!

Если бы эта победа случилась в сраженье,
Был бы ты воином и поступил как солдат.

Видишь, тигриные желтые очи следят
Стадо коровье — и все-таки ты не стреляешь!

Разве не знаешь, что наша Земля изобильна?
Польза какая в жестокости дикой твоей?
Сколько же горя тем людям, что камня бедней,
Жирные грешники, радуясь подло, приносят.

Ты на алтарь преступления, о птица, взошла
С красной гирляндой вокруг окровавленной шеи.
Капли кровавые даже и раны алее,
Словно гирлянда идущего на эшафот.

Боль, что ударила птицу, была нестерпимой
И навсегда ей открыла пустые глаза.
Вот и последний, бессильнейший крик раздался,
Вырвался он из ее перебитого клюва.

Скрылось за дымкой туманное, мрачное солнце.
Все замолчало, поникло, пропало вокруг.
Знак это добрый, и это полезный испуг —
После убийства такого весь мир испугался.

Звезды на небе печальном, ночном проступили,
Чтобы взглянуть — что такое случилось внизу.
Держит охотник добычу свою на весу,
Вот подержал и засунул в охотничью сумку.

Пусть он насытится, проголодался охотник.
Нежное мясо он съест — пообедать пора.
Перья твои разнесли в поднебесье ветра,
Весть о жестокости пусть разнесется по миру.

ДОМ ВДОВ В МАДРАСЕ

Небо, бескрайнее небо над головой
и бесконечное море, подобное небу.
Тело мое ласкают морские ветра,
бриз обвеивает меня влажной струей.
Из города, шумного города сюда я пришел.
Возле солнцем залитых морских берегов
погоняет ветер волну за волной.
Отвожу я от моря взор и оглядываюсь назад,
широко открыты глаза мои.

Вижу издали: как тика у красавицы на лбу,
в дымке вечерней — солнце.
Вижу: женщины из приюта для вдов
стоят поодаль на берегу.
Бог лишил их мужей,
стерлась тика.
И хоть многие из них во цвете лет,
но несчастнее их нет никого.
Ветер с моря прохладу несет,
и светлеют лица у них,
если вспомнят они мужей,
если вспомнят прежнюю жизнь.
И сегодня волны, резвясь,
подбегают к морским берегам.
Эти женщины были счастливы в прежние дни,
ни одна не улыбнется теперь.
До чего же горька жизнь вдовы!
Вот стоит огромный этот дом,
дверь распахнута широко.

Точно молнии, лимузины богачей
мчат мимо окон его.
Но медлительно, как муравьи,
эти женщины свершают свой путь.
Лишены они близких и друзей
и во всем зависят от других.
О, какого только горя нет
в пяти буквах слова «вдова»!
Даже те девчушки, которым рано еще
о супружестве думать, даже они
ужасаются при слове «вдова».
Как судьба женская тяжела!
У мужчины подружек хоть сто,
а у женщины единственный путь —
верность хранить до конца.
Надо ли терпеть закон,
у которого два лица,
разные для женщин и мужчин?

Неотрывным взором маяк
издали глядит на вдовый дом.
Как он может без усталости день и ночь
дом несчастья высматривать на берегу?
Мощно волны о берег бьют,
пена белая пляшет на гребнях...

Щечки детские жизни полны,
кудри детей волнуются на ветру!
Осторожно, держась за руки матерей,
дети выходят на пляж,
и следы их потом видны на песке.
Разве материнство не живет
в сердце женщины,
когда она вдова?
Ваша жизнь проходит, сестры, во тьме.
И прохожие глядят на вас,
будто уличные фонари, —
это взоры мира обращаются к вам.

МИР ЕДИН

«Мы — атомы жизни. Нас разбудили,
лежащих в неизвестности,
таинственных, неподвижных.
Зачем нас из вечного сна исторгли?»

Неужели это мы вращаем планеты?
Ведь мы такие малые частицы —
нам и в памяти не удержаться,
зачем вы задумались над нами, ученые люди?

Смертоносное, то, что убивает, —
вот что вы нашли в нас». —
Так в молчании философском
обращаются атомы к ученым.

Ваши знания огромны,
но вы служите дурным людям,
тем, кто с помощью атома-малютки
хочет мир разрушить.

О наука, наука,
какой тяжкий труд ведет к твоим вершинам!
Сколько жертв приносят тебе простые люди!
Даже не знают они, как их труд смертоносен.

Солнце, ты можешь выпить соленое море,
пресною станет влага и прольется дождем
прозрачным.

А те, кто делают бомбы, отравляют землю
и воду.

Солнце, верни им разум!

Человек, ты свет порождаешь,
небеса украшаешь звездным сияньем.
Опалить все живое атомным зноем,
человек, отчего ты не стыдишься?

Мы наперечет знаем
людей, замысляющих войны.
Бомбы падают на детей, на игрушки детства —
армии, целые армии заняты этим!

Золото корон не почитается отныне,
просвещенные народы
более не поют осанну своим вождям жестоким.
Отныне труд сам себе освободитель.

Сколько ни взрывай, сколько ни испытывай атом,
будущей войны этим не остановишь.
Тот, кто может убить одного человека,
может поднять руку на всех живущих.

Чем сильнее машины, тем короче расстоянья,
Мы должны стать еще ближе друг другу.
Может ли мир разделиться на отгороженные закоулки?
Нет! Победа будет за теми, кто человечество объединяет!

ДИПАВАЛИ

Среди рисовых полей необозримых
спелые зерна риса, как золотые крупинки...
Осенью в это время
земля богатеет.

Наступает осень,
и урожай созревает —
подобные белым лебедям в небе,
облака перелетают с лотоса на лотос.

В темном вечернем небе
последний гость ночи, месяц,
перед тем как скрыться,
светит медовым светом.

Медный светильник
огоньками своими на круглых площадках
разгоняет тьму —
золотистые язычки сверкают.

В храмах и вокруг храмов
начинается дипавали —
даже звезды, пришедшие на праздник с неба,
приносят жертвы.

Огоньки повсюду — это
сияние над глиняными горшками.
Словно сари золотой каймой,
оторочены улицы светом.

Светильники на шестах ярко светят,
словно свежие
бутоны на ветках
раскрывающегося жасмина.

Бледнеет тьма ночная,
побежденная ярким светом.
До чего же ты светлый и красивый
дипавали — великий праздник!

В домах, во дворах, на балконах,
в садах, в городских кварталах, у подворотен —
езде светильники светят!
Все вокруг освещено ярко...

Ярче звезд небесных
эти огни земные.
Они прекрасны, они живут
в светильниках, сотворенных человеком.

Пусть у каждого сегодня
в светильнике хватит масла.
Пусть во всех сердцах
мир будет возлюблен.

В хижинах скромных, во дворцах богатых,
в городе и в деревне —
езде светит огонь масляной лампы:
повсюду празднуют дипавали.

ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

Исполняется семь лет родине любимой —
Индия, твой день сегодня.
Семьсот тысяч деревень,
счастливые, танцуют,
и никто не забыт на празднике этом...
Да здравствуют народы Индии,
да здравствует Индия — дом их общий!
Сегодня триста шестьдесят миллионов едины,
сегодня они — одно семейство.
Пусть так пребудет вовеки —
именно в этом нуждаются люди.
Нынче День Рождения счастливый —
развешаются над нами трехцветные флаги.
И ветер, раздувающий полотна,
сердца и умы обращает к счастью.

Двадцать шестое января — день ярчайший,
он разгоняет тучи печали.
В этот день забывают все
о гордости и униженье.
Ваше лицо спокойно, и по нему струятся
золотые лучи солнечного восхода,
священного сокровища всеземного.

В борьбе дом независимости построен нами,
за ним следить надо и не лениться.
О, как много предстоит Индии сделать —
и, главное, помочь тем, кто еще в рабстве.
Поможем им, соберемся все вместе
и соединим наших рук семьсот двадцать
миллионов.
Отдайте мне печаль всего мира,
пусть никому не останется печали!
Собственным горем заплачу я за счастье
Родины, Индии, Бхараты —
я буду бороться за всех людей на свете!

ВРЕМЯ ТУМАНОВ

Ушла прозрачность — краса осенняя,
так хмуро небо, туманы клубятся.
О Калиюга, время тревоги;
о Калиюга, время мрака.

Значит, это к перемене погоды?
Только тысячерукое солнце
может остановить ненастье.
А не то одолеют нас туманы.

И воздух туманен,
и небо белесо.
Как цветок в белой дымке,
померкло небо.

Когда холодно людям,
их надежды остывают,
словно они с четырех сторон света
окружены белым туманом.

Под осенним ветром
цветы опадают с деревьев.
Исчезает красота рощи,
как у женщины, расстающейся с мужем.

В этот праздник,
когда поют на прудах птицы,
пение их похоже на бой барабана —
так поют они.

Солнце на Севере ночевало.
Солнце уныло, солнце печально.
Точно слезы, стекают туманы,
день все короче.

Беднякам приходится
рано утром
вставать на работу,
поеживаясь от холода.

В холодный пруд
журавль не опускает клюва,
сидит одиноко на берегу.
Не будет ему рыбы на завтрак.

Белогрудый, коричневокрылый коршун
парит в небе.
Над прудом он делает круг за кругом,
высматривает рыбу.

В серебристом тумане
вянут девочки-лотосы.
На осиротевший пруд
слезы тумана стекают.

Распускают розы в саду
лепестки, что нежнее шелка.
Лепестки снова сжимаются в бутоны
от холода, от дрожи туманной.

На ночь кусты роз покрывают тканью,
заворачивают сверху и снизу.
Утром женщины ткань выжимают —
так вот делают розовую воду.

Пляшут под ветерком листья,
и росинки блестят на них, точно алмазы.
Вот-вот взойдет солнце,
радуга затрепещет в банановой роще.

Пастух поднимает ягненка,
прижимает к сердцу, как сына,
пастух рад,
и бодрит его холод.

Чудовища-крокодилы
греются на солнце,
лежат один подле другого,
как разбросанные по берегу камни.

Солнце тускло светит,
его и в полдень почти не видно.
И только совы, что кричат на деревьях,
только совы довольны.

Почти все дома в деревне
закрыли окна-глазницы.
Может быть, они совсем ослепли?
Нет, они только сейчас не видят.

Зеленеют медные монеты
в шкатулке у скряги.
Веера тоже залеживаются в лавках,
никто не берет их в руки.

Так холодно утром,
люди дрожат от озноба.
Можно согреться только в полдень,
но кратко тусклое солнце.

Если туман все-таки уходит,
он уходит быстро.
Тот, кто наверху,
не любит медлить.

Если бог вас приветит,
по коже пойдут мурашки.
В такой одежде холод не страшен
даже нищему, что бредет от двери к двери.

Царь наряжен в длиннополые одежды,
но и его не щадит холод;
а вот бедняки
просто обхватывают тело руками.

Бывает, что от холода немеют ноги и руки.
Чтобы кровь разогнать,
люди сгребают опавшие листья,
жгут костры — согреваются как могут.

Люди держат над огнем руки,
словно бы благословляя пламя,
ведь оно побеждает холод —
так огонь почитают люди.

Яркие угли пламенеют
в простом горшке,
озябшим людям он дороже
золотого сосуда с драгоценными камнями.

Закончив труды по дому,
жениха поджидает невеста;
благоухают палочки из сандала,
и комната наполняется ароматом.

Рис на полях еще не собран,
но все знают — урожай хороший.
Словно танцующая Богиня урожая,
колышется золотистое поле риса.

Чакора кричит угрюмо,
слышна печаль в этом крике.
Небеса закрыты туманом,
и луна в небесах точно призрак.

Те, кто по ночам охраняют рисовое поле,
жмутся к костру поближе.
Голоса их слышны издали —
так тишина разносит звуки.

До чего хороши краски в эту пору —
песня так и просится наружу.
Точно пение попугаев,
слух ласкает прекрасная песня.

Даже в такую пору урожай богат,
золотистый сноп риса
подобен яркой жемчужине —
украшению клюва.

ГОЛОД

I

Вовремя не починили крышу,
дождь затекает в комнаты;
дом похож на голодающего с подведенным животом,
и стропила выпирают, как ребра.

Пальмовые листья на крыше все в дырах,
свет через них проходит, словно взор сатаны,
он проникает сюда свободно
и полы разглядывает в доме.

Дождь льется
и оставляет потеки на стенах,
и потеки эти похожи
на растрепанные седины безобразной старухи.

Такой дом похож на опустившегося человека,
полуразрушенный дом бедняцкий,
словно он на краю жизни,
словно истекает кровью.

Если войдешь внутрь — увидишь:
обшарпанные, с дырами стены,
разбитые двери;
на одной из них паук свил паутину.

Кто же следит за этим домом?
Женщина живет здесь,
шевелинуться нет у нее силы,
вот и сидит одна на кухне.

Холод и бедность
изуродовали ее тело,
сидит она подле очага,
как бы в молитвенной позе.

На ней лохмотья — дырка на дырке,
лицо осунулось и иссохло,
так истерзал ее голод,
что не заметно былого благородства.

Тридцать восемь лет ей — не больше,
но выглядит она старухой,
молодость ее обглодана до предела,
кое-что лишь осталось, самая малость.

Без масла волосы ее потускнели,
а еще полгода назад
они красотой поражали
и шел аромат от них по всему дому.

Почему же так случилось?
Нужда вмешалась в жизнь этого дома.
Кончилась удача.
Муж ее, борец за свободу, выслан.

Муж — любимый,
радовавший ее, ласкавший.
И вот — о, горе — наступила бедность,
и нечем прикрыть ей бrenное тело.

Сидит она среди печали и позора.
Что уготовано ей — тернии вместо лепестков
благоуханных?

«О боже, смилуйся надо мною,
на кусте роз только шипы ты мне оставляешь».

Еще недавно звенела дивная музыка ее браслетов,
внимали ей милые гости;
эти руки щедро угощали,
о, как давно они еды не держали!

Горсточку риса сегодня дали ей
соседи из состраданья,
вот и все,
с этим она пришла на кухню.

II

Юноша благородной внешности
удивленно поглядел по сторонам,
и этот дом ему на глаза попался.
«Какая бедность!» — он подумал.

«Нет, ошибки быть не может! Я не мог
заблудиться!»

Это тот же самый дом, конечно!
Но что же случилось?
Родня разъехалась, что ли?»

Так он размышлял, стоя у порога,
ничего не понимая:
«Почему нет гостей, как бывало,
никто меня не зовет, не приглашает?»

А она совсем ослабела,
что-то ее терзало нестерпимо...
Юноша перешагнул порог дома,
вошел на кухню.

Она попыталась подняться,
голову приподнять попыталась
и увидела:
входит мужчина.

А он шел так осторожно,
ступал тихо-тихо
по доскам пола.
Все-таки она услышала — кто-то подходит.

Она встала,
кое-как закуталась в лохмотья
и вышла, еле волоча ноги,
в коридор, чтобы гостя встретить.

Милый облик матери своей супруги
не узнал юноша — так она изменилась;
носившая когда-то шелка —
была в лохмотьях.

Но женщина полуживая
юношу узнала с первого взгляда,
и даже голод не помешал ей,
как при вспышке света, увидеть былое.

Молодой человек постоял на пороге
и стремительно выбежал из кухни,
он не сказал ни единого слова
и сбежал почему-то...

Так ведь и надо, коли ты хорошо воспитан,
вид ее смутил его сердце,
даже женщине на нее, не только мужчине,
глядеть не подобало,

ведь она была почти нагая.
Когда он передохнул немного,
когда перевел дыханье,
то почувствовал вину перед нею,
он вернулся.

Два года он здесь не был,
Что же за это время случилось?
Этот дом процветал под покровительством Лакшми —
и вот нет еды, нет одежды — во всем бедность.

А над Европой орудийный дым
застлал горизонты,
и все-таки в Индии тогда было еще темнее,
всюду царствовал голод, людей погубитель.

Юноша задумался, ему было о чем подумать...
Он пошел на базар, побродил по лавкам,
купил то, что надо, из одежды
и возвратился в дом тещи.

Он был хорошим зятем
и любил мать своей супруги,
он поступил благородно.
Но... о боже! Она лежала мертвая на полу в кухне.

Когда исчезнут бедность, болезни, горе,
когда прекратятся раздоры,
когда станет легче дышаться —
будет тогда наш мир самым счастливым.

Сароджини Найду

ЛОТОС

Посвящается Махатме Ганди

О дивный Лотос наш, священный, величавый,
В нетронутой красе миллиардов лепестков,
Превыше бурь Судьбы ты блещешь ясной славой,
А корни погрузил в истоки всех веков.
Вон тучи диких пчел с далеких берегов
К тебе слетаются, прожорливы, лукавы,
Голодные ветра — те с жаждою расправы,
А те с надеждою — спешат обвить твой кров,
Чтоб иссушить, смутить ключ нежной чистоты,
Что в храме сердца ты таишь, святой чудесник...
Но кто похитит дар той тайной красоты,
Дыханьем Брахмана в тебе, бессмертный вестник,
Зажженный навсегда?.. Кто смог бы жить, как ты,
Дающих Жизнь и Смерть посланец и ровесник?

УЛИЧНЫЕ ВЫКРИКИ

Когда в небесах рассветных цимбалы первые бьют,
Весь мир поднимая на шумный, разнообразный труд,
Когда принимаются люди жать рис и доить коров
И ждут хоть немного награды за тяжесть своих трудов,
Тогда, пробуждая голодных, под стук подошв и копыт,
«Хлеба купите, хлеба!» — вдоль улиц гулких звучит.
Когда и земля стала зыбкой, и в обмороке река —
Так жгуч беспощадный полдень, так злая жара тяжка,
Когда уж и звонкий кóял в иссохших ветвях не поет
И кровь в обессиленном горле лишь влаги живящей ждет,
Тогда, будто вызов бросая в пылающий зноем зенит,
«Фруктов купите, фруктов!» — жаркий проулок кричит.

Когда же мерцающий вечер звездным своим шатром
Внезапно накроет базаров веселую давку и гром,
Когда, звоны струн вливая, курильниц густой аромат,
На белых высоких террасах влюбленные сядут в ряд,
Тогда для улыбок нежных, для юных стыдливых ланит
«Розы купите, розы!» — вдоль улиц поющих звенит.

НАГРАДЫ

Посевам и рощам —
Дары изобилья,
Орлам, журавлям —
Горделивые крылья,
Отвагу — пантере,
Изящество — лани...
А мне, о Господь мой, —
Восторги свиданий!

Ладоням нырлящика —
Жемчуг красивый,
Глазам жениха —
Лик невесты стыдливой,
Ослепшему — сны
Про былые свиданья...
А мне, о Господь мой, —
Восторги познания!

Жрецам и пророкам —
Святые прозренья,
Царям, ратоборцам —
Лихие сраженья,
Их пленным, согбенным, —
Дорогу к спасенью...
А мне, о Господь мой, —
Восторг песнопенья!

В ПРЕДДВЕРИИ ХРАМА

Н а с т а в н и к :

Проснитесь! Настал воспеванья Любви лучезарный час!
Идите со свежей листвой — украсить мы храм должны.
Бутоны гранатов и сирисов брать надо всякий раз,
Сияние влажных колосьев, душистые ветки весны.

П а л о м н и к :

О жрец!.. Только струны — обрывки несбывшихся грез —
К алтарю Любви я принес!

Н а с т а в н и к :

Смотрите! Все ближе час жертвы, несите святую дань,
Пусть гряда ее растет на горячих камнях алтаря,
Несите нежнейшую ношу: лесную убитую лань
Да пару горных голубок, чьи крылья чисты, как заря.

П а л о м н и к :

О жрец!.. Только сердце — в ожогах от тайных слез —
К алтарю Любви я принес!

Н а с т а в н и к :

Чу! Пробил час, и Любовник молиться вступает в храм,
Священный костер над душистыми ветками взвился ввысь.
Кормите же сладкий огонь — сыпьте редкостный фимиам
И творог священных коров, что на вешних лугах паслись.

П а л о м н и к :

О жрец!.. Только душу — в крови от горящих роз —
К алтарю Любви я принес!

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ГИМН

(В дни сбора урожая)

М у ж с к и е г о л о с а :

Бог лотоса светлого, Бог урожаев наших,
Блистательный, неистощимый Владыка зари!
Ты щедрый, — взрастил ты колосья на этих пашнях,
Ты щедрый, — нам снова обилье зерна подари.
Наш хор и гирлянды мы в дань тебе предлагаем,
Хотим, чтоб златые снопы и плоды ты взял.
Даятель лучей! Воспеваем тебя всем краем —
Тебя, о Сурья, под звуки флейт и цимбал.

Бог радуги яркой, бог урожаяев наших,
Величественный, благодатный Владыка морей!
Ты милостив, — борозды ты напоил как из чаши,
Ты милостив, — дай нашим нивам созреть скорей.
Хвалы и гирлянды мы в дань тебе предлагаем,
Чтоб наших долин ты богатства собрать нам дал.
Даятель дождей! Воспеваем тебя всем краем —
Тебя, о Варуна, под звон ситар и цимбал.

Женские голоса:

Царица цветов, Владычица всех урожаяев,
Сладостная, всеобильная Мать-земля!
Чрево твое все сокровища наши рождает,
Мощною грудью ты кормишь леса и поля.
Любовь и гирлянды мы в дань тебе предлагаем, —
Дары возвращаем, что твой же исток даровал.
Родник стольких радостей! Славим тебя всем краем —
Тебя, о Притхиви, под гром литавр и цимбал.

Все голоса:

Бог всей вселенной, Владыка всех наших дыханий,
Вечный Отец наш, чей зов — несказанный Ом!
Ты — и Посев и Серп, Утолитель желаний,
Ты — наше Сердце и Руки, наш общий Дом.
Дни и труды свои в дань мы тебе предлагаем,
Ждем, чтоб советом и светом ты нам помогал.
О Жизнь всего сущего! Славим тебя всем краем —
Тебя, о Брахма, под гул молитв и цимбал.

Пуран Сингх

ПАНДЖАБСКИЕ ЮНОШИ

Беззаботные парни Панджаба —
даже смерти они не боятся
и глядят ей с улыбкой в глаза!

Отдают себя в рабство любви,
жизнью жертвуют ради любви,
и бесстрашные копьё свои
преклоняют они перед ней!

Силу юности боготворят,
неподкупны, как ветер свободны, —
им свободу сам бог даровал!
Имя гуру священо для них.

Влюблены и любимы они,
в своих чувствах свободны они,
перед жизнью и смертью свободны
и от всех суеверий свободны.
Все равны, каждый сам по себе!

От души веселятся они,
властелины желаний своих,
под ярмом у желаний своих,
и бегут от занудливых дел,
отшвырнув их с презреньем ногой!

Что с них взять! Дал свободу им бог,
да, наверное, мерой двойной!
Их земное призванье — любовь,
и наука всей жизни — любовь,
ибо гордость панджабца — любовь!
Ты послушай: наследники Ранджхи
испускают победные клики!

Ранджа в йогах недолго ходил,
он ученье аскетов отверг.

Заявился к наставнику он
и в слезах стал молить о пощаде.
Он йогу йогов сказал:

на, возьми свои серьги, отец,
и, о праведный, зря ты спешил
проколоть мои уши иглой.
Ну какой же йог из меня?
Я постиг одно имя — любовь,
я любовью пронзен до костей.
Разве спятит йог от любви?
Пусть затянутся дырки в ушах,
и возьми свои серьги, отец!

Узнаю их повадку и нрав,
нрав, который не терпит хлыста.
Как красивые кони, в чьи гривы
заплетают гирлянды цветов,
наслаждаясь, гуляют они.
Отойди, ну-ка даст себя знать
необузданность этих коней!

О красавцы мужчины Панджаба,
смотрят с гордостью предки на вас!
Не трясутся над жизнью они,
дерзко жертвуют жизнью они,
кровь пролить не боятся они,
не бегут с поля боя они!

Почему?
Полон внутренней силы Панджаб
и потоками света омыт.
Кто над ним может властвовать, кто?
Здесь под взорами бога богов
реки жизни быстрее текут —
и Ченаб, и Рави, и Сатледж,
и Биас, и Джелам — и поют
и поют гимны богу богов!

Сколько сил у течения рек —
не найдешь ни местечка сухого!

Пьет напиток богов человек,
и пичуга, и зверь, и червяк.

Жизнь пришла, сострадание пришло,
и небесная песнь, и душа.
Небеса наслаждений разверзлись,
и на землю пришла красота.
О картины, приятные сердцу,
дождь разительных взоров и стрел!

Все, кто щедр и отважен, — пришли,
Все любимые богом — пришли!
Стук копыт не смолкает, и гуру
здесь жилища свои возвели.

Позабудь все сомненья и пой,
и играй на старинной алгозе!
Веселись! Как божественна юность!
Веселись! Как божественны муки!

Веселясь, сердце быстро устанет:
эй, свистящие копья, мечи,
ничего нет полезней для мышц!

Здесь открытые всхолмья, поля,
и тропинки, и ветры, и дни,
здесь, вминаясь, по пашне идут
ближе к вечеру парни домой.

О тигрята! Пора побродить
и усталые ноги размять!

ПАХАРИ

Никого за собой не зову.
Одинок в деревне живу.
Книга жизни раскрыта как луг.
Каждый джат — мой товарищ и друг.

Чуть ступил за порог —
И подносят тебе
Хлеб из баджры,
Горох и соленый творог.

Комья масла и саг,
Молоко буйволиц.
Здесь, в деревне, живу
Без забот, без тревог.

В зной прохладной водой напоят.
Скажут доброе слово — ты рад.
Пашут джаты бугры дотемна —
Мать-земля наградит их сполна.

Сеют, жнут, скот у речки пасут,
Просяные лепешки пекут.
И еда, и одежда, и кров —
Все у них от земли и от неба.

Тянут раджи из пышных дворцов
Руки — просят у пахарей хлеба.

Субраманья Баради

ПАДЕНИЕ ЦАРЯ

На страну под названьем Россия взглянула великая Кали.
Тишину уничтожило громом, зарницы вдали засверкали.
Пал тиран, называвшийся «царь», ужасаясь, крича,
завывая.
Горних стран обитатели все ликовали, о том узнавая.
Огонь реки силы зла захлестнул, запечатал их в черном
тумане.
Мир людской, удели и свое сим событиям грозным
вниманье.

Нагрешил, как Хиранья издревле, тот царь и беспутством
и прочим,
Он решил: неподсуден монарх, восседая на троне на
отчем.
Испокон прозябали в стране почитатели чести и правил,
Ведь закон повелитель ее для себя и в полушку не ставил,
Как дракон, то обманом, то злом он воистину мерзостно
правил.

Сколько бед не избег в той стране поселянин, забитый
и нищий,
Ибо нет у владык для него ничего — ни приюта, ни пищи.
Кто курил фимиамы царю, даже тот был едва ли спокоен.
Кто дарил неприязню царя — был единственно смерти
достоин.
И восстал грозных виселиц строй, заполняя и дали
и шири,
Кто роптал — отправляли того в холода, на погибель
в Сибири.

Вопроси: «Для чего это все?» — и окажешься тут же
в остроге,

На Руси лишь в тайгу да в тюрьму приводили любые
дороги.
Закоснев, восседала бы ложь на престоле монаршем
доныне,
Если б гнев на неправую власть не исторгся из сердца
богини:
О, не зря на людей в нищете посмотрела богиня,
недаром! —
И царя, что приспешником Яме служил, предназначила
карам.
Только пасть оставалось царю — он упал, словно рухнули
горы,
Пала власть — и обрушились вмиг и опоры ее, и затворы,
Только красть и умели-то в жизни царицы прислужники-
воры.

Погляди, как народ свою жизнь перестроил порывом
единым,
Проследи — ведь не стало рабов, хоть никто и не стал
господином,
Возгласил победивший Совет, благоденствия вестник
суровый:
«Сколько сил ни потратили вы, но зато вы разбили оковы»,
Весь народ, все бывшие рабы да возлюбят навеки друг
друга,
Пусть пройдет и забудется прошлая эра царя, Калиюга,
Не беда, что страданья и слез переполнилась грозная
мера,
Навсегда настает на земле Критаюга, прекрасная эра.

ПАТРИОТЫ С ВИДУ

Лишенные силы душевной, живой,
И чести — как таковой, —
Лгут они дико, — попугай мой, гляди-ка! —
Каждый твердит, что он, мол, герой (шире уши открой!).

Сойдутся порой почесать язык —
Только визг да бессвязный крик,
Кричат — ради крика, — попугай мой, смотри-ка! —
Теряют малейшую суть (ты слушай, да не забудь!).

Понимают ли эдакие существа
Хотя бы простые слова?

Где же цель их благая, — не тебя ли смешить, попугая? —
Что скопцы понимают в любви? (Каждое слово лови!)

Есть, конечно, у каждого пара глаз,
Но зренье для них — не указ.
Как бабы орут, завывая, — слушай, попугай, не зевая! —
Притом от зари до зари (ты слушай да смотри!).

Промолчать про фабрики им мудрено,
Про индийское полотно,
Но, если только молиться, — слушай, попугай,
пригодится —
Упадет ли хоть манговый плод? (Знай, попугай, наперед!)

О сари домашнем их слушать изволь,
И, конечно, про сахар и соль,
Говорят, чужеземцев ругая, — видать, для тебя,
попугая! —
Будто всякое ведомо им ремесло (слушай, даже ежели
тяжело!).

До любви к божеству им дело есть,
Важна и женская честь, —
Говорят без веры, со злобой, — попугай, и понять их не
пробуй! —
Вера-то им — к чему? (Это и тебе по уму!)

Чужеземцы бесчестили наших жен,
Даже воздух наш заражен,
А эти болваны покуда, — попугай, послушать не худо! —
Говорили: не в этом суть (ничего не забудь!).

Даже храм богини Кали — и тот
Познал чужеземный гнет,
Они же, себя еще больше пугая, — понятно даже для
попугая! —
Только тряслись день и ночь (запомни точь-в-точь!).

Страх и бессилье у них, и тьма
В рабских потемках ума —
Но для них-то чем лучше — тем ниже, — попугай,
смотри же! —
Низость — у них в груди (зорче гляди!).

Не стоит честь для них ни гроша,
Коль постель да еда хороша,

Все для них — продажно, — попугай, это важно! —
Вот насколько ничтожны они (так что снова взгляни!).

Как при мысли о пальмовом вине
Крикнуть «Шива!» могли бы вполне,
«Слава матери!» — кличут, изнемогая, — научились
у попугая? —
Но слова для них — только звук (запомни, мой друг!).

Им бы только про древность разговоров вести,
Небылицы о ней плести,
Ничего в ней не постигая, — насмешат попугая! —
Ничего не зная о ней (знать не желая, верней!).

Забыли они про родную страну,
Лелеют жажду одну:
Стать возможно богаче — да и как, попугай, иначе? —
Да только станут всех бедней (выжди немного дней!).

О том, что братья на смерть идут —
Знает этот поганый люд,
Но их сочувствие ложно, — попугай, ведь и это
возможно! —
Позабыли данное искони (снова взгляни!).

Обреченные на бесправный труд,
Индийцы с голоду мрут,
Участь же этих людей — другая, — ясно для попугая! —
Не двинутся ради других ни на шаг (вот так!).

Голод в стране — источник бед:
Им до этого дела нет!
Попусту разевая рты — так, попугай, не умеешь и ты! —
«Слава матери!» — повторяют, и... со стыда не сгорают.

РАБСТВО ДЛЯ РАБОВ

Помни, раб, что назначено рабство — рабу.
О свободе забудь, не сердись на судьбу.
Коль рожден ты рабом — так и жил бы, как жил.
Чем ты право менять эту жизнь заслужил?

Может, кончен меж кастами вечный разлад?
Иль религии все примирились подряд?

Справедливость какая-то, значит, грядет?
Убирайся отсюда, бессмысленный скот!

Раб, неужто посмел позабыть ты про страх?
Или дерзок всего лишь на первых порах?
Иль подачку мою — ты же ею живешь! —
Ты отныне, безумный, не ставишь ни в грош?

Может, ты возомнил, что сидишь на коне?
Иль за море плывешь по высокой волне?
Пес, что рыщет в отбросах, — затем ли пришел,
Чтоб попробовать сесть на верховный престол?

Ты достиг ли единства в родимой стране?
Много ль силы в руках, и в ногах, и в спине?
Все, о чем говоришь, неприятно весьма.
Ты совсем не способен к работе ума.

Жить сплоченно — ужели отважились вы?
Ты порочен, и братья твои таковы!
О падении вашем — окончен ли сказ?
Иль бездельников больше не стало средь вас?

Если встретится белый тебе человек —
Неужель не дрожишь, как дрожал ты вовек?
Если выбрать надумал ты правильный путь —
Про свободу какую-то — думать забудь!

Ты страну охранять вознамерился впредь?
Но для этого многое нужно уметь!
Охранять научись-ка свой собственный дом!
Раб! Займись наконец-то привычным трудом!

Много ль можешь поставить людей под ружье?
Надоело привычное дело твое?
Лишь для грязной работы и низкой судьбы
Вы годитесь — вы все от рожденья рабы!..

СВЕТЛАЯ ЛУНА

В море безбрежных небес видны
Очертания светлой луны. — С вышины,
Словно ласка в ночи, льются лучи
Светлой луны.

Сердце, и слово, и чаша вина,
И ты, о луна! — Ты, я знаю, должна
И сегодня пройти все те же пути —
Луна, о луна!

Сколь много красок дается извне
Светлой луне! — Не случилось мне
Знать никого, кто б отверг колдовство,
Что присуще луне!

Опасней амриты, испитой до дна,
Твой напиток, луна! — И пьяным-пьяна
Тобою земля — раздолы, поля!
Сияешь, луна!

Равнялась красавица не одна
С тобою, луна! — Но пройдут времена —
Их краса уйдет под гнетом забот,
Но не ты, о луна!

Вот девушка — она влюблена,
Смотри, о луна! — Возожжена
Сила бога любви у нее в крови —
Тобою, луна!

Любовью мысли ее полны
В чарах луны! — Среди тишины
Поцелуям — любя — открывает себя —
Ты виновна, луна!

Быть не должно на тебе ни пятна,
Благая луна! — Но местами темна,
А местами светла окраска чела
Твоего, о луна!

Твой свет — как молочная волна,
Плывешь, о луна! — Позлащена
Амритою высь. — О, еще поднимись
Над миром, луна!

Тайна высот приоткрылась мне
При полной луне! — Возлежал в вышине, —
Узнать не сумеи! — Тот, чье ложе — змей!
О, спасибо луне!

КАННАММА, МОЯ ЛЮБИМАЯ

Глядя на море с вершины холма,
Я ждал, когда же настанет тьма,
Смотрел в просторы лазурные, где
Нежно спускалось небо к воде
И где, коснувшись моря едва,
В синеву превращалась вновь синева, —
Так проводил я вечер свой
Один на один с двойной синевой.

И кто-то, подкравшийся в тишине,
Закрыв глаза руками мне, —
Шорох платья увел меня из забытья,
И пара ладоней была твоя,
Очнувшись, я понял: это не сон,
И забились наши сердца в унисон:
«Каннамма, — сказал я, — меня отпусти
И, если можно, так не шути».

Обнял ее и спросил: «Не пойму:
Так странно шутишь ты — почему?»
«Что увидел ты в синеве морской,
Из-за небес ли утратил покой,
Прибрежная ль пена тебя привлекла,
Иль волны, которым нет числа?
Иль вечер твой каждый теперь таков,
Что не мил без розовых облаков?»

Отвечал я: «У моря — твои черты,
Мне в синем небе видна только ты,
Где ложится на берег волн череда —
Только ты одна мне видна всегда,
Что ни вечер, гляжу я на облака —
Лишь одну тебя увидел пока,
А вот он — и твой настоящий лик!»
Я обнял тебя и к тебе приник.

КАННАН, МОЙ СЫН ОЗОРНИК

Мой сын озорник — веселый ребенок.
А на улице — просто гроза девчонок.
Видит — девочка персиком занята —
И тут же выхватит изо рта, —

Девочка просит и так, и эдак —
Обваляет в пыли, но отдаст напоследок.
Каннан, озорник любимый мой,
Для девочек стал настоящей чумой.

Увидит у девочки сотовый мед —
Отнимет, на дерево зашвырнет.
Скажет девочке: «Ты словно лань легка!» —
И ей же немедленно даст щипка.

Цветок получше сорвет в саду
(На беду озорник хорош, на беду!), —
Скажет: «Это тебе для волос». —
Глядь — он цветок подружке отнес.

За косу дернет — поймаетшь едва ли,
Обернешься — его поминай как звали.
В новом сари цветном девчонка прошлась,
Он поможет ей шлепнуться в грязь.

Свирель его подобна амрите:
Послушать ее все равно захотите,
Музыка — сказочной красоты!
Кто услышит — все разевают рты.

Ну, а тому, кто разинул рот —
Он щепоть муравьев на язык швырнет.
Неприятно, конечно, даже и жутко,
Но одна у Каннана такая шутка.

«Идем играть!» — кричит поутру.
Хочешь не хочешь — затащит в игру.
Поиграет — и вдруг — от ворот поворот —
К родителям с жалобами идет.

Для бабушки он хорош и для тетки,
Все считают — ребенок ужасно кроткий,
Кто его знает, почему
Он всем пример у себя в дому.

Наврать, обмануть — у него сноровка,
Шалит, буянит — но как же ловко!
В семье для каждого в нем — отрада,
Только девочкам — сплошная досада!

Шоттендронахт Дотто

Я

Что хотите говорите, я же — это я, друзья,
я все тот же темной ночью и средь бела дня,
я — все тот же я.

Смотрят люди, говорят:
«Стар он стал, подслеповат!» —
под личиной старческой не узнав меня,
а я — все тот же я.

Разум мой во мне живет,
так же пляшет и поет,
как, гостинцы получивши, пляшет ребятня.
Я — все тот же я.

Пусть крючком согнулось тело,
но душа не постарела,
сердце молодое бьется, как и встарь, любя.
Я — все тот же я.

Сын отца и друг друзей,
братнин брат, отец детей,
Рама Ситы, ибо Сита — мне жена моя.
Я — все тот же я.

Трели Кришновой свирели,
как и встарь, люблю доселе,
и веселье, и стихи — вот она, моя стезя.
Я — все тот же я.

Как и встарь, люблю весенний
аромат ночных растений
и закатных облаков алые края.
Я — все тот же я.

И всему, что здесь прекрасно,
суть моя всему причастна,
как зеленый самоцвет — золоту шитья.
Это — тоже я.

Внешне стар я, ну и что ж! —
загляни вовнутрь — поймешь:
где концы, там и начала, жизнь на годы не деля,
я живу, и я есть я.

СНОВА

Когда придет пора цветения,
я буду с вами, я клянусь,
когда придет тоска весенняя,
где бы я ни был, я вернусь
в час предрассветной тишины,
когда весь мир досматривает сны,
я с лунным светом засмеюсь
и с первой птицей запою...
Я буду под окном стеречь
любимых голосов проснувшиеся звуки,
а ветер пусть из далека разлуки
вам донесет мою живую речь.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Кто там спит в темноте, взаперти?
Эй, кто там есть?
Ветерок из-за моря сна
принес тебе весть!
Дверь закрытую отвори,
посмотри: лотосы ждут зари,
птаха проснулась, взлетела,
песней мир веселя;
свет занимается, аромат разливается,
и любовью омылась земля.

БЕССТРАШИЕ

Не бойся, увидев тучу.
За тучей солнце смеется!
Живая улыбка живой луны
ночью вернется!

На голых ветках цветы расцветут,
на рассвете подымет южный ветер,
и любимые будут рядом с любимыми,
с теми, кто слезы льют.

КОРЕНЬ И ЦВЕТОК

Цветок любит себя собой
при свете солнца, под луной,
играет с ветерком,
и вот, летая над цветком,
шмель говорит: «Нектаром
дай мне напиться даром!»
Цветок в ответ: «Мой сладкий сок
испей, пока спит ветерок!»
Но, по лбу получив щелчок,
шмель загудел — и наутек.

А корень прячется во тьме
с одной заботой на уме, —
забыв себя и волю,
свою он принял долю:
его забота — труд и труд,
его работа — там и тут
качать из подземелий сок,
чтобы в листве расцвел цветок,
и лишь его трудами
цветы живут цветами.

Цветок — владыка, раджа, царь,
а корень — земляная тварь!
Среди листвы точит цветок
пьянящий аромат и сок.
Он царствует — но много ль дней?
и проживет ли без корней?
Цветок увял — и вновь цветет.
Увянет корень — все умрет.
Цветок — царит на высоте.
А корень — пахарь в нищете.

В БУРЮ

Шум ветра сливается с шумом воды — все ближе гроза.
Тьмой полночной покрылась вдруг полдневная бирюза.
Спасайся, кто может! Беги! Беги!
С дороги сбились, не видно ни зги —
тьма и пыль ослепила глаза.

Ветви в прибрежных рощах трещат и рушатся вниз.
Парус порван и сломан руль — Богу, рыбак, молись.
Вихри вращаются на воде,
спасения, кажется, нет нигде.
Птицы по ветру прочь стремятся — в синюю даль и высь.

Из края в край — молнии в тучах, и все озаряют вмиг.
Ветер острее лезвия бритвы — ливень будет велик.
Раскатами гром
рокочет о том,
что вскроется вскоре тайник.

От шума грядущей бури сегодня пьяна душа!
Опасность? — ее мы встретим, от радости чуть дыша!
Ликуя от встречи с нами,
смерть пляшет перед глазами.
Рука в руке мы с ней поем — и песня ее хороша!

Под музыку бури пляшет серый дорожный прах;
злые покровы сорвавши, земля забывает страх;
низвергнется Ганга небесной рекой —
настанет в мире покой;
язык крокодилий и красное небо угаснут в небесах.

Знаю, Шива, хранитель Ганги, неизмеримо зол,
знаю, гибельный зной и сушь он на землю низвел,
горе и счастье —
все в его власти,
смерть и бессмертье — всё его произвол.

Пусть злобен ветер, но не страшна черная круговерть:
это — не хаос, ибо разумны и земля, и небесная твердь,
с ним, в чьем дыханье — бури стремленье,
с ним, в чьем дыханье — умиротворенье,
с ним я пою, побеждая смерть.

Говинда Паи

ПОПУГАИ

О вы, мои слова! Я отпускаю вас
Плыть по волнам времен — как малые лампадки:
Дыханье мира пусть благословит дорогу,
Ту, по которой вы несете свой огонь.

Чуть крылышки птенцов покроет оперенье —
Прочь из гнезда они стремятся в высоту,
Но — прилетают вновь в родимое гнездо;
Вот так и я: слова скликаю под обложку.

Мои ли вы, слова? Ведь вы, летя куда-то,
Всего лишь краткий миг помедлили во мне
И — спели песнь свою. Заставили меня
За вами подпевать. *Мои* ли вы, слова?

Когда гляжу в саду на стайку попугаев,
Которые вот-вот вспорхнут и улетят —
Посмею ли назвать *моими* этих птиц?

ПАУЧЬЯ СЕТЬ

Охотник, что любой не брезговал добычей,
Да и людей порой в добычу превращал,
Однажды увидел семейство паучат
В потоке — и сумел спасти. Ценою жизни.
Он паучат спасал — и в этом было благо,
Других при жизни он не сделал добрых дел.
Он умер — и к нему пришли посланцы Ямы
И потащили в ад, как приказал им бог.
Сеть исполинская скрывала двери ада,
За нею Яма сам ужасный восседал,
Но сеть раздвинулась: паук тысячеглавый,
Тысячелапый вдруг охотника схватил —
Чтоб вознести его, несчастного, на небо.
...Он и доселе там сияет, как звезда!

Зинда Кауль

НЕСЧАСТНЫЙ

Он давно убедился, что тщетны его рыдания:
Ни слезами, ни стонами не исцелить страдания.

Что за смысл головой иступленно о камни биться
Иль себя ослепить, чтобы кровь залила глазницы?

И, отчаясь, изверясь, ни в чем не найдя опоры,
Человек с мольбой к небесам обращает взоры.

Но увы, небеса навсегда к нему охладели —
Ни мольбы, ни проклятья уже не достигнут цели.

Дни за днями уходят — и силы его уносят:
Стали дряблыми мышцы, в волосы вкралась проседь.

Неудачи, долги, заботы, жена и дети —
Все плотней его жизнь оплетают тугие сети.

Даже если избавится он от тревог бессонных,
Душу мучат язвы желаний неутоленных.

И вслепую, ощупью к смерти — к последней двери —
Он бредет, спотыкаясь, уже ни во что не веря.

ОБНОВЛЕНИЕ

Бога никто из нас никогда не видел,
бога никто из нас никогда не слышал —
Видно, навеки он наши сердца покинул
и навсегда из храмов священных вышел.
Но говорят, в незапамятно давнем прошлом
многим случалось блеск его славы видеть...

Ныне он взорам людским перестал являться —
чем же могли мы творца своего обидеть?

Да, мы греховны, завистливы и коварны,
но ведь и слеплены мы из грязи и праха.
Да, мы упрямы, жестоки, неблагодарны,
но ведь и мучимся мы от горя и страха.
Разве не сам творец нас такими создал —
что ж наши муки ничуть его не тревожат?
Разве не сам поселил нас в долинах скорби —
что ж своим детям страдающим не поможет?

Молимся, плачем, взываем, а он не внемлет —
может быть, уши заткнул себе облаками?
Видно, изверился в людях, в их грешных душах,
знать не желает, что происходит с нами,
Видно, в земных твореньях разочарован,
бросил людей, к делам обратился высшим, —
Вот почему творца мы теперь не видим,
вот почему творца мы теперь не слышим.

Время пришло — оглянитесь, очнитесь, братья:
долго ли будем жить в заржавелой клетке?
Долго ли будем цепляться за ветхую мудрость,
что завещали давно позабытые предки?
Долго ли будем покинутым, жалким стадом,
цель потеряв, по дорогам земным скитаться?
Если творец отвернулся от нас с презреньем,
выход один — в глазах его оправдаться!

Жить мы должны научиться по-новому, братья:
дружно, настойчиво, бескорыстно, смело,
Страх одолев, отвергнув вражду и зависть,
с чистыми мыслями братья за каждое дело, —
Чтобы увидел творец, на что мы способны,
чтоб оценил нашу волю, наши стремленья,
Чтоб изумился силе людского братства,
чтобы опять поверил в свои творенья.

ПРАВДА ЛИ?

Правда ли, что для тебя так трудно
удерживать в сердце своем безбрежном
любую тревогу, желанье, мечту?

Правда ли, что оставаться спокойным
и безучастным не можешь ты
всюду, где видишь беспомощность,
всюду, где слышишь страдание,
где чувствуешь душу, полную горькой тоски?

Правда ли, что у тебя нет силы
сносить равнодушно слезы отчаянья,
блещущие в глазах скорбящих, —
что с каждой скорбью ты сам скорбишь?

Правда ли, что милосердной рукою
можешь ты снять с изнемогшего сердца
мертвое бремя безрадостных чувств?

Правда ли, что обезумевшим душам
ты посылаешь успокоенье
и что зажигаешь ветку надежды
в отчаянье — в беспросветной тьме?

Правда ли, что осторожной рукою
можешь кинжал ты извлечь, вонзенный
в чье-то злосчастное, кровоточащее сердце
и что заблудившемуся во мраке
бросаешь свой путеводный луч?

Правда ли, что исстрадавшимся душам
даешь ты услышать слова надежды,
весь мир наполняющие ароматом
вечного мира?

А если все это правда, то где же ты?

О конечно, я знаю:
ты обитаешь в каждом из всех миллиардов
атомов нашей Вселенной, —
и самые чистые помыслы,
самые яркие радости,
самозабвенные чувства,
самоотверженные порывы сердца —
все без остатка к тебе обращаю,
тебе посвящаю,
вся растворяюсь в тебе,
как растворяются наважденья дня
в сумерках тихого вечера.

Когда же опять улыбнется лицо зари,
солнцем венчая новое утро жизни,
это — портрет
все той же недостижимой мечты,
неуловимой,
всегда погруженной
наполовину в свет,
наполовину в тень.

Гулям Ахмад Махджур

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Ты — охапка цветов из заветного сада,
ты — подарок небес, божество и отрада,
ты — кашмирская фея, краса и услада!
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты — цветок золотой на укромной поляне,
ты бутон, источающий благоуханье.
Многоцветье, мерцанье, огня полыханье,
деревенская девушка, ты хороша!

Ты красива, но платье твое — не обнова.
Ни парчи, ни шелков, ни шитья золотого.
Но подобно луне среди неба ночного,
деревенская девушка, ты хороша!

Ты — пчела, ты летаешь над царством зеленым,
собираешь пыльцу по ущельям и склонам,
по целебной траве, по лугам благовонным.
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты поешь, ненаглядная певчая птица,
ты идешь, и от каждого шага стремится
в небо запах рейхана. Спеши, чаровница!
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты поешь. Я тебя, зачарованный, слышу.
Я твой голос, богами дарованный, слышу,
голос, будто из золота кованный, слышу...
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты в тенистом лесу, как под сводами храма.
Ты свободно живешь, а богатая дама

изнывает в плену среди пышного хлама...
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты в зеленом саду. И тебя ожидают
птицы певчие. И соловьи оживают,
и звенят, и зовут, и сердца обжигают.
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты прекрасна. Что нет у тебя украшений,
не беда — сотворил тебя всех совершенней
ювелир всемогущий, художник и гений.
Деревенская девушка, ты хороша!

Твои волосы — каждый струящийся локон, —
притираний не ведая, льются потоком.
И прохладен, и темен, и чист, и глубок он...
Деревенская девушка, ты хороша!

Засучив рукава, ты работала в поле
до заката с утра, у реки на приволье.
Даже если на юных ладонях — мозоли,
деревенская девушка, ты хороша!

Твои черные брови — крылатые дуги,
а глаза твои — стрелы. И в нашей округе
удалые сердца замирают в испуге.
Деревенская девушка, ты хороша!

Ты не станешь надменна, пуста и ленива —
искушенью твоя не уступит душа.
Ты — цветок золотой, ты — кашмирское диво,
деревенская девушка, ты хороша!

ЮНОСТЬ

Ты пролетела, сказка, виденье,
радость, подобие краткого сна,
жизни моей весна!

Юность — весеннего дня дуновенье.
Приподняла покрывало она,
и ослепила весь мир на мгновенье
жизни моей весна!

Юность моя — сосна у реки.
Вы не рубите ее, лесники.
Юность — голубизна, глубина,
жизни моей весна!

Юность моя — отпылавший костер,
пламя, прорвавшееся на простор.
Ветром холодным унесена
жизни моей весна!

Юность — волшебное сновиденье,
сладостное, мелькнувшее тенью.
Между тобою и мной — стена,
жизни моей весна!

Юность моя — птица на ветке.
Не убивай ее, лучник меткий!
Другой не будет — она одна,
жизни моей весна!

Юность моя — цветущий сад:
белая роза, алый гранат...
Ветром осенним умерщвлена
жизни моей весна!

Я СТРАННИКОМ ОДЕНУСЬ

Я странником оденусь,
езде искать пойду
любимую — в деревне,
в ущелье и в саду.

В столице и в пустыне
я ждать ее готов,
чтоб одарить букетом
невянущих цветов.

Раскроются жасмины
веселые, маня,
едва она случайно
посмотрит на меня.

Над озером ночами
летаешь, бог любви?

Я — терпеливый лотос,
меня благослови.

И запахи, и краски
для каждого цветка
сотворены, всевышний,
тобою на века.

Любимая нежданно-
негаданно пришла —
как молния сверкнула,
ударила, прожгла.

Не умолкают струны,
звонящие в крови, —
душа заговорила
с любимой о любви.

У милой сердце — камень,
и все-таки оно
от слез моих горячих
расплавиться должно!

ПРИДИ, САДОВНИК!

Приди, садовник! И весну, как прежде, оживи,
и снова розы расцветут, зальются соловьи.

Как слезы, капельки росы в заброшенном саду.
Цветы теряют и листки, и лепестки свои.

Приди, садовник! И весну освободи от пут,
и снова розы расцветут, зальются соловьи.

Крапиву с корнем удали, чтоб розы расцвели,
чтоб гиацинты поднялись из плена — из земли.

Кто пойманного соловья спасет, освободит,
кто двери клетки otvorит, кто вызволит из мглы?

Свою постылую тюрьму
пора бы самому
сломать, разворотить, смести,
свободу обрести.

Все, чем богато бытие —
отныне все твое.
Проснись от сна, идет весна —
отныне все твое!

И цепи сладкие забудь,
и пробудись, и — в пути!

Рокочут в такт твоим шагам
и гром, и ураган!

СУЕТИШЬСЯ, ПТИЧКА

Суетишься, птичка, и не знаешь,
кто же наслаждается весной
и цветами — радостью земной...
Суетишься, птичка, и не знаешь...

Для тебя расставлены силки,
хорошо пристроенные сети.
Не спасет тебя ничто на свете
от ловца, от опытной руки.

От родного твоего гнезда
не оставят даже и следа.
Зря ты суетишься. Очень скоро
милый сад покинешь навсегда.

Все, что любим, мы напрасно губим.
Мы любимые деревья рубим.
Все вокруг живущее губя,
убиваю самого себя!

ЗОЛОТАЯ ИВОЛГА

Иволга золотая,
вот и прошла зима,
и весна молодая
сводит меня с ума.
Выгляни, полюбуйся —
здесь, под твоим гнездом
целый цветник весенний
заполыхал огнем.

Теплилась еле-еле
жизни твоей свеча.
Ты не ждала просвета,
солнечного луча.
Но наступило время —
светится небосвод! —
время расправить крылья,
время начать полет.

Руки тебе протянут
розовые цветы.
Чтоб отдохнуть, любую
ветку выберешь ты.
Только остерегайся
тайной чужой руки —
ею в саду зеленом
выставлены силки.

А середина лета
ласкова, хороша!
Радуйся, мимолетным
временем дорожа.
Опьяняйся любовью —
иначе жить нельзя.
Смело живи, открыто —
рядом твои друзья!

Бог посылает благо
всем существам живым,
всем — и большим, и малым,
и чужим, и своим.
Все забывая, помни
только это одно:
дальних любить как ближних
Богом тебе дано.

Сила твоя не в мести,
сила — в любви и чести.
Ты побеждай любовью,
а не огнем и кровью.

Ястребы улетят,
вешний покинув сад.
Можно ли доброй птице
в хищную обратиться?

Разве тебя спасет
ястреб или удод?
Не доверяйся им,
себялюбивым, злым.

Ветер несет весну
и за волной волну
в озере поднимает...
Лодка пойдет ко дну!

Песни свои Гулям
пел о свободе вам.
Никому своих песен
я в обиду не дам!

Майтхилишаран Гупта

МАТЕРИ-ИНДИИ

Лучезарное небо — святое твое покрывало,
Шелк полей и лесов обвивает твой царственный стан,
Золотою короною солнце твой лоб увенчало,
И серебряным поясом бедра обвил океан.
Твой престол — Гималаи, долины — ступени престола,
А жемчужины звезд — ожерелья и серьги твои,
Птицы славят тебя, оглашая весенние доли,
И восторженно им сладкозвучные вторят ручьи.
О моя Бхаратварша, воспетая в гимнах и сутрах,
С ярким знаком избранницы на благородном челе,
О любимая Индия — край вдохновенных и мудрых,
Вечной правды родник, воплощенье небес на земле!

Ты добра и щедра, ты полна чудесами природы,
Широки твои реки, а горы тверды и горды,
Слаще амриты райской твои животворные воды,
Плодородны поля, ароматны цветы и плоды.
А уж как живописны твои водопады и скалы —
Чтобы их описать, не найдешь подобающих слов!
В горных недрах твоих драгоценные спят минералы,
Жемчуга и кораллы — на дне, у морских берегов.
О моя Бхаратварша, из праны твоей сокровенной
Души сотканы наши, из пыли твоей — наша плоть.
О любимая Индия, этой любви неизменной
Не погасят страданья, не сможет и смерть побороть.

Как доверчиво с первого дня своего пробужденья
Копошимся, играем в пыли мы твоей поутру,
На ножонки встаем — и даруешь ты нам наслажденье
Босиком пробежать по траве, по росе, по двору.
Мы растем и растем — раскрывается ярко и пышно
Перед нашими взорами солнечный твой океан,

И, как в юные годы лукавый и влюбчивый Кришна,
На груди у тебя мы влюбляемся, плачем, поем...
О моя Бхаратварша! Нежны и могучи объятья
Рук незримых твоих, нам готовых всегда помогать.
О любимая Индия! Все мы как сестры и братья,
Ибо ты — наша общая, наша бессмертная мать.

Здесь, на этой земле, что следы благородного Рамы
И пленительной Ситы столетьями свято хранит,
Мы во славу твою воздвигаем высокие храмы,
В изваянья, в дворцы превращаем руду и гранит.
Мы во славу твою ткем, чеканим, за плугом шагаем,
Через горы и джунгли прокладываем колею,
Мы во славу твою не одни только гимны слагаем —
Если надо, в бою погибаем во славу твою!
О моя Бхаратварша! Глубок твой исток изначальный.
Через тысячи лет ты все так же щедра и светла,
О любимая Индия! Что ж ты сегодня печальна,
Почему на лицо тень тревоги и скорби легла?

Ты — старинное древо, а мы — твои свежие ветки,
Ты — священная Ганга, мы — волны живые твои.
Путеводный огонь завещали нам славные предки —
Дали вечный пример бескорыстья, отваги, любви.
Где же свет, над тобою сиявший в былые столетья?
Тьма окутала мир... Воцарились разбой и вражда...
Но духовных святынь — твоего золотого наследья —
Даже злейшему недругу не истребить никогда!
О моя Бхаратварша — источник несметных сокровищ,
Все, что нужно для счастья, издревле ты людям дала.
О любимая Индия, что же ты не остановишь
Ненасытные волны тебя затопившего зла?

Мать, прости, что тебя удручаем, терзаем, тревожим,
Не отринь свой народ, не покинь его в бедственный час,
Без опоры твоей мы прожить и мгновенья не сможем —
Гибель нам суждена, если ты отречешься от нас!
Так приди нам на помощь! Из недр своего изобилья
Свет и благодать пролей в зачерствелые наши сердца!
Верю я: не напрасны страданья, не тщетны усилья —
В этих муках извечное зло истребим до конца.
О моя Бхаратварша! Трудны, каменисты дороги,
Но награда упорного путника ждет впереди.
О любимая Индия! Мудро и вольно, как боги,
Будут правнуки жить на твоей материнской груди.

ВСЕМИРНОЕ БРАТСТВО

Когда кипит вражда, когда царит смятение,
Лишь в братстве мировом — надежда и спасенье.
Границы стран, эпох, наречий, культов, наций —
Десятки внешних сил нас разобщить стремятся.
Толкают нас в огонь вражда и недоверье,
И масло льют в костер корысть и лицемерье.
Погасит ли слепец горящие поленья?
Лишь в братстве мировом — прозренье и спасенье.

Цвет кожи, край одежд, религии, обряды
Разнообразием нам затмевают взгляды,
А глубже всмотришься — у всех людей одина
Души лучистая, святая сердцевина,
И, суть ее прозрев, поймешь в одно мгновенье:
Лишь в братстве мировом — величье и спасенье.

Пускай перо и кисть, пускай резец и лира
Расскажут обо всем многообразье мира,
Но как сливаются в одном живом сверканье
Алмаза чистого бесчисленные грани,
Сольются все сердца — провижу этот день я!
Лишь в братстве мировом — победа и спасенье.

Вчитайся, вслушайся в молитвы, песни, книги —
Текут к одной мечте потоки всех религий:
Свобода и добро, любовь и созиданье —
Не каждой ли души глубинное желанье?
Счастливым видеть мир — вот истинное счастье.
Объединить людей сегодня в нашей власти!

Растает, словно дым, последнее сомненье:
Лишь в братстве мировом мы обретем спасенье.

ПРАЗДНИК УМОЛК

Нет, не допил я земных наслаждений:
Занавес пал — потемнело на сцене.

Тщетно во мраке ищу я опоры —
Где вы, танцовщицы, где вы, актеры?
Слышу лишь ваши стенанья и споры —
Жестов не видят потухшие взоры.

Лотосы глаз, где же ваше цветенье?..
Занавес пал — помрачнело на сцене.

Помню, как празднично в самом начале
Факелы буйное пламя качали,
Миг — и угасли под пеплом печали,
Их словно черные вихри умчали!..
И задрожал я в тоске и смятенье:
Занавес пал — непроглядно на сцене.

Все еще длится старинная пьеса,
Но перед взором — густая завеса.
Брошена в сумраке дикого леса,
Не обо мне ли рыдает принцесса?..
Как я узнаю?.. Сгущаются тени...
Занавес пал — и ни вспышки на сцене.

Тщетны усилия взора слепого —
Луч сквозь туман не прорежется снова...
О слово родное — прощальное слово,
Как ты звучишь непривычно сурово!
Крикнул я, участи страшной противясь,
Но оборвалась последняя привязь —
В ночь мою лодку уносит течение...

Праздник умолк — почернело на сцене.

ЛЮДЯМ И ЗВЕЗДАМ

Люди и звезды, меня не жалейте —
Много ли радости в сломанной флейте?

Небо и солнце, созвездья, кометы,
Радуги, грозы, закаты, рассветы,
Туч многодумных волшебные краски,
Чистой росы жемчуга-самоцветы —
Всем вам поклон от слепца и калеки,
Ныне прощаюсь я с вами навеки.

Не наслажусь вашим радостным блеском,
Взору потухшему встретиться не с кем,
В утренний час не смогу изумиться
Рощам, тропинкам, ручьям, перелескам...
Синие горы, алмазные реки,
Алые зори — прощайте навеки!

Не одолел я врага в поединке,
Праздничный пир превратился в поминки —
Был ослеплен я... Кровавым глазницам
Не различить даже малой травинки!
Бабочки, пчелы, жуки-дровосеки,
Птицы в лазури — прощайте навеки!

Вам, о сокровища мира: прощайте!
Быть неизменными мне обещайте,
Радуйте взоры влюбленных и зрячих,
Дух возвышайте, сердца восхищайте...
Кровью сочатся дрожащие веки,
Тихо шепчу я: прощайте навеки!..

Мир огнецветный, не плачь, не жалея ты
Этой обугленной, сломанной флейты.

Наналал Далпатрам

ГУДЖАРАТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

1

Благословенна во все времена
 добрых гуджаров святая страна!
Кришной лучистым озарена
 родина гóспода, полная света —
 добрых гуджаров святая страна.
Благословенна,
 благословенна,
 благословенна
 во все времена!

2

Волн аравийских мерная мощь.
Сумрак священных манговых рощ.
Царство Шри Кришны — Гиты творца.
Цель пилигрима и мудреца.
Греков и римлян,
 куру, пандавов древней
Сомнатх, Гиринагар, Дварика.
 Тысячелетья на флейте своей
Кришна играет, и песни простой
 лется звучанье над Синдху-рекой.
Благословенна во все времена
 добрых гуджаров святая страна!

3

В манговых рощах Брахмы сыны
Слышат молитву Бога Весны.
Словно прекрасной поэмы слога,
Пестует Синдху свои жемчуга.

Песню заводит море
на сто голосов.
Гривой потрянув, откликается лев —
раджа могучий лесов.
Врѣзались в небо, как мраморный сон,
горные храмы под сенью знамен.
Благословенна во все времена
добрых гуджаров святая страна!

4

Дразнит Европу богатством, манит,
Тянет к себе Гуджарат, как магнит.
И, возникая в дальней дали,
К нашим причалам плывут корабли.

Но, пламенея, цветы
распускаются вновь —
Ярки и неувядаемы.
Это — Бомбей, это — первая наша
любовь.
Словно парча, к океанской спадает он сини,
и раскрывается лотос в ладонях
богини.
Благословенна во все времена
добрых гуджаров святая страна!

5

Неуловимым движеньем (сноровка!)
В сари себя обернула ты ловко.
Тканью немного прикрыла живот.
Щеки румянец дѣвичий жжет.

Глаз осязает тело твое —
нет, не ты
В красное сари завернута.
Это — лиана, цветок красоты.
Куркума блещет. Браслеты гремят.
Только для мужа твой тонкий
наряд.
Благословенна во все времена
добрых гуджаров святая страна!

Маленьких княжеств знойна земля.
 Мелки, как латки, наши поля.
 Улочки узки и коротки.
 Общины очень невелики.

Чанакья старей

некогда дал нам закон.

Мы и теперь ему следуем,

праведен он:

Что ж, что лиана один распускает цветок,

если его аромат несравненно

глубок?..

Благословенна во все времена

добрых гуджаров святая страна!

Парусник белый, с ветрами споря,
 Смело пустился в бурное море.
 Парс благородный, преданный вере,
 Здесь, в Гуджарате, вышел на берег.

Так же, как в Мекку

бредут пилигримы ислама,

К здешним святыням

индусы стремятся упрямо.

Знают: земля для живущих — одна.

Мы — ее дети, мать — она.

Благословенна во все времена

добрых гуджаров святая страна!

Мечь — не решенье кровных обид.
 С дней Курукшетры меч не звенит.
 Мы соблюдаем Кришны обет
 Две с половиной тысячи лет.

Гордость Идара

раджа-храбрец Баппарав —

Корень династии солнечной

создал Читтор, точно солнца

и золота сплав.

Край Даянанды. Высокая весть.

Родина Ганди, чья жизнь, словно
 песнь.

Благословенна во все времена

добрых гуджаров святая страна!

Сурат старинный славен весьма:
 В блеске богатства блески ума.
 Сметкою дети Качха сильны,
 Смелостью — Саураштры сыны.

В шуме прибоя

по побережью всему

Вьются селенья лианами.

У океана — во славу ему —

Вырыл озера гуджар, и доньне

гладь их сверкает в полупустыне.

Благословенна во все времена

добрых гуджаров святая страна!

10

Вéчера звоны. Тени от крон,
 Словно узоры царских корон.
 Крепко обвили стебли растений
 Джайнов обитель — древние стены.

Бьют из ладоней

лилий фонтаны вокруг —

Все лепестками усеяно.

Запад, восток ли, север ли, юг:

Сердце индийца полно доброты.

Вновь распускаются всюду цветы.

Родины дети, привет вам, привет!

Мир вам, гуджары, на тысячи лет!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Гости, сходитесь со всех сторон!

Двери распахнуты — сердце ждет.

Будет почтением окружен

Каждый, вошедший под этот кров.

О дуновенье прохладных струй,

Пламенем вечной души играй,

Только свечу мою не задуй.

Гости, сходитесь со всех сторон!

Сад, в чудотворной пылице пльви.
Роза от бога и божий — терн,
Строгий саньяси и дочь любви.
Гости, сходитесь со всех сторон!

Медленно дышит, вздымая грудь,
Море и кольцами вихри вьет.
За горизонт мне не заглянуть.
Гости, сходитесь со всех сторон!

Их не четыре, а восемь, сто!..
Нет, не сочтете, и в каждой — бог.
О, бесконечное их число!
Гости, сходитесь со всех сторон!

РАССВЕТ

Ветер целует глаза еще сонной зари.
Я пробуждаю тебя поцелуем: смотри,
Легкое марево кутает дали свободно.
О, как тебе серебристое небо подобно!

Ближе, гляди, освещенные кроны сквозные
Манго качают, как будто короны резные.
Первые птицы слагают зеленую оду —
Праздничный гимн, посвященный лучу и восходу.

Тьма отступает, но как же томительно, вязко!..
Кажется: с глаз постепенно сползает повязка.
Солнечный мягкий поток ниспадает на наши
Волосы, плечи — святою водою из чаши.

Точно красавица, полная ласки и неги,
Ночь на рассвете смежает усталые веки.
Верю: богиня судьбы на затеи богата
И не оставит усладами нас до заката.

Чуть приоткрыл покрывало над ранней зарею
Ветер, от сна оторвал и повел за собою.
Пятна пугливые света мелькают, как лани.
Новая жизнь — провозвестница новых желаний.

Это заря в нас вдохнула высокую душу.
О, никогда я обета любви не нарушу.
Тайной улыбкой ответишь ты мне на объятья.
Свет излучают глаза, их целую опять я!..

СЛОВА СЕРДЦА

Когда-то возле дома у нас жила кукушка,
Она нам пела песни — с ума они сводили.

Дарила ночь улыбки, и плетеницу света
По небу нес ей месяц — блистательнейший раджа.

Окрестности звенели, и ликовало сердце.
Любимая, куда же пропали песни эти?

Как облачно над нами, как тихо, как безлунно...
Земля в тумане тонет. Ни голоса, ни эха.

Приди же, моя радость, дай мне тебя услышать,
Не разреши безмолвью околдовать мне душу.

Смотри на путь небесный: во тьме сияют свечи,
А среди них мелькают падучих звезд пунктиры...

Что́ тень и свет, что́ песни и тишина ночная,
Когда внезапно сердце встречается с любовью!

Стань северной звездой, зажгись звездой надежды!
Ладью моей судьбы я твоим лучам вручаю.

Когда-нибудь увижу тебя я в красном сари
И в нежности признаюсь тебе словами сердца.

Услышу смех лучистый, склонюсь, тобой любуюсь,
И в нежности признаюсь тебе словами сердца,
Тебе — словами сердца!

ЧУВСТВО

Нет очей — как увидеть мне свет, сакхе!
Как взлететь, если никнут крыла, сакхе!
А любовь? Где найти ее свет, сакхе?

Подскажи, сакхе!

Поддержи, сакхе!

Как вернуть мне все то, чего нет, сакхе!

Без саранги могу ли я петь, сакхе!
Без почтения зачем мне глядеть, сакхе!
Нет любви — как тебя пожалеть, сакхе!
 Ты прости, сакхе!
 Не грусти, сакхе!
Без любви как встречаться — ответь, сакхе!

Лучше ты улыбнись, солнца луч — сакхе!
Твоя ласка — к душе моей ключ, сакхе!
Пусть пробьется любовь из-за туч, сакхе!
 Укрепи, сакхе!
 Полюби, сакхе!
Разбуди мое сердце, не мучь, сакхе!

ПРЕСТОЛ СЕРДЦА

В царстве моем одиноком пуст престол сердца!
Облако влажно, но чаша небес пересохла.
 В царстве моем одиноком пуст престол сердца!

Сад для меня пригибает тяжелые гроздья.
Лунным нектаром и звездным стою опоенный.
 В царстве моем одиноком пуст престол сердца!

Шмель заполняет гуденьем немое пространство.
Только не верь ему! Вновь за спиною молчанье.
 В царстве моем одиноком пуст престол сердца!

Миг — и раскроется лотос. Миг — процветет и увянет.
Мир озарившая молния, вспыхнув, как ветка, сгорит.
 В царстве моем одиноком пуст престол сердца!

ТАДЖМАХАЛ

Что это? Может быть, свадебный круглый шатер?
Пепла сыпучего холм над сухою могилой?
Может быть, это, подруга, венец для Мумтаз?
Или любви улетевшей пустое гнездовье?

2

Дума о ней в каждом сердце донине живет.
Слушай, как эхо звучит! Шах Джахан вспоминает...

3

Кришна на флейте играет, кружит хоровод.
Из Вриндавана течет полноводная Джамна.
На берегу благодатнейшей этой реки,
Словно волшебный цветок, Таджмахал распустился.

4

Люди за счастьем на лодках по Джамне плывут.
Истинный путь к нему знает цветок Таджмахала.

5

В небе редет ночная текучая мгла
И постепенно сменяется светом высоким.
Жизнь пробуждается вновь под звездой любви,
Что незаметно восходит на утреннем небе.

6

Радха поет свои песни — такие, что ей
В верности даже безмолвные камни клянутся.

7

Смерть раздувает змеиный тугой капюшон.
Яма — бог мертвых, как прежде, всеяден и страшен.
Но не всевластен! Когда красота и любовь
Вместе, они побеждают жестокого Яму.

8

Прах и амрита смешались, подруга, навек!
Смерть и любовь мы несем, как цветок Таджмахала.

9

Воздух охвачен полуденным жаром опять.
Медленно зыблется зной... Все живое страдает.
Кто запалил в сердце шаха могучий костер?
Кажется, скоро расплавятся недра вулкана.

Крутит ли смерч? Разыгралась вполнеба гроза?
Или любовь, как звезда, воссияла над миром?

Не сосчитать, сколько солнц чередою прошло.
Не перечесть, сколько вспенилось гребней на Джамне.
Что́ Таджмахалу движение вечных светил,
Прихоти волн? Он живет, словно свет одинокий.

Правит ли миром любовь? Погребальный костер?
Или печальная песня над водами Джамны?

Время жестоко. Увы! Где великий Акбар?
Где вы, аскеты, смирявшие плоть воздержаньем?
За горизонтом осталась свет мира — Мумтаз.
Лишь с Таджмахалом покуда не справилось время.

Он — словно песня любви, словно гимн красоте.
Или искусству? Богатству? Холодной гордыне?

Нет!.. Это — девичья нежность, и счастье, и блеск!
В свадебном сари, как будто любви воплощенье,
Звонко смеется Мумтаз, и, признаться, едва ль
Краше невесту с тобой мы отыщем, подруга.

Вот она снова любимого ждет на рассвете.
Взоры потупив, мы смотрим на пепел любви...

О Таджмахал! Лунный купол воздет, как чело.
Вознесены минаретов молящие руки.

Сад распахнулся, как легкие складки одежд
У танцовщицы, кружащейся в пляске свободной!

18

Без приказаний рождается в мире любовь.
Непререкаема эта великая правда.

19

Словно влюбленные чаквы, готовились встать
Два мавзолея над черной водою... Не встали.
Бог всемогущий подобную дерзость отверг.
Так и остался один Таджмахал несравненный.

20

Пусть же всегда он сияет, являя собою
Ясной любви полнолуние — верной, как смерть.

Джайшанкар Прасад

ЮНОСТИ ПЕРВОЕ УТРО

Подрастали еще мои чувства,
Как птенцы в потаенных гнездах.
Все казалось простым и чистым:
И земля, и листва, и воздух.
Рос я мальчиком нелюдимым,
Но ни разу несчастным не был,
И не жил я, а мирно грезил,
Как безоблачно-синее небо.

Но однажды весенним утром
В сад ворвался душистый ветер,
Грудь и плечи пылью осыпав,
Закачал надо мною ветви.
Прямо в душу мою вонзаясь,
Стрелы солнечные сверкнули,
И встревоженно грудь запела,
Как разбуженный гулкий улей.

И, не смея еще поверить
Совершающемуся чуду,
По тропинке крутой сбежал я
К улыбающемуся пруду.
А едва погрузился в свежесть —
Начал утреннее омовенье,
То ли я, то ли все мирозданье
Изменилось в одно мгновенье.

Заиграли под кожей мышцы,
Изумляясь внезапной силе,
И глаза стали ярче, зорче,
Будто в них зрачки заменили.
Все вокруг — облака, и рощи,

И лазоревых гор отроги —
Стало праздничным, огнецветным,
Будто сказочные чертоги.

Бледным, робким вошел я в воду,
Вышел вспылчивым, дерзким, бодрым.
Пламя жаркого нетерпенья
Разлилось по плечам и бедрам.
И куда подевалась робость,
Где застенчивая угрюмость?..
В этот миг завершилось детство,
В этот миг наступила юность.

ЛУЧ

О сверкающий луч рассвета,
о дитя пробужденной жизни,
Почему ты сегодня вздумал
танцевать у моей двери?
Ты любовью небес окрашен,
золотистой пылью пронизан,
Как протянутая тычинка
раскрывающейся зари.
Ты как будто с мольбой целуешь
нашу бедную грешницу землю,
Ты волнуешь, как звук свирели,
но безмолвен твой чистый зов.
О летучий посланец неба,
ты спустился к нам не затем ли,
Чтобы весть принести о счастье
и печалях иных мирков?
То ли был ты и вправду послан
золотым, житнетворным солнцем
И с его пророческим словом
полетел в невозвратный путь?
То ли в спальне зари ты вырос,
был любимым ее питомцем,
Но сбежал из дворца украдкой —
на земную юдоль взглянуть?
Вот прищурился ты, озираясь,
с простодушным любопытным,
Вот пустился в беззвучный танец,
сквозь узоры ветвей блестя.
Листья радостно бьют в ладоши,
восхитясь прихотливым ритмом, —

Для кого же сейчас ты пляшешь,
 непоседливое дитя?
Золотому зерну ты подобен,
 напоенному силой нетленной, —
Одному из несметных зерен,
 из которых взойдет весна.
Золотому перу ты подобен,
 что в руке у судьи вселенной, —
По земле острием горящим
 чертишь вещие письма.
Нитью трепетной ты связуешь
 светлый рай и тьму преисподней,
И пронизана вечным смыслом
 негасимая эта связь:
Как веками взывало солнце,
 так взываешь ты и сегодня,
Чтоб очистилась жизнь земная,
 в царство мудрости превратясь.
А быть может, отчаялось солнце
 вековечное смыть проклятье
И лишь семь избранных чистых
 приказало тебе найти?
Но и нас, безответных, черствых,
 одаряешь ты благодатью —
Даже самые темные души
 озаряешь ты по пути.
Пробуди же в сердцах угрюмых
 новых сил потайной источник,
Дай раскаяньем нам загладить
 неоплатную нашу вину,
Преврати заржавелые души
 в лепестки бутонов цветочных,
Расколдуй золотым поцелуем
 заточенную в нас весну!

СОЕДИНЕНИЕ

В пруду, где ясный светится залив,
Раскрылся лотос, нежно-горделив, —
Услышал он призыв зари лучистой
И шлет заре ответный свой призыв,
Чем объяснить их радостную связь?
Когда она впервые родилась?

Когда улыбка утреннего солнца
По глади разлилась.

Сияет лотос — источает хмель,
Качаясь, как живая колыбель:
Всю ночь дремал в его душистой чаше,
Теперь нектар сосет мохнатый шмель.
Чем объяснить их сладостную связь?
Когда она впервые родилась?

Когда пыльца медвяная созрела,
В тычинках золотясь.

Вот ветерок, летящий на восток,
В пруду нашел раскрывшийся цветок,
Над лотосом с восторгом закружился —
Любовно гладит каждый лепесток.
Чем объяснить их ласковую связь?
Когда она впервые родилась?

Когда повеял аромат весенний,
Над берегом струясь.

Окрашены лучистой зарей,
Осыпаны душистою пылью,
Овеяны весенним ароматом
Счастливые свидания с тобой.
Кто объяснит сердце живую связь?
Когда она впервые родилась?

Когда сплелись две одиноких жизни,
Навеки породнясь.

Барадидасан

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

С Южной Горы взлетев, ароматом сандала
Весь переполнен, напитан цветочной пылью,
Ветер скользнул, — потрепал водопад по плечу,
Жемчугу пены морской приказал танцевать,
К музыке рощу бамбука призвал — и она
Стала звучать; закружился душистый пандан —
Юные листья душисты у древних дерев, —
Взяв этот запах себе, перламутром светясь,
Ветер скользит по дорогам тамильской земли.

В сумерках благоухает жасмин молодой,
Вдоль водогонов трепещет возрастающий рис,
Так же — трепещет в душе моей чувство одно:
Как я богат! Достоянье мое — южный ветер.
Вечером я на лежанке, на заднем дворе
Расположился один — потому что жена
Быстро ушла от меня, деловито сказав:
«Кошка толкнула кувшин, посмотрю-ка на кухне».

Рядом со мною была она: мы говорили
С ней о любви на тамильском, родном языке.
Слишком поспешно, увы, удалилась жена,
Пусть и сказала мне даже, что скоро вернется.
Кошка, подумаешь! Я рассердился на кошку,
Гнев мой нешуточным был. А в другое бы время
Что бы ни сделала кошка — пожалуй бы, мне
Даже на ум не пришло и заметить ее.

Можем ли счастье постичь в одиночестве мы?
Жизни цветок источает нектар — для двоих.
Женщина встала, ушла от тебя, и тревога
В сердце вступает твое и, наверно, в ее.

«Сумерки» — слово печальное, слово «сиротство» —
Много печальней, они отравляют меня.
Тела ее аромат, и прохлада, и нежность —
Где же они? Отчего не в объятиях моих?

Женщина, как незаметно же ты возвратилась!
Я и не видел, как ты появилась, вострепетал.
Волосы ты расплела, и казалось, меня
Словно рукою погладила... Грезилось мне:
Непостижимое счастье для нас настает.
Так мне казалось. И вправду вернулась жена,
Тихо сказала: «Не стоило нам расставаться!»
Слышалось мне: это Южного Ветра слова!

СЛОВО И ДЕЛО

Стыдно сказать мне, подруга,
Стыдно ответить тебе —
Что говорил и что делал любимый мой нынешней ночью.

«Сколько стоит жасмин?» — спросил он с видом
невинным.
Я улыбнулась — мол, не торгую жасмином.
Он на зубы мои показал, расплатился сполна:
Дал поцелуев мне десять — такая цена.

Он сказал, что коса моя черная — словно змея,
Не успев испугаться, оказалась в объятиях я.
Он сказал мне, что губы мои — словно сладкий тростник,
Их лекарством назвал для себя и опять к ним приник.

В темноте он сказал — у него есть загадка одна,
«Отчего, — спросил он, — так сладостно светит луна?»
Я ему говорю, что на небе и месяца нет...
«А лицо твое — та же луна», — он промолвил в ответ.

ДВЕРЬ ЗАГОВОРИЛА?

Любовью гонимый, пришел Вельмурухан,
Он к двери входной приступил, — лишь два пальца
Коснулись ее, как послышалось слово
«Открыто». Не дверь ли сама говорит?

«О чудо!» — подумал он. В то же мгновенье
Открылась, чуть скрипнув, заветная дверца,
Он запах почуял любимых ладоней,
Улыбку увидел. Спросил: «Почему,

Любимая, дверь не была на засове?»
Она отвечала: «Пока не вернется
Ушедший любимый — засов бесполезен:
Сама я — как плотно закрытая дверь».

РЕБЕНОК

Молния может ли нежно сверкнуть?
Может: когда улыбнется ребенок.
Всем, кто мечтает о счастье на свете,
Нужно готовыми к подвигу быть.

Словно бутоны тропической пальмы —
Веки ребенка. И смотрит ребенок
На чудеса престарелого мира.
Как он поймет их — возможно ль узнать?
Эта улыбка похожа на зерна
В лопнувшем, зрелом, пурпурном гранате.

Вот он! Уместный предлог для объятий!
Гляньте! Подбросить бы в воздух мальчика!..
Словно из веточки тонкой коралла
Льется амрита — божественный сок —
Так и ребенок смеется: когда
Он рассмеется — смеется весь мир!

БАРАБАН

Счастье — любому!
Богатство — любому!
Все разновидности счастья — каждому дому!
Бей, барабан! Пусть любые цепи
Распадаются в громе ударов твоих —
Бей, барабан!

Худший недруг — нужда:
Да не будет ее никогда!
В самый краткий срок

Да сгинет порок!
Каждому — благо познания!
Бей, барабан!

Чтобы цвел, что ни миг,
Мой тамильский язык,
Чтобы вечно он жил,
Нам верно служил,
Чтобы мудрость его возрастала —
Бей, барабан!

Долг материнский — рожать.
Долг человеческий — жизнь продолжать.
Долг — верить в то, что жизнь впереди,
Что однажды — медовые хлынут дожди!
Во имя жизни на свете
Бей, барабан!

УЛЫБАЮЩИЙСЯ ЖАСМИН

Мимо рощи вечером я проходил.
Прохладный ветер ласкал лицо.
Ветер наполнен был ароматом —
Откуда такое благоуханье?
Я в рощу вошел, увидел поляну:
На ней, в зеленых одеждах из шелка,
Улыбался мне цветущий жасмин.
Я увидел его — и почувал радость.

ПРОШЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Мы корчевали деревья —
и хорошие получались поля.
Мы города воздвигали —
сетью дорог заполнялась земля.
Жилища строили мы —
чтобы ушли теснота и нужда.
Мы терпели муки во имя земли,
во имя труда.

Мы ломали горные кряжи,
осушали озера для новых полей,

Для путешествий по морю
строили тысячи кораблей,
Железо плавили в горнах,
чтобы рабочий мог стоять у станка,
Уходили в подземные шахты
и на поиски золотого песка.

Мы рек направленья меняли,
на новых землях сажали рис,
Если надо — лепили кувшины,
если надо — для храмовой башни карниз,
Мы делали обувь и зонтики,
чтоб жара не томила в полдневный час,
Все, чего вы ни просили, —
бывало тотчас готово для вас.

Негодный для жизни мир
в должный порядок мы привели,
Из моря, из леса, из гор
мы пользу должную извлекли,
Груды мусора, нечистоты —
все разгребали мы, не беда.
Мы создали мир, в котором живем, —
так слушайте нас, о люди труда!

Мы ходили в жалких отрепьях,
закрывали руками места прорех,
Мы пустую похлебку ели —
но даже ее не хватало на всех.
Мы всегда и всюду бездомны,
как назначенный на продажу скот.
Истощается наш рассудок:
когда же к нам воздаянье придет?

Провозвестники веры
нам твердят давно надоевшую ложь.
Миллионеры — действуют:
что ни дело у них, то новый грабеж.
Выжимая последние соки,
вы до судорог смертных нас довели,
Присвоили все, что было у нас, —
плодородье земли!

Слушайте слово мое!
Трудящихся в мире — не перечить,

Поэтому с шеи рабочей
вам, господа, пора бы слезть.
Если совесть ваша еще жива —
не умерла, а всего лишь спит —
Верните собственность нашу *раньше*,
чем наша кровь закипит!

МОРЕ ПОТА

РАННЕЕ УТРО

Выйти из дому прежде рассвета — какая отрада!
Чуть рассеянный сумрак ночной, тишина и прохлада.
Сердце, будто олень молодой, разрезвилось в груди.
Сколько радости в мире — а день-то еще впереди!

ПРИРОДА

Вижу холм. А за ним, прислонившись вплотную к холму,
Чистый пруд, погруженный пока что в рассветную тьму.
Рядом рощица есть, дальше — к полю ведут водогоны,
Там колышется рис, несозревший, нежно-зеленый.

ПОЗДНЕЕ УТРО

Вот и солнце взошло, во мгновенье небес вышиной
Завладев, — и повсюду рассеялся сумрак ночной.
Обозначилась ясно любая земная примета.
Я шагал, озаренный волшебным дыханьем рассвета.

ПОЛЕ

Зелень юных ростков на полях — настоящее чудо,
Драгоценней она и отрадней, чем блеск изумруда,
А роса, что скопилась на листьях, подобна алмазам:
Только глянешь — и больно глазам, и зажмуришься
разом.
Но смотрел я на зреющий рис, на широкое поле.
Это поле — мое! Загордишься таким поневоле.

ТРУД

Ну, а вот и работники: знаю, труды нележки,
Потому что на поле моем разрослись сорняки.
Предо мною, хозяином, сложат почтительно руки,
После — в поле выходят; сгибаются спины, как луки.

ПОЛДЕНЬ

Солнце — прямо в зените, и тяжек полуденный зной,
От него я спасался в прохладе душистой, лесной, —
Зной густел, и ярился, и стал постепенно таков,
Что коробилась кожа на спинах моих батраков.

ЖАРА

При подобной жаре — драгоценностью мнится вода,
Я спасался в тени, у прохладного края пруда.
Но и здесь духота, но и здесь не спасешься от пота,
Каковы же страдания несчастных, чей жребий — работа?
Зной струился, и в нем умирала, казалось, природа —
Даже роща утратила запах цветочного меда,
Зной раскалывал душу мою и тиранил меня,
Даже пруд обжигал, будто пламенная головня.

ГОРЕ ТРУДА

Всю прохладу земную сведя постепенно на нет,
Пробивался и в рощу мою ослепительный свет;
Мне казалось, что пруд закипит; я сидел, безотраден,
И не видел, что день на исходе и пруд мой прохладен.
Я увидел, как с поля, окончив дневные работы,
Уходили мои батраки, изнывая от пота,
Подходили ко мне и прощались в почтительном тоне,
Намозоленные аккуратно слагая ладони,
Только жгучий вопрос оставался в душе у меня:
Как возможно работать в течение подобного дня?

СОЗЕРЦАНИЕ МОРЯ ПОТА

Прополоть сорняки — да, нелегкая, скажем, работа:
Мне казалось, что вижу я море крестьянского пота.
И постиг я, когда батраки от посевов ушли —
Тот, кто трудится, — тот настоящий хозяин земли!

СВОБОДА

Сладкими плодами кормят тебя,
Для тебя выбирают наилучший горох,
Хвалят тебя: алмазный наш, золотой!
Попугай зеленый, подумай-ка сам:
Ты вырос с сестрою в одном гнезде,
Сейчас весь воздух — как улица ей,
Качелями служат листья пальм, —

В роще ли, на просторе она —
Хозяйка небу она и земле.
Попугай, хорошо ли в клетке тебе?
Напрасно кричишь ты: «Сестррра! Сестррра!»
Моя-то сестра пришла и дала
Перца стручок тебе — мол, помолчи.
(Неужто свободу так же легко
Получить, как перец из рук сестры?)

Бриджанараян Чакбаст

ПУСТЬ РОТ ЗАЖМУТ...

Пусть рот зажмут, в тюрьму запрут, но правду укротить
не смогут,
На мысль мою, на голос мой оковы нацепить не смогут.

Скажи, кто зван на этот пир? И что за кравчие сегодня?
Незванным щедро льют вино, а званых напоить не смогут.

Терзают нас, а мы молчим — непостижима эта немощь,
Ужель и вправду наши рты ни слова возразить не смогут?

Я знал, что верности магнит любимую ко мне притянет,
А ведь соперник утверждал, что встречи наступить
не смогут.

В зените сердца моего — любви к народу яркий светоч,
Сто грозных ангелов придут, мой пламень погасить
не смогут.

О ЖИЗНИ

Избрать свою веру, ей верность хранить,
страдать ради этой веры —
Вот долг человека, и жизни такой
высокие знаем примеры.

Что жизнью зовут? Первозданных частиц
осмысленное сочетание.

Что смертью зовут? Их разлад и распад,
когда разрушается зданье.

Лишь тот я ценю прозорливый взгляд,
что смотрит на связь явлений:

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

* * *

Страна в бессилье замерла давным-давно,
Повсюду сон, повсюду мгла давным-давно,
О Индия, ты умерла давным-давно.

* * *

Искусства больше нет, религия мертва,
Лишь роскошь богачей по-прежнему жива.

* * *

О песнь, поведай нам о доблести былой,
Напомни сыновьям про давний век златой,
Томящуюся грудь пронзи своей стрелой
И пламя разбуди, что дремлет под золой.

* * *

Любовь к стране родной, стань заревом зари,
Стань влагою хмельной и радость нам дари.

* * *

Пускай жасмин цветет, роняя аромат,
Пусть к другу друг придет в благоуханный сад,
Пусть соловей прольет над розой блеск рулад,
Пусть будет наш народ свободен и крылат.

* * *

Раскройся, сердце, как бутон — цветы, цветы!
Земля, перебори свой сон — цветы, цветы!

* * *

О древняя страна, цветы на радость нам,
Твоей земли весна для сердца — что бальзам.
Все страны хороши, но ты нам всех милей,
Все розы хороши, но здешние — алей.

* * *

Пусть бедный бос и наг, но он твой сын, земля,
Когда умрет бедняк, укрой его, земля.

Вишванатха Сатьянараяна

НАРОДУ АНДХРЫ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ

На берегах священной Годавари
Живущие
Всю Индию считают
Своею родиной.
Поэты песнь поют
Во славу благородной Тунгабхадры.
Мы, телугу,
Меж лотосов живем
На берегу потока
Бога Кришны.
Из волн ее мы статуи ваяем.
Поэтому,
Хоть школ у нас не много,
Мы лунными ночами
На побережье,
Как птицы,
Петь не учимся:
Поем!

ОБЛАКА

Невеста,
Поглядев на жениха,
Становится покорна и тиха
И радостна.
Тогда она похожа
На облачко
В день теплый и пригожий.

Жена,
Когда впервые тяжела,
От мужа век бы

Глаз не отвела.
Не облачком,
А тучкою плывет —
И может брызнуть дождиком вот-вот,

Мать юная,
Над первенцем дрожа,
Глядит на мужа,
Им не дорожа.
Она подобна туче грозовой,
Полна огня
И прелести живой.

ТЫ И Я

Всем нравится весна: она одна
Для счастья как нарочно создана.
Ты, облако в осенней вышине,
По нраву мне, по нраву только мне.

Ты овладело сердцем и умом.
В безумной пляске Шивы в пляс пойдем!
Я на земле, ты в небе. Ведь певец
Поет о муке любящих сердец.

А в час, когда весь мир оденешь тьмой,
Я в щель забьюсь, я уползу домой —
И с головою окунусь во мрак,
Ища покоя, — так и только так.

СЛЕПОЙ НИЩИИ

Его я в каждом поезде встречаю:
Едва войду — он входит вслед за мной,
И дочь проводит старца по проходу.

Священные стихи о Раме он
Поет протяжно, глухо, беспрерывно.

И голос так звучит, как будто он,
Слепец и нищий,
В прежнем превращенье
Упал в колодец

И на помощь звал —
Звал непрерывно, глухо, безуспешно.

И крик в колодце замер —
И настиг
Его сейчас...
Слепец, слепой старик...

Его глаза пусты,
Пока стоит
И ждет, что мы придем к нему на помощь.
Его душа и старческая немощь —
В пустых глазах.
Он жив еще!
Он жив!
Он жив еще, но никому нет дела.

И, слыша песню страшную его,
Встречаясь взором с безответным взором,
Я чувствую, что он меня зовет
Своей бедою
И своим кошмаром.

Но вот он кончил петь —
И подают.
Слепец ушел,
А я остался тут!

Нирала

ПЕРЕПРАВА

Лодку швыряет... Вода как свинец...
Эй, береги свою жизнь, гребец!

Вверх — вниз, вверх — вниз...
Волны вздымаются. Мрак навис.
Где же спасение?
Изнемогая, смельчак гребет,
Тяжко качает громады вод
Буря осенняя.

Руль обломился... Близок конец...
Эй, береги свою жизнь, гребец!

Вот, на мгновенье лишившись сил,
Руки, дрожа, гребец опустил,
Гнется, измученный,
Но через миг, овладев собой,
Снова вступает в неравный бой
С тьмой взбаламученной.

Где берег?.. Лишь ветер — смерти гонец...
Эй, береги свою жизнь, гребец!

ЖАЖДА

1

Сколько раз в этот сад прилетал сухойей,
Обрывая листву с опаленных ветвей,

Сколько раз беспощадный, ненастный саван
Неприветливых туч пригонял караван.

Но опять из-за гор приходила весна,
Ароматами щедрыми напоена,

И опять на глазах этот сад оживал —
Пробуждался, гирлянды цветов надевал...

Лишь во мне безысходно жажда была —
Никогда ты меня исцелить не могла,
Никогда, никогда ты меня исцелить не могла!

2

Разве странник,
 измученный в дальнем пути,
Хоть однажды не сможет покой обрести?

Разве горестный вздох одиноких сирот
Хоть однажды ответа себе не найдет?

Разве каждый из этих несчастных цветов
На заре лепестки приоткрыть не готов?

Разве радостью не отвечает земля,
Услыхав над лугами жужжанье шмеля?..

Лишь во мне бесконечную жажда была —
Никогда ты ее утолить не могла,
Никогда, никогда ты меня утолить не могла!

ЧИСТОЕ НЕБО

После долгих дождей небеса наконец прояснились,
Словно не было бурь, словно людям они только снились.

Сразу стало теплей, наступила погода сухая,
Вся природа вокруг ожила, с облегченьем вздыхая.

Так сияет земля и прозрачное небо над нею,
Что далекое стало отчетливей, ближе, виднее:

Вон коровы и буйволы дружно идут к водопою,
Вон по пастбищу овцы рассыпались пестрой толпой.

Отдыхает листва, детвора у ограды резвится,
Оживились улыбками нежные девичьи лица.

Всюду — новая жизнь, всюду слышится говор и пенье,
Люди начали в гости ходить из селенья в селенье.

Кто пошел на базар, кто сидит под тенистым баньяном,
Кто, с друзьями беседуя, бродит по влажным полянам.

Собираются юноши — будут играть и бороться,
В разноцветных нарядах соседки сошлись у колодца.

Им не надо бояться, что снова их дождик намочит
Или грязью запачкать их яркие сари захочет.

У колодца стоят, опираясь на край отсырелый,
И смеющихся взоров бросают лукавые стрелы.

КАМНИ ДРОБИТ ОНА!

Камни дробит она!
Я увидел ее по дороге в Аллахабад:
Камни дробит она.
С утра дотемна
Обушка удары звучат.
Ни деревца здесь, где в жаркие дни
Можно укрыться в густой тени.
От пыли, от солнца палящих дней
Кожа у ней — сажи черней.
Потупив глаза, вздыхая тайком,
Дробит она камни большим молотком,
А рядом, красуясь у всех на виду,
Пестреет дворец в тенистом саду.
Солнце все выше над головой
Всходит по лестнице огневой,
Лицо почернело, руки в пыли,
Жар поднимается от земли.
И кажется, зной до того жесток,
Что искры сыплются на песок,
Пылает, как хлопок, земля кругом,
А девушка бьет и бьет обушком...
Украдкой глаза на меня подняла
И сразу в сторону отвела:
Не вышел ли кто-нибудь из дворца

И не следит ли за ней с крыльца?
Взглянула глазами, полными слез,
Как будто ей кто-то удар нанес,
Нежданной обидою оглушил
И даже плакать не разрешил.
Но боль от удара душа хранит,
Разбитой гитарой душа звенит,
Звенит с отчаяньем и тоской —
Я песни еще не слышал такой!
По юному телу, как трепет крыла,
Дрожь пробежала — и замерла.
Пот со щеки смахнув на песок,
Опять обушок она подняла,
И словно громко сказал обушок:
— Камни дробит она!

В ПОТОКЕ ЖИЗНИ

Сквозь этот горестный поток,
в котором столько лет плыву,
К другому берегу, скажи,
когда-нибудь пробьюсь ли я?
Священной силою любви
хоть на мгновенье, наяву,
Смеясь от радости, скажи,
когда-нибудь упьюсь ли я?
Лишь тот, кто движется вперед,
от мук спасение найдет,
А безрассудная вражда
жива лишь страхами всегда!
О несказанный аромат —
от сердца к сердцу он течет,
С его дыханием, скажи,
когда-нибудь сольюсь ли я?

НОВАЯ ПЕСНЯ

Я сегодня песнь запел другую —
Про надежду вечно молодую:
Это песня нового рассвета,
Эта песня радостью согрета.

В каждом доме сделалось светлее,
В каждом сердце сделалось теплее.
И надежда озарила лица,
Как из туч блеснувшая зарница.

Всех коснулся этот зов певучий,
Эти волны радостных созвучий,
И сердца среди земных лишений
Стали вдруг добрей и совершенней.

Этой песни утренняя сила
В душах состраданье воскресила, —
Жаждал мир услышать это слово,
И теперь оно вернулось снова!

Сквозь распахнутые окна жизни
Разнеслось оно по всей отчизне,
И в домах, где поселилось горе,
Люди счастья ожидают вскоре...

Вот что в мире за одно мгновенье
Совершить сумело вдохновенье!

М.-У. Малкани

МУЗЫКА И КРАСОТА

1

Высокий зал
залит возвышенной музыкой
и переполнен зрителями,
среди которых
поразительной красоты женщина.
Зеленое сари с золотой бахромой облегает ее тело,
Зеленое божество в море людей,
нежно кивает она красивой головкой
на каждое изменение ритма.
Может быть, по мере того, как нарастает мелодия,
в сердце ее вырастает страсть
и прекрасное тело покачивается
в ритме той музыки, что у нее в сердце.

2

А я выглядываю из затемненной галерки.
Слух полон мелодией,
глаза очарованием.
Исполняемая музыка через посредничество Красоты
пробуждает и в моем существе мелодию,
огромную, совершенную,
словно ее воплотил великий артист
и постиг неотразимый слушатель.

Д.-Р. Бендре

ПТИЦА ВРЕМЕНИ

Птица времени кружит над нами, кружит,
Сверху, вокруг облетает нас,
Взлетает, падает, дальше мчит,
А затем исчезает в мгновение ока —
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Темно-серого цвета — оперенье хвоста,
Остальные перышки — как самоцветы,
Рубин и золото, яшма и лал, —
Все цвета, которые в радуге есть.
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Тело ее — сапфир облаков,
Отягощенных легким дождем,
Диадемою звезд украшены крылья,
Луна и солнце — ее зрачки.
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Для нее империи — словно колосья,
Державу ли, трон ли — ей нетрудно склевать.
Склоняют головы материки,
В час, когда она поглощает короны.
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Пыль со лба веков счищает она,
Давая новым эпохам дорогу,
Стоит ей только крылом шевельнуть —
Рождаются дети новой весны.
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Пролетает мимо Венеры она,
Облетает Марс, его иссушая,

Она парит и поет во дворе
Дома, где обитает Меркурий.
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Распростерты над миром ее крыла,
Клюв ее — горизонта Вселенной коснулся,
В гнезде ее — множество новых миров.
Кто в тайные планы ее проникнет?
Птица Времени кружит, все кружит и кружит.

Я — БЕДНЯЧКА

Я — беднячка, и он — бедняк,
Но любовь приказала так:
Лишь любовью семья богата —
И во всем любовь виновата.

Коль не дома любимый мой —
Приходил бы скорей домой,
Как прекрасен он в юном блеске,
Как сверкают в ушах подвески!

В холод или в жару,
Вечером, поутру —
Чуть он ко мне подступает —
Радость во мне закипает.

Мы живем, нашу радость тая,
Друг для друга — лишь он да я,
Вот браслеты — его подарки,
Его поцелуи так жарки!

Недостатков не знаю в нем,
Люблю его ночью и днем.
Малыша под сердцем ношу я —
Радость будущую, большую.

СВЕТИЛЬНИК

Земля сожжена, и подошвы горят, и тело пылает.
Я подобен свече, возожженной полуденным солнцем.
Опалил я глаза, ибо глянуть посмел на Светило,
Свой безжалостный меч вознесшее на небосвод.

Все живое почти задохнулось в слепящем зное,
Но ведь есть же вода, бесконечного счастья река,
В эту воду стопы погружаю, со счастьем сливаюсь,
Даже Солнце играет в воде, забывая о зное.

Оцепененье проходит,
В душе просыпается радость, как юный цветок,
Ощущаю себя божеством:
О что за неведомая страна, где ветер подобен песне,
Где рухнула клетка моей души, где ныне стою нагой?

Сам ли я стал божеством? Иль во мне — божество?
Или же это все то же палящее Солнце,
Пространство уходит в другое пространство,
Чтоб себя же в себе победить.

Покой наступил... Неужели покой?
Угасает зловещая боль,
И как малый светильник
Просыпаются чувства мои.

СЛЕПОЕ БОГАТСТВО

Пляшет Богатство, как идол слепой.
Всех, кого может, давит стопой.
Пляшет Богатство.

Браслеты звенят на лодыжках его,
Кто чеканил их — тот явил мастерство:
Браслеты незримы.

Ожерелье на нем — холоднее льда:
Это слезы детей: их беда и нужда
Подарили Богатству.

Факел в руках у него — хитро
Зажженный, — чтобы палить нутро
Бедняков голодных.

Разевает пошире рот
И с удовольствием пьет
Слезы людские.

Лоб его жуткий таков:
Пылью покрыт со ступней батраков
И нищих.

Колокольцами в храме бренча,
Музыкою звенит во дворце богача
И монетами в лавке.

Пляшет и пляшет, порой упадет,
Снова поднимется — и вперед!
Пляшет Богатство!

МИРАЖ

На прибрежной косе я впервые увидел тебя —
О, как ты смеялась,
Как весело,
Неудержимо!
О скажи мне, любимая дней незабвенных тех —
Где твой смех?

Как блистали глаза твои, как же светилось
Твое лицо,
Как легко изменялось его выраженье!
Как приятна походка твоя была,
Как ты была весела!

Все, что мы говорили, все, что мы повидали,
Все ушло навсегда, возвратится едва ли.
Как ни прекрасны воспоминаний слова —
В них былое живет лишь едва-едва...

Жертвою бедности стала ты.
Как легко ты сгорела в огне нищеты!
Ты высохла, как стебелек.
Как быстро твой облик поблёл!

Что это — память волшебная или попросту
сердца томленьё,

И мне примерещился даже твой смех,
Да и праздник недолгий наш —
Быть может, всего лишь мираж?

Мягкий твой смех прошуршал, словно шелк,
Сверкнул, будто молния, — и умолк.
Гляжу на лицо твое — о, куда
Твой смех унесли года?..

Тжхаверчанд Мегхани

МЕЧ ГЕРОЯ

Меч героя — лучший дар,
Меч героя на стене висит.
Меч отца священный дар,
Посмотри: на той стене висит.

Все богатство поделил
Раджа между двух сынов.
На две части поделил.
Меч героя на стене висит.

Старший попросил дворец и сады вокруг,
Младший только этот меч.
Меч героя на стене висит.

Горделиво старший сын на слона воссел,
Младший оседлал коня.
Меч героя на стене висит.

Старший ездит близ дворца по садам своим,
Младший ловит зверя, дичь.
Меч героя на стене висит.

Старший льет вино рекой; что ни ночь, то пир,
Младший доблестен в бою.
Меч героя на стене висит.

Стелют старшему постель, он роскошно спит,
Младшему постель — скала.
Меч героя на стене висит.

Старший прячется, едва слышит крик врагов,
Младший сын им вызов шлет.
Меч героя на стене висит.

Старший в панике бежит, бросив наземь щит,
Младший обнажает меч —
Тот, что на стене висит.

Старший вымолил себе жизнь у ног врага.
Младший встретил смерть в бою.
Меч героя на стене висит.

Старший опозорил мать, обесславил род.
Младший всеми свято чтим.
Меч героя на стене висит.

О сестра, священный дар —
Меч героя на стене висит.
Меч отца — последний дар,
Посмотри: на той стене висит.

Я — МОРСКАЯ РЫБКА

Возле берега морского
Я кружусь и славлю бога.
Я — морская рыбка!

Не спешите ставить сети,
Мне погибель — снасти эти.
Я — морская рыбка!

Я люблю одно лишь море.
Сгиньте те, кто с морем в споре.
Я — морская рыбка!

И в аду меня и в небе
Сыщет волн курчавый гребень.
Я — морская рыбка!

Озаренная луною,
Кто так плещется с волною?
Я — морская рыбка!

Раковин раскрою крылья,
Жемчуг выну без усилья
Я — морская рыбка!

Счастья в звездном нет просторе,
Для меня блаженство — море.
Я — морская рыбка!

Возле берега морского
Я кружусь и славлю бога.
Я — морская рыбка!

РАДЖАНА КУНВАР

Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!
Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!
Качели вверх летят, вниз —
И свищет флейта, о, раджана кунвар.
Качели вверх летят, вниз —
И свищет флейта, о, раджана кунвар.

Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!
Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!

С кобылицей белой, о, раджана кунвар.
С кобылицей белой, о, раджана кунвар.
Прыжком в седло взмой —
Ах, как свищет флейта, о, раджана кунвар!
Прыжком в седло взмой —
Ах, как свищет флейта, о, раджана кунвар!

С кобылицей белой, о, раджана кунвар.
С кобылицей белой, о, раджана кунвар.

На руках браслеты, о, раджана кунвар.
На руках браслеты, о, раджана кунвар.
Горят на пальцах кольца —
И свищет флейта, о, раджана кунвар.
Горят на пальцах кольца —
И свищет флейта, о, раджана кунвар.

На руках браслеты, о, раджана кунвар.
На руках браслеты, о, раджана кунвар.

Из парчи бесценной, о, раджана кунвар,
Из парчи бесценной, о, раджана кунвар,
Тюрбан твой свит меварский —
Как свищет флейта, о, раджана кунвар!
Тюрбан твой свит меварский —
Как свищет флейта, о, раджана кунвар!

Из парчи бесценной, о, раджана кунвар,
Из парчи бесценной, о, раджана кунвар,

В туфлях ты ратхорских, о, раджана кунвар.

В туфлях ты ратхорских, о, раджана кунвар.

Спеши скорей сюда к нам —

Здесь свищет флейта, о, раджана кунвар.

Спеши скорей сюда к нам —

Здесь свищет флейта, о, раджана кунвар.

В туфлях ты ратхорских, о, раджана кунвар.

В туфлях ты ратхорских, о, раджана кунвар.

Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!

Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!

Качели вверх летят, вниз —

И свищет флейта, о, раджана кунвар!

Качели вверх летят, вниз —

И свищет флейта, о, раджана кунвар!

Снова свищет флейта, о, раджана кунвар!

Качели вверх летят, вниз —

И свищет флейта, о, раджана кунвар!

СМЕРТЬ СТАЛА СТРАЖНИКОМ

«Кто тут?» — «Яма — смерти бог.

Я сегодня здесь на страже».

«Вах-ва! Стражник — мастер кражи.

Яма-вор стоит на страже...»

Масляный горит светильник.

Три недели пред собою

Глиняный кувшин с водою

Держит вор рукой худою.

Голодающий бессилен.

Без движенья он на ложе.

Плачет Яма темнокожий.

«Отчего ты плачешь, боже?»

«Не хочу я, чтоб ты умер!

Будешь пить? Тебе полегче?

На мои взвалили плечи

Груз бесчестья, человек!

Мне кричат: «Ты — вор, убийца!

Ты людской забрызган кровью».

Человек! Не верь злословью.

Я пришел к тебе с любовью.

Нет, не я лишаю жизни.
Твой убийца — Голод, это
Он сживает всех со света!
Жду и не дождусь рассвета...»

МОЛОТ МОЛВИТ

Молот молвит — наковальня слушает: дзингх... дзень.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзингх... дзень.

Узнаёт рассказ о боли.
В каждом слове — гулком стоне истина: дзингх...
дзень.

Готовят долго меч-булат,
А пушку дольше во сто крат.
Победы гибелью грозят —
Они мостят дороги в ад,
Сестра: дзингх... дзень.

Молот молвит — наковальня слушает: дзень... дзингх.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзень... дзингх.

Каждый атом суши страшно в крик кричит: дзень... дзингх.
Каждый атом океана в крик кричит: дзень... дзингх.
Им божий свет давно не мил.
Дрожит вода, придонный ил.
Нет больше места для могил.
Бьют пушки, не жалея сил,
Сестра: дзень... дзингх.

Молот молвит — наковальня слушает: дзингх... дзень.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзингх... дзень.

Раскалясь, очаг пылает в знойный день: дзингх... дзень.
И меха натужно дышат в знойный день: дзингх... дзень.
Кипит работа: жар и чад.
Дрова стремглав летят в очаг.
А молоты стучат, стучат.
Но хлеба не печет очаг,
Сестра: дзингх... дзень.

Молот молвит — наковальня слушает: дзень... дзингх.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзень... дзингх.

Тот, чьи руки нынче молот стиснули: дзень... дзингх.
Тот, кто трудится упорно день и ночь: дзень..., дзингх.
 Что скажет он, когда сынок
 Попросит у него кусок
 Лепешки и воды глоток?
 Коса нужнее, чем клинок,
 Сестра: дзень... дзингх.

Молот молвит — наковальня слушает: дзингх... дзень.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзингх... дзень.

Мы хотим сегодня строить новый мир: дзингх... дзень.
Чтоб кинжал распался пылью ржавою: дзингх... дзень.
 Не меч ковать, но мирный плуг
 И серп, что звонок и упруг.
 Вот в этом цель рабочих рук,
 Сестра: дзингх... дзень.

Молот молвит — наковальня слушает: дзень... дзингх,
Молвит брат — сестра родная слушает: дзень... дзингх.

Куйте люльки для малюток прочные: дзень... дзингх.
А железные кровати — матерям: дзень... дзингх.
 Пусть пушку и ядро отец
 Расплавит — им пришел конец!
 И струны вытянет кузнец,
 Чтобы играл на них певец,
 Сестра: дзень... дзингх.

Молот молвит — наковальня слушает: дзингх... дзень.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзингх... дзень.

Боевые колесницы в переплав: дзингх... дзень.
Ковш для молока откуйте детворе: дзингх... дзень.
 Кузнец! Будь мужественен, брат!
 Удар последний, как набат,
 В душе откликнулся... И над
 Землей звучит его раскат,
 Сестра: дзингх... дзень.

Молот молвит — наковальня слушает: дзень... дзингх.
Молвит брат — сестра родная слушает: дзень... дзингх.

ШАГАЙТЕ ВПЕРЕД!

Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!
Друзья! По опасной дороге шагайте вперед!

Шагайте вперед! Путь давно вам отрезан назад.
Шагайте вперед! Позади догорает закат.
Не плачьте! Пусть песня смелее звучит во сто крат:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Сидящие, встаньте! Тела укрепите свои.
Когда — что ни день — разгораются всюду бои,
Оставьте надежду весь век промечтать в забытьи:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Не пройдена и половина пути? Ну, так что ж?!
И если вас мучает жажда, а сил ни на грош,
И кажется, дальше уже ни за что не пойдешь:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Шагайте вперед! К океанским соленым волнам,
Безводным пустыням, тенистым лесам и горам.
И пусть во все небо греметь, не смолкая, громам:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Обрушат ли недруги злое бесчестье и брань,
Друзья ли покинут — крепитесь! Взимается дань
С идущих... Терпите! И снова в рассветную рань
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

А где остановитесь? Камень горяч под ногой.
Хоть воздух прохладен, но в сердце кипящий огонь.
Не надо бросать лепестки в пепелящий огонь!
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

И будет дороге конец, и не станет беды.
Рассеются тени страданий, исчезнут следы.
Не долго вам ждать остается. Теснее ряды:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Вершина вулкана дымится, дыша тяжело.
Вас доброе дело к вершине, друзья, привело.

Затем, чтобы древо свободы над нами цвело:
Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!

Шагайте вперед! Шагайте вперед! Шагайте вперед!
Друзья! По опасной дороге шагайте вперед!

ЖЕЛАНИЕ

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает,
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает,

Утешьтесь, плачущие глаза!
Скорбной ночной порой
Вдали возникла смутная тень —
Это явился на зов людей
Древний силач-герой.

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает.
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает,

Неба коснувшийся головой
В ад пятами уперся.
Пахтал без усталости время герой,
Пенил столетия мутовкой-горой.
Жизнь проявляла упорство!

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает.
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает,

И устремился с улыбкой вдаль
Призрак, дарящий свет.
Сон исчезает... И слышен звон.
Долог страны моей тяжкий стон —
Цепи несомны бед.

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает.
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает,

Нет, не проснется древний герой,
Не распадется мрак.
Карлик трясется на берегу,
Стал, как вкопанный, на бегу
Трус — воплощенный страх.

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает.
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает.

Вижу отчетливо: мать идет,
Полон тревоги взор.
О революция! Я — твой сын.
Будь владычицею лавин
Ринься со склонов гор!..

Сновиденье ночное мое искрами прочь улетает.
Меркнет свеча души моей — медленно, медленно тает.

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАША

*Посвящается Махатме Ганди в день его отъезда
в Лондон на конференцию «Круглого стола»*

Налита чаша ядом: пейте ее, отец!
Пейте единым залпом — это ваш долг, отец!

Знаем, что поступиться верой вы не могли.
Перед врагом склонялись, на компромиссы шли
Только во имя цели, ради родной земли.
Ныне на ложе смерти голову класть, отец!
Можно и не вернуться: власть у врага, отец!

Пахтанье океана — это удел богов,
Поприще сильных духом. Налита до краев
Чаша, но кто — о Шива! — выпить ее готов?
Пейте! Пускай до сердца яд вам дойдет, отец!
Будьте тверды, как Шива. Вы — наш оплот, отец!

Спросят: разве отшельник мощи богов лишен?
Или иссохло море и погрузился в сон,
Блеск потеряв, безлунный, меркнувший небосклон?
Нет! Пораженьям нашим вас не сломить, отец!
Многое мы терпели... Близится час, отец!

Нас и плетьюми стегали, мучили, жгли дома.
Нас и тюрьмой пытали, тщились свести с ума.
Из пулеметов били... Пуля, огонь, тюрьма.
Мы ко всему притерпелись. Нас им не жаль, отец!
Были сердца, как лотос, — стали, как сталь, отец!

Пусть же, что будет — будет, произойдет сейчас.
Если ни с чем вернетесь, не отводите глаз —
Мы все равно обнимем и поцелуем вас!
Примем с известьем добрым, примем с дурным, отец!
Только бы вы вернулись, были б живым, отец!

Бык разъярен. Идите, вам укротить быка.
Да оживит убитых ваша, отец, рука!
Над океаном стройте мост, чтоб стоял века.
В темном лесу дорогу вам освещать, отец!
И терпеливо гладить грозного льва, отец!
Путь вам укажет Шива. Строг его взгляд, отец!
Чаша дрожит в ладонях... Выпейте яд, отец!

Кешавакумар

ГЕРОИЗМ

Покуда царь лесов, Лев, восседал
на своем троне,
звери таились в норах
и трепетали от страха.
Повержен Лев. Туша лежит на поляне.
Звери, как саранча, его облепили.
Поднимают ему веки, ликуют:
«Это же не глаза, а речные камни!»
Дергают за усы, приговаривают:
«Это же приклеенная пакля!»
Заглядывают в пасть бесстрашно, щупают зубы.
Топчут ногами бока, пританцовывают.
Дружно тянут за хвост,
пыжатся, волокут по траве.
Кто ж за него заступится!
Кому такой царь нужен?..
Каждый нынче сам себе царь —
огрызается и рычит.
Бьет себя в грудь каждый:
«Это я Лев, а не он!»
Ах, как много в лесу
расплодилось героев.
Жаль, что в лесу
никто ничего не боится.

Девулапалли Кришнашастри

КТО?

Кто во тьме, эй, кто зовет
Тенью темною вперед?
Чей призывно взор горит?
Кто таится и молчит?

Эй, кто?

Эй, кто?

Кто вот-вот заговорит?
Обещающая и маня,
Обольщающая и дразня,
Кто вот-вот заговорит?

Кто во тьме — ночной, сплошной —
Машет мне и надо мной?
Сотню знаков
Сотня рук
Подает —
Но мрак вокруг.

Кто в часы ночной тоски
Рвет мне душу на куски?
Кто забыться не дает
Ночь — и годы — напролет?

Эй, кто?

Эй, кто?

Кто весь век меня зовет?

ЕЕ ГЛАЗА

В глазах ее — голубизна небес,
Бескрайний и безоблачный простор.
И глубина непостижимых бездн,

И тишина полуночных озер,
И — временами — быстрая волна.

В глазах ее — зеленая листва
И вечно возникающая в ней
Неясная и нежная молва
Трепещущих и трепетных ветвей.

В глазах ее порой блестит слеза,
Как будто в потемневших небесах
Томится и торопится гроза
И туча тяжесть чувствует и страх.

И песня в них, и песня в них всегда —
В прекрасных, переменчивых глазах, —
И красоты бессмертная звезда.

ТОЮ НОЧЬЮ

Упала тьма, вернее, расплзлась
По свету, все дороги погребя, —
Густая и тягучая, как грязь, —
Но что мне делать в мире без тебя?

Как на болоте, в жиже липкой тьмы
Мне не слышать шум твоих шагов.
Сердца разъединились, а умы
Сошли с ума во тьме без берегов.

И в горле крик «Любимая!» застыл —
И, вырвавшись, взметнулся до небес.
Мир темен был, а крик мой был бескрыл —
И в непроглядной темени исчез.

С тех пор я плачу ночи напролет,
Стал дом мой безысходен, как тюрьма,
И в колокол безумья сердце бьет —
А в мире тьма, и на глазах сурьма.

Ты в ночь ушла, запястьями звеня. —
И этот монотонный долгий звон
Звездой стал путеводной для меня...
Но нет пути, лишь тьма со всех сторон.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Искал, устал — и больше не хочу
Надеяться на что-нибудь иное.
Закончилось безумие дневное.
Себя вверяю сну, как палачу.

А может, будет милостив палач
И казнь мою расцветит крепкой шуткой,
Настолько же убийственной и жуткой,
Как мой — в ночи беззвездной — черный плач?

Но нет, палач мой на расправу скор
И не дает малейшей передышки:
Я просыпаюсь от неясной вспышки
И снова свой читаю приговор.

И сон мой пропадает без следа —
И остается только то, что было
Воочию — и что меня убило,
Похоронило раз и навсегда.

Ведь даже вспышка мне была милей,
Которая на миг во тьме сверкнула,
Чем явь моя. Она меня согнула
Под ношей неподъемною своей.

И тяжесть, и усталость, и печаль,
Как три сестры — отнюдь не милосердья, —
Исполнены зловещего усердья,
А пустота не отпускает вдаль.

СТАВ ЛИСТКОМ СРЕДИ ЛИСТЬЕВ

Став листком среди листьев, травинкой меж трав
Или веткой меж веток, пусть самую нежной,
Как я смогу затеряться в просторе дубрав,
Страх мой страхом поправ
В тишине безмятежной?

Дуновение ветра судьбою избрав
И дорогу скитальца в лазури безбрежной,
Как смогу затеряться в просторе дубрав,
Страх мой страхом поправ
В тишине безмятежной?

Над кустарником здешним, как шмель, зажужжав
Или образ приняв чистоты белоснежной,
Как смогу затеряться в просторе дубрав,
Страх мой страхом поправ
В тишине безмятежной?

На деревья забраться, вершину обняв,
Или в горы собраться с мечтой безнадежной?
Ведь никак не остаться в просторе дубрав,
Страх мой страхом поправ
В тишине безмятежной!

Голод с жаждой избуду, забуду свой нрав,
Чтоб с одною-единственной мыслью утешной
Попытаться остаться в просторе дубрав,
Страх мой страхом поправ
В тишине безмятежной.

* * *

Не зови меня зайти,
 Не зови
Пребывающего вечно в пути, —
 Не зови меня зайти,
 Не зови!

Одинокого меня
 Не зови,
Хоть струна и отзовется, звеня.
 Одинокого меня
 Не зови!

Не кивай мне головой,
 Дверь открыв,
Не поглядывай с волненьем, с мольбой. —
 Не кивай мне головой,
 Дверь открыв!

Не доволена с тобой
 Ночь любви.
Не дарован песнопевцам покой. —
 Не дозволено, друг мой!
 Не зови!

Джибонанондо Даш

БЫЛ БЫ Я...

Был бы я диким селезнем,
была бы ты дикой утицей
где-нибудь на берегу Дханшири
над рисовым полем
в тростнике высоком
в гнезде укромном,
тогда бы сегодня, в последнюю зимнюю ночь,
завидев круглую луну сквозь ветви тамариска,
мы, выпроставши крылья из затхлых вод,
окунулись бы в серебряные россыпи неба —
твое крыло под моим крылом, в моем крыле твоя кровь
играет,
бесчисленны звезды на синем — золотые цветы
на небесном лугу,

и луна,
как яйцо золотое
в шерстистом гнезде,
наш полет восходящий —
будто пение пули,
вдохновение выстрела в наших крыльях,
в горле — песня северного ветра.

И снова будто бы пение пули —
в нем — неподвижность наша,
в нем — покой.

И не было бы жизни нынешней жалкой и ежедневной
тьмы,
и не было бы жизни нынешней жалкой, бессмыслицы
и смерти,

был бы я диким селезнем,
была бы ты дикой утицей
где-нибудь на берегу Дханшири
над рисовым полем...

ТРАВА

Нежно-зеленый, как листва молодого лимона, в этом
мире рассвет.
И зеленую, как незрелый грейпфрут—ах, какой аромат!—
щиплют олени траву.
Этот запах зачерпнуть бы стаканом и пить, как пьяное
зелье,
эта зелень шершавит тело, шлифует зренье, крылья мои—
в этих крылатых травах;
и трава из травы, порождая траву, прорастает из густой,
терпкой тьмы травы-праматери.

ЛИМОН

Когда-нибудь, когда я покину плоть,
не вернусь ли вспять — в мир?
Как-нибудь я вернусь
когда-нибудь в знобкую ночь
какой-нибудь жалкой холодной мякотью выжатого
лимона
на берег предсмертного ложа какого-нибудь знакомца.

ТЫ

В потоках звезд весь небосвод, в сиянье звездных знаков;
и воздух стал голубоват, как степь в покрове злаков;
кузнечик спит, и спит оса голубокрылая над Гангой,
и ты — и ты среди дерев, меж нима и цветущих манго.

«Ты глубоко? Ты под землей? О чем сегодня ночью
ты мыслишь? Или видишь ты небесный брег воочью?
Воркует голубок один, один в лимонной роще,
и он — как ты; и нет тебя; и без тебя мне проще
постигнуть вечность и найти тебя в бескрайности
небесной
с такой чудесной легкостью и простотой чудесной», —
сказала птица и во тьму ночной вселенной сгнула,
пропели крылья, мир любви и нелюбви покинула.

ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Таинственна была
та ветреная ночь — ночь несметных звезд,
когда ветер могучий играл с mosquito сеткой:
то вздувалась она, как океанское брюхо,
то пыталась она взлететь
в небо,
и порою казалось мне, наверное, в полусне,
вот уже улетела
и белым парит журавлем в звездном море синего ветра.
Прекрасная ночь была.

И вот воскресли все мертвые звезды — ни пятнышка
тмы в небесах,
и видел я в звездах серые лики всех мертвецов вселенной,
а звезды сверкали, как росные очи любимого сокола
на вершине темного древа,
а необъятное небо светилось, как шкура леопарда
на плечах вавилонской царицы в ночь полнолуния.
Прекрасная ночь была.

Те звезды, погасшие тысячи лет назад,
воочию мне показали тысячи мертвых небес,
а красавицы, жившие в Вавилоне, в Видише и в Египте,
встали рядами на туманной границе неба с копьями
наперевес — не для того ли,
чтобы смерть посрамить?
Чтобы жизни победу восславить?
Чтобы воздвигнуть в небе таинственную и страшную
колонну любви? — Я был потрясен и подавлен.

Той ночью той синей неизъяснимой силой был я разорван
на части,
той ночью, будто червяк, мир распластался
под огромными неутомимыми крыльями неба,
той ночью, с высот низойдя,
ветер ворвался ко мне, как несметное стадо
оленей, гонимых львом по зеленым просторам!

Исполнилось сердце мое зеленым запахом трав
и льющимся через край земли ароматом солнечного
сиянья,
и глубоким, тревожным, живым и косматым выдохом
тмы —

так тигрица ревет, обезумев от любви, —
и синим неукротимым безумием жизни.

И воспарило сердце мое, оторвавшись от мира,
словно пьяный воздушный шар в море синего ветра,
а мачту дальних созвездий злой стервятник унес.

ОХОТА

На заре:

небо — изысканно голубое, как тельце кузнечика,
и гуавы на горизонте — как зеленые перышки попугая,
и звезда — она, последняя, еще не погасла,
подобная пьянящей красоте деревенской невесты
на предсвадебных посиделках
или жемчужине, которая скатилась из груди красавицы
египтянки

в мой бокал голубого вина
тысячу лет назад, —
она, последняя, еще не погасла.

Зимней ночью разжигают костры на полях
поденщики, чтобы согреться

(красный цветок — этот огонь),
и сухая листва еще не погасла:

только солнце затмит эту красную метку на лбу
или бесцветную страсть

в сердце пешки на шахматном поле.
Лесная опушка в росе и небо в мерцающем свете
покачиваются, как сине-зеленые перья павлина.

На заре:

всю ночь напролет он бежал от тигриц и пантер,
и спасался в беззвездных чашкобах, и вышел

из куши богини,
из леса Арджуны,

предвкушая зарю, он — прекрасный олень —
погрузился в предутренний свет,

пощипал ароматной травы — зеленой зеленого лимона —
и вошел в студеную воду,

чтобы усталому и бессонному телу возвратилось хотенье,
чтобы вернулся восторг — восходящее солнце

разрывает холодную и тугую матку тьмы, —
чтобы, очнувшись — золотистые копыта света, — под
небосводом

вновь очаровывать ланей мужеством, страстью и
красотой...

Но — странный и страшный звук,
и вода в реке покраснела (словно красный цветок).

И снова костер — дымится горячая красная оленина —
сидят под звездным небом на траве — древние, омытые
росой разговоры —
дым сигарет —
нечесанные головы мужчин —
несколько ружей поодаль — озноб — тихий невинный сон.

ОЛЕНИ

Я увидел и понял: это я в сновиденье
вижу весенний лес и подлунные игры олени

в том лесу, где ладони листвы серебрятся и крыльями
птицы
ветер их задевает, — роса, будто жемчуг, струится

из ладони в ладонь и в олени чудесные очи:
лунным светом олени играют — и ветром, и жемчугом
ночи.

Там смеется Шефалика Бош — будто спелый гранат
в небесах
за ветвями огромных деревьев в бесконечных лесах.

Ах, шефалика, бедный цветок, в мире призраков ты —
лишь олени при свете весенней луны видят эти цветы.

Скатный жемчуг стекает в олени прекрасные очи —
лунным светом и ветром играют олени и жемчугом ночи.

МНЕ ВО СНЕ ГОЛОСА ГОВОРЯТ

Мне во сне голоса говорят: благо тому, кто стар и сед,
в тишине зимней ночи он затеплит светильни
фитиль,
он задует светильни фитиль, и он ляжет в постель,
а в глазах у него, а в глазах у него — дальних сумерек
свет.

Этот свет неподвижно стоит среди белого дня;
одинок он; когда-нибудь стану и я
стариком; зимней ночью я кончу тянуть канитель
золотую, задую фитиль и улягусь в постель,
не усну, буду слушать во тьме эту тишь,
и летящее небо — летучую мышь.

Старость, старость, когда ты придешь?

ДИКИЕ УТКИ

Серые крылья совиные к звездам взлетают,
вырвавшись из низины на лунный зов.

Дикие утки встают на крыло — слышу, взрывается
воздух:
одна, другая, третья — не сосчитать, несметно —

через окраину ночи летят и пыхтение крыльев
подобно локомотиву — быстрее, быстрее.

Затем остается пустое огромное звездное небо
и запах утиных тел — тени воображенья,

будто лицо Арунимы Саньял из древней деревни.
Летите, летите в лунном сиянье, летите бесшумно,

тени воображения, птицы, стирая все краски и звуки,
летите, летите бесшумно в лунном сиянии сердца.

ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Тысячи лет мерцал во тьме, подобно светляку:
вместилищу ночи не видно конца.

Лунный свет на песке и тени древесных стволов по песку
раскиданы, будто колонны: Дварака — мертвое тело
дворца,
запах сна в наших телах — явь исчезла, путь совершен.
«Ты помнишь?» — спросила, а я спросил: «Ты, Бонолота
Шен?»

БОНОЛОТА ШЕН

Тысячи лет я скитался в потемках земли,
шел по морям — из цейлонских в малайские воды,
от царя Бимбисары к Ашоке дороги вели
и дальше, к Видарбхе, сквозь тьму, и ненастья, и годы,
ведь жизнь — я устал! — это пена морского простора...
два данда покоя мне подала Бонолота Шен из Натора.

Волос ее тьма древней ночи Видиши темней,
а лицо — как шедевр из Шравастхи, а я,
как моряк без руля и ветрил, в водах дальних морей
остров пряностей вдруг увидал и воскликнул: земля! —
так и я увидал ее ночью; сказала: «Зачем так не скоро
вы пришли?» — и глаза на меня подняла Бонолота Шен
из Натора.

Каждый день завершая, бесшумно, как шепот росы,
в вышине
тьма сгущается, солнечный запах тает в крыльях
сокольных, и цвет
превращается в тень, угасая, и повесть вчерне
завершить помогает светляков немигающий свет:
птицы тоже стремятся домой, реки — тоже, и путь
совершен;
и осталась лишь тьма, и где-то во тьме осталась
Бонолота Шен.

ОБНАЖЕННАЯ РУКА

Снова сгустилась тьма в небесах,
потаенная единоутробная сестра света — тьма,
та, которая вечно меня любила,
как женщина, лица которой
я никогда не видел,
тьма сгустилась в мартовском небе.

И привиделся город погибший — воскрес
в сердце, и серый дворец посередине.

На берегу Индийского океана,
на берегу Средиземного моря,
на берегу финикийском — не сегодня
и никогда — стоял этот город

и серый дворец посередине,
а в покоях дворцовых не счесть сокровищ:
персидские ковры и кашмирские ткани, скатный жемчуг
и кораллы заморские,
мое погибшее сердце, мои мертвые очи, мои мечты
и желанья истлевшие,

и эта женщина —
все это было в мире:
было много солнечного света цвета апельсина,
было много птиц — голубей и голубых попугаев,
было много тени — листья,
солнечного света цвета апельсина,
много-много солнечного света цвета апельсина,
и та была, лица которой
я во веки веков не видел
и не ищу увидеть.

Мартовские сумерки мне принесли это преданье морское,
мучительно странные очертанья башен и сводов,
запах истлевших груш,
серые тени оленьих и львиных шкур,
радужные витражи
и мгновенное озаренье
палат и покоев в отраженье палат и покоев,
в завесах цвета павлиньих перьев —
извечное откровение.

На коврах и завесах — красноватая дымка заходящего солнца,
и арбузное, в красном кубке, вино,
и твоя обнаженная — чья, неизвестно — рука,
обнаженная — чья, неизвестно — рука...

Годабориш Мохапатро

ЖЕНЩИНА

Твой лик, твой на меня упавший взгляд
Затмили красоту иных миров
И здешний мир в душе моей затмят —
Но нет для них ни образов, ни слов.

Твой лик, твой взгляд, на миг скользнувший
Вплывают прочь,
Вплывают в грудь мою, как корабли,
Устав от волн, не ведая земли, —
Ни образом, ни словом не помочь.

Твой смех — ручей, сбегаящий с холма,
В твоём молчанье — тишина веков;
Ты — совершенства суть, ты жизнь сама,
Ты странница из племени богов.

Неужто ж эти странствия — уходы,
Приходы, превращенья — мне в угоду?

Налинибала Дэви

МОЕЙ РОДИНЕ

После смерти хотела бы птицей я вольною стать —
В поднебесье твоём, над лугами твоими летать,

На ветвях исполинов тенистых твоих обитать,
Дикой, радостной песней тебя поутру пробуждать.

А потом поднимусь я лучистой звездой в высоту,
Чтоб ночами с восторгом взирать на твою красоту,

И, цветы голубые собирая на Млечном Пути,
В дар тебе я гирлянду нетленную буду плести.

А потом превращусь в полноводный, широкий поток,
Чтоб с молитвенным пеньем стопы омывать твоих ног,

Чтобы течь по изгибам земли ароматной твоей,
Чтобы чувствовать трепет груди благодатной твоей.

Над прудами, стадами, садами в ночной полутьме
Легким облачком я проплыву в серебристой кайме.

А потом над тобой разгорюсь в золотую зарю
И румянец стыдливый ланитам твоим подарю.

Назрул Ислам

ВЗГЛЯНУ — И РОЗА БОЛЬШЕ НЕ СМЕЕТСЯ

Взгляну — и роза больше не смеется.
Заговорю — все мелко, все неясно,
и музыка во мне слабеет, гаснет,
и сердце глуше, медленнее бьется.

Луна зашла — ее не видно, юной.
Ослепло небо — ни зарниц, ни молний.
Уже весной пахнет ветер южный,
но соловьи весенние безмолвны.

А дикие соцветья по оврагам
не пляшут, не звенят при лунном свете,
и ночь тебя захлестывает мраком,
и волосы твои лохматит ветер.

И кажется, что все непоправимо.
И стало сердце выжженным и старым,
и тлеет кровь, и жизнь проходит мимо,
и дни плетутся молчаливым стадом.

МОИ ПЕСНИ

Песни — искалеченные птицы —
опускаются к твоим ногам.
Не подняться им, не распрямиться —
изломал им крылья ураган.

Подними же их, они — твои,
запертое сердце отвори.
Как они парили над тобою!
Огненными крыльями звеня,

уносили в небо голубое
музыку проснувшегося дня.

Ты их слушала, смотрела вслед.
Как же ты забыла наш рассвет?

А теперь, покинув поднебесье,
смертную испытывая дрожь,
на земле зачахли мои песни...
Неужели ты их не спасешь?

Возврати мне глаз твоих лучи,
сломанные крылья залечи.

ЗАКЛЯТИЕ

Я уйду навсегда,
я скажу напоследок: «Прости»,
Я уйду, но покоя
тебе никогда не найти.
Я уйду, ибо выпито сердце
до самого дна.
Я уйду, но останешься ты
со слезами одна.
Обо мне ты ревниво
вечернюю спросишь звезду,
но она промолчит,
не откроет, куда я уйду.
Ты заплачешь,
забьешься в рыданиях, еле дыша,
и расплавится сердце твое,
и оттает душа,
и, не видя дороги,
ты кинешься в горестный путь,
вслед за мной, без надежды
меня отыскать и вернуть.
Я уйду в эту ночь.
Ты проснешься на ранней заре,
и тебе померещится,
будто я рядом с тобой.
Но вокруг только сумрак,
подобный остывшей золе,
и тогда твое сердце
пронижет внезапная боль.

Ты меня позовешь —
ни единого звука в ответ.
Ты раскинешь объятия свои,
а любимого нет.
И глаза ты закроешь,
и станешь молить в тишине,
чтобы я появился,
вернулся хотя бы во сне,
и протянешь ты руки,
и воздух обнимешь ночной,
и тогда ты поймешь,
что навеки рассталась со мной.

И поднимется солнце,
и день пролетит без меня,
и наступит закат,
и опустится ночь над землей,
и тогда над твоей
одинокой постелью, звеня,
пролетит позабытая песня,
что сложена мной,
и умчится она,
и опять зазвучит в тишине,
и холодное сердце твое
запылает огнем,
и слезами глаза изойдут,
позабудут о сне,
и у самого горла,
дрожа, остановится ком.
Будет горькая память,
как сторож, стоять у дверей,
и раскаянье камнем
повиснет на шее твоей.

Будет осень. Друзья
соберутся в покои твои.
Кто-то будет тебя
обнимать, говорить о любви.
Будешь ты равнодушна к нему,
безразлична к нему,
ибо я в это время
незримо тебя обниму.
Бесполезно тебя
новизной соблазнять и манить.
Даже если захочешь —
не в силах ты мне изменить.

И наступит зима,
и, песчаные вихри клубя,
набежит ураган,
и окрестность потонет во мгле.
Но иная, неслышная буря
охватит тебя:
ожиданье, отчаянье,
боль — и тоска обо мне.

И весна прилетит,
обновит и разбудит весь мир.
Зацветут маргаритки,
раскроется белый жасмин,
ароматом хмельным и густым
переполнятся сны,
но отравя разлуки
испортит напиток весны.
Задрожат твои пальцы,
плетущие белый веноч,
и в слезах ты припомнишь
того, кто сегодня далек,
кто исчез и растаял,
как след на сыпучем песке,
кто тебе завещал —
оставаться в слезах и тоске,
в одиночестве биться,
дрожа, как ночная трава.
Вот заклятье мое!
И да сбудутся эти слова!

* * *

Тинга-линга, тинга-линга...
Ты идешь при лунном свете
вдоль реки по дну ущелья,
где пески и валуны,
и позванивает мерно
на твоем ножном браслете
бубенец — осколок малый,
отлетевший от луны.

Тинга-линга, тинга-линга...
Ты идешь походкой гордой.
Вдоль реки по дну ущелья

босиком идешь одна,
и похрустывает гравий
по ночной дороге горной,
и, откинув покрывало,
улыбается луна.

Тинга-линга... Бьют копыта.
Голубая пыль клубится —
мчатся всадники ночные,
исчезая вдаль.
Только катится по небу
молчаливая зарница.
Только вмятины и тени
остаются на песке.

Тинга-линга, тинга-линга...
Только полночь, только ветер...
Только гравий под ногами.
Только сердце, как струна.
Вдоль реки по дну ущелья
ты идешь при лунном свете —
только звезды и дорога,
только горы и луна...

* * *

Плакать не время, а время прощаться.
Тихо скажи, улыбаясь: «Прощай!»
Ни возвращенья, ни прежнего счастья
ты мне из жалости не обещай.

Разве помогут призывные речи,
если душа не ответит на зов?
Наше прощанье надежнее встречи.
Наше молчанье правдивее слов.

Жалобной музыкой, песней тоскливой
не провожай. На пороге не стой.
Скоро ты заново станешь счастливой.
Стоит ли плакать, прощаясь со мной.

Н. Пиччамурти

ЯМА-ЛОВУШКА

Вечер настал;
на ступенчатом спуске к реке —
там, где люди в полуденный зной избегают
бывать, —

снова жизнь началась:
листья дремного дерева
на ночь закрыли глаза,
а тростник в красноватых полосках,
напротив, легко зашуршал под порывами
южного ветра;

приглашение к радости
в воздухе вдруг прозвучало.
По прибрежной полоске песка
мы с тобою брели,
счастье, счастье, казалось, вокруг —
но как гром среди ясного неба:
оступился я вдруг, и послышался треск.
Я в ловушку ногой угодил.

Кто-то
выкопал яму,
листвою прикрыл,
сверху ровно присыпал песком,
чтоб казалось проходим:
один лишь песок на дорожке.
Чья же это уловка?

Неужели твоя?
А быть может — твоя?
На кого ни взгляну,
все равно ничего не узнаю.

Человек оступился,
попался в ловушку:

что ж, над этим ли надо смеяться?
Созревает в глубинах души
час тревожащих сумерек —
коварное время, ловушка для диких слонов.
Неужели ловушка
открылась?
Из деревни в деревню,
из города в город,
из одной — и в другую страну
можно долго идти,
и за пальцы друг друга держать.
Для того ли, чтоб в яму попасть,
что сокрыта под рыжим
песочным ковром?
Нет, конечно же:
ссора сама изживает себя.
Не сумела сработать ловушка,
мы, как прежде, шагаем
на южном ветру,
и танцует зеленый тростник —
словно флейта, поет.
Мы с тобою уходим все дальше.

ПТИЦА СМЕРТИ

В назревающей тьме
как чешуйки с небес осыпаются звезды.
Покачавшись на ветках,
слетает сухая листва.
Иссыхают ручьи,
люди к божьим стопам припадают.
Не раскрылись цветы,
перезрели плоды в одночасье.
Пробудясь поутру,
долго плакали жители нашей деревни,
все глаза прогляди —
а причины для горя не видно.
В храме, в башне надвратной —
гнездо Птица Смерти свила;
до утра разносился
сулящий недоброе клекот.
Осознавши причину,
крестьяне всплеснули руками:

«Птица Смерти решила проклясть нас,
на нас навести колдовство!
Нужно птицу поймать и убить,
лишь тогда к нам вернется удача».
Озорные ребята
немедля залезли на башню,
Птицу Смерти поймали,
в деревню ее отнесли.
«Бог Йеман побежден!» —
говорили они, получали монеты и рис, —
Но ничто не сменилось на свете:
Птица Смерти убита была,
Тем не менее смерть не ушла от людей —
и они умирают как прежде.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

«Отправляйся на Запад,
там — найдешь новизну!
Не тревожься,
во что ты одет и обут.
там — дороги покрыты асфальтом,
как стрелы, прямые;
там — бесстрашны пути,
там — осознаны цели, —
а родную лачужку забудь,
спину гнуть — ни к чему:
для чего и трудиться —
все равно заработаешь
лишь на похлебку.

Это — счастье, и долг,
и обряд, и закон,
это — облик грядущего:
посмотри и послушай —
гремит барабан,
призывая на Запад».

Я на Запад пошел,
все шагал и шагал —
где же Запад хваленый?
Вот — погасла звезда,
потревожена тьма
вихрем юности — или, верней,

набирающим силы безумьем;
солнце кнут занесло,
рассекая багрянец —
это, стало быть, Запад?
Если долго на запад идти —
то достигнешь востока, известно.
И долина отнюдь
не похожа на спицы колес.
Кто стремится все ниже и ниже —
едва ли свершит чудеса.
Зренье людям дано не затем,
чтоб обманами зрения тешить себя.
То, что плоско по виду, —
на ощупь окажется круглым.
Так что если на запад идти —
все равно попадешь на восток.
Вой фабричных гудков,
трактора,
за рулями которых — друзья,
ежеутренне фабрикою пожираемые
толпы текстильщиков—женщин, мужчин,
извергаемые по вечерам...
Вижу сам: там, на Западе, труд —
тот же, что на Востоке.
Бросьте идолов старых
и новых!
Только руки и ноги —
вот все достоянье ваше.
Так что слава ему!

ПОДДЕЛКА

Много вижу художников,
что способны вниманье привлечь,
но не вижу таких,
что давали бы пищу для мысли;
вижу тех, кто играют словами,
кто звукам — хозяин,
но хотел бы увидеть людей,
заставляющих разум блистать.
Созерцаю богов,
что держат завесу над миром, —
но не вижу людей,
что божественным даром считали бы жизнь.

Созерцая гирлянду цветов —
неприменно отыщешь пандановый лист,
улыбнется зеленый росток меж кадамбовых
лепестков.

Молодое безумство я вижу сейчас:

Значит, зренье, и пламя,

и мысль, и письмо,

и пандан, и кадамбу —

все ли создал ты, бог всемогущий, —

взаправду ли ты?

Отчего же ты создал не только предметы,

но также и тени?

Отчего разрешил пребывать на земле

и подделкам, и лжи?

Сумитранандан Пант

ДВА МАЛЬЧУГАНА

К окнам моим, в гору спеша —
на пригорке стоит мой дом, —
Каждое утро два малыша
карабкаются бегом.
Смуглы, с непокрытою головой,
горячей земле сродни,
Каким шутником из глины живой
вылеплены они?

Чуть солнышко выглянет поутру,
упруги, черны, крепки,
Босые ножонки их по двору
мелькают вперегонки.
А двор каменистый колюч, и жгуч
полуденный свод небес,
Но столько на свете мусорных куч,
и в каждой — столько чудес!

Лучших сокровищ на свете нет!
Причудливы и ярки
Пустые коробки от сигарет,
цветастые ярлыки,
А рядом — смеются глаза реклам,
журналов цветных листы.
Ленты, флаконы и прочий хлам
невиданной красоты!

И, в мусоре яркий лоскут найдя,
стряхнув шелуху и грязь,
Как обезьянки после дождя,
ликуют они, резвясь.
Строят дворцы себе из песка,
радуясь от души,

Дети безвестного бедняка —
шестилетние крепыши.

К окну подойду и радуюсь сам,
чуть гляну на тех детей:
Весь мир заключен в этот легкий храм
из мускулов и костей,
Пленительней солнечного тепла
живая игра лица,
А гибкие, маленькие тела —
не гордость ли их творца?

Гляжу, и сочувствуя и гордясь,
и дума встает опять:
Именно тем, кто затоптан в грязь,
должна эта жизнь сиять,
Именно в них — ее торжество,
как в тех мальчуганах двух,
Дороже нам смертное существо,
чем даже бессмертный дух!

И, глядя на их беготню в окно,
тихонько шепчу: «Как знать,
Быть может, именно вам дано
новую жизнь создать?»
Жизнь, о которой лишь грезим мы,
где сбудутся все мечты,
Жизнь, где не будет гнетущей тьмы,
разбоя и нищеты!

Мальчики! Стоит ли вам свой век
жить ради жалких крох?
Помните: каждый из вас — человек,
а человек есть бог.
Светел ваш горький и щедрый край:
борись, расти, созидай —
Это и есть наш прекрасный рай,
и другой нам не нужен рай!»

ВЕЧНЫЙ ПОТОК

Вы не видели
реку без берегов?
Вы не видели вечный поток
без истока и без предела?

Вы не видели разве
вечный поток?
Он повсюду,
хоть кажется нам неподвижным,
он без дна, без поверхности,
без водопадов и без стремнин.

И небо — река,
и море — река,
и горы — река,
и земля — река.

Небо — синее дно.
Водоворот океана крутит материки.
Горы — это гребни валов.
А воздух — незримая легкая пена.

Вы не видели разве вечный поток,
бессловесный, беззвучный, бесчувственный,
но порою трепещущий и вдохновенный,
поток, превратившийся в жаркий порыв,
в зовущий, в поющий, в могущественный
ураган?

И вверху в беспредельности,
и внизу в бесконечности, —
словом, всюду
вы не видели разве
вечно движущийся поток?

ЧЕЛОВЕК И МИР

Только лишь синий цвет
Небо над нами?
Нет!
Сердце мое в этом небе.
Я — это целый свет.
Ветер и облака —
Тень на земле легла!
Желанья мои, как зарницы,
Блещут издалека!
А там, в глубине естества,
Радость моя жива.
Вижу, моей же улыбкой
Мне улыбнулась трава.

Мы не одни живем,
Нет сомнения в том!
Та же любовь в природе,
Что и в сердце моем!
Вселенная вся во мне,
Такая же, как и ввне.
Встает и заходит солнце
Где-то в моей глубине.
Кто одинок — погибнет...
О человеческий род!
Люди — братья и сестры,
Сердце мое поет!

УТРЕННЯЯ ЛУНА

В небе, словно в темно-синем иле,
спит луна, как белый чистый лотос.
Кажется, луну посеребрили,
смыв сияющую позолоту.
Словно ночь процарствовав, под утро
перед сном сняла она корону.
Бледная и легкая, как пена,
смотрит в мир прощально, утомленно.

Облака, подсвеченные ею,
увядают, как цветы жасмина.
А луна ракушкой жемчужной
опустилась в синие глубины.
А потом, словно слоновый бивень,
тяжело легла на край долины.
Вдруг небесная земною стала,
отработав норму смены длинной.

Как прекрасна ты, царица ночи,
ты века считаешь, как мгновенья.
Четкая во мгле, как ясный разум,
и лучистая, как вдохновенье,
ты приветствуешь, я знаю, солнце,
родственно тебе его горенье.
И приветствуешь ты человека,
разума святое становленье.
Человеческим лицом прекрасным,
знаю, ты любишься вдали,
с неба. Так же, как твоим сияньем
человек любит с земли.

Шудхиндронатх Дотто

КОНЕЦ

Скучным дождливым днем я сидел, размышлял,
Двери пустого сердца я распахнул настежь,
позволил воспоминаниям идти своей чередой,
и мой незрячий взгляд уперся в низкое небо
такого же дня, как этот.

В нескончаемом плаче дождя
услышал я собственный плач.
Ярости ветра, гремящего ставнями,
вторила ярость моего разбитого сердца:
яроsten Бог, безразличен и молчалив.

Вечером дождь затих,
с последним дыханием жизни
на угольях сумерек вспыхнуло пламя,
чтобы погаснуть.

Тьма расстелила
мягкое покрывало за стенами и в застенке,
и нет, казалось, надежды,
и словами не описать ожидания приговора;
смерть, казалось, все ближе
медленно ходит кругами —
будто мышь копошится, перебирая крохи
того, что скопилось в моих сундуках
за целую жизнь, —
вот и конец:
мышеловку палач захлопнул.
Очищающий меч упадет
на мою нищету.

Иль ты оглох? Иль вправду он не слышит?
 Или зарылся головой в песок
 от ужаса? Огнем пустыня дышит;
 даже мираж в полдневный зной иссох
 и под ногами умирают тени;
 безжалостно сияет небосвод;
 смотри, охотник, призраки-олени
 исчезли вдруг; живых погибель ждет;
 и нет спасенья; призрачна стезя;
 исчезло все; вокруг один песок;
 так исчезают старые друзья,
 и ты в пустыне, слаб и одинок.

Что пользы от разбитого яйца?
 Что пользы плакать, коль оно расколото?
 Есть пустота, нет пустоте конца.
 Себя не съешь для утоленья голода.
 А потому услышь мои слова:
 стань лодкой страсти в пустоте безбрежной,
 и ты найдешь в пустыне острова;
 пора тебе уйти от жизни прежней
 безбедной, беспечальной; далеко
 в песках бродя, о новой жизни ратуя,
 найдешь оазис, пальмы, озерко:
 вода земли — вода солоноватая.

Нет, в клетку я тебя не посажу,
 твоя свобода да пребудет свята;
 к тебе зевак не скличу, не скажу:
 берите за умеренную плату;
 но пусть из перьев твоего крыла
 отшельникам навяжут опахала,
 чтоб оперенная твоим пером стрела
 в ночь новолунья, как звезда, не пала;
 пускай сомненья не остудят страсть
 и твой призыв звучит не погремушкой,
 ведь ты не соловей, который всласть
 поет лишь перед полною кормушкой.

Наследники мы оба — пополам
 разделим мы наследство катастроф,
 имущество растащено, а нам
 осталось погашение долгов.

Кончины света избежать тебе,
закрыв на свет глаза, нельзя теперь;
не в самолюбовании, поверь,
спасение — в единстве и в борьбе.
А потому дай руку мне, поэт,
соратниками будем мы отныне:
ты вознесешь меня в духовный свет,
я поддержу тебя в земной пустыне.

ИМЯ

Хочу тебя, только тебя сегодня хочу,
и кричу,
сорвавши голос, в уши безлюдья сегодня кричу:
мне одному
без тебя нестерпимо сегодня, завтра — канет во тьму,
жду и жажду старухи-смерти.
Любимая, силою притяженья среди беспросветной тверди
твое бесстрастье держит меня на бесконечной орбите;
перед глазами мелькает событий
свет минувший — звезды падают с высоты;
среди снов моих круговерти
явь воистину — только ты.

Но душа
отвергает самообман умозренья.
Знаю, знаю: ты — всего лишь виденье,
и с тобой я никогда не сольюсь.
Этот мир, этот ад, эту тяготу уз,
знаю, знаю, мне никто не поможет снести:
мир, сотворенный мною, распадется однажды,
растворится в небытии,
своего же творца сокруша.

Знаю, знаю, напрасно дерзнула душа
заглянуть, погрузиться в твои,
озаренные влагой животворящие очи;
знаю, знаю, напрасно в предвкушении ночи
на дороге лесной я тебе говорил о любви —
эта страстная ложь, изливания эти
не коснулись тебя в вечеряющей куще;
я в свои же запутался сети.
Помню, множество девичьих лиц
заставляло краснеть нетерпенье мое не однажды:

как цветок однодневный, я искал утоления жажды,
как цветы, я срывал их — и падали ниц;
солнце жгло, дождь смывал, ветер прахом развеял цветы.
На пределе времен
так же прахом развеешься ты,
но тобой, лишь тобой был бы я утолен.
В этой комнате, полной видений былого,
непокорная страсть святотатствует снова и снова,
повторяя твое всемогущее имя —
только имя твое, только имя...

Шанкар Куруп

СЕГОДНЯ МОЙ ЧЕРЕД, А ЗАВТРА — ТВОЙ...

«Сегодня мой черед, а завтра — твой...»
В тот час сгустилась мгла над головой,

Деревьев тень на тротуар легла,
Как призрак надвигалась и росла;

Сухая, пожелтевшая листва
Дрожала, ни жива и ни мертва,

И ветер, словно легочный больной,
Надрывно кашлял за моей спиной.

Все страны света помрачнели вдруг,
Над опочившим днем смыкая круг,

И опустилась траурная тень
И звездным саваном покрыла день.

Росистый вечер плакал без конца
И целовал умершего отца...

А я стоял один, и предо мной
Открылся бесконечный путь земной.

Оделся мир в лиловые цвета,
На всей земле лежала немота,

Природа словно в забытьи была,
И вдруг... ударили колокола,

И расколосось небо пополам,
И облаками был окутан храм.

Они клубились, двигались, вились
И, словно ангелы, взмывали ввысь.

Блестя над храмом, золоченый крест,
Пришедший в Индию из дальних мест,

Провозглашал, собой пронзая твердь:
«Да славен бог, поправший смертью смерти!»

Но вдруг по телу пробежал озноб —
Из церкви вынесли бедняцкий гроб,

И тишину прорвал не голос труб,
А стон глухой, слетевший с женских губ,

И не цветы, не блестики первых звезд —
На гроб упали капли детских слез.

И я прочел на крышке гробовой:
«Сегодня мой черед, а завтра — твой...»

И вздрогнул я, и отразился страх
В мерцанье дальних звезд на небесах.

ВРЕМЯ

Капают капли времени вечного:
Капелька полдня, капелька вечера.

Клейкие листья становятся жесткими,
Крепкие листья — морщинисто-желтыми.

Мир преходящего, тайна создания:
Миг разрушения, миг созидания.

Почва покроется жухлыми листьями,
Почки взорвутся под новыми ливнями.

Может быть, кто-то умрет без цветения,
Может, пора наступает осенняя...

Древнее, юное, время нетленное!
Древо твое почитает вселенная.

Губит нас время, во чреве вынашивая, —
Губы зари моей кровью окрашены...

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Я, праздной раздражен толпой,
Ушел извилистой тропой

От городского шума,
Как землепашца дума,

Земля просторна и проста,
Суша, и скорбна, и чиста.

Прохладой вея, ветерок
Принес к развилке трех дорог

Дымок из деревушки,
Лачуга на опушке

Дождем и солнцем добела
Отполирована была,

Как в поле кости, и стерег
Жилище жалкое — порог.

Жара спадала, тут и там
Гнезвился сумрак по кустам,

Ложились тени на поля.
По пашне двигались, пыля,

От рощи дальней до реки
В ярме усталые быки.

И я увидел: сам сухой,
Как эта пашня, за сохой

Шагал старик.
Он так привык

Трудиться каждый божий час,
Что и сейчас, едва влачась,

Согбенный, словно знак вопроса,
Он погонял быков, и косо

Закатной тенью рос
Вопрос:

Кто выкрал счастье бедняка?
Кто обездолил старика?

Он поднимался в полный рост —
До неба — скорбен, сух и прост:

Кому нужна
Его нужда?

И почему ему светило
Вопрос закатный посветило?

Быть может, уходя во тьму,
Оно ответило ему?..

В САДУ

Я вышел в сад, когда с востока он
Едва-едва был светом озарен.

Но было небо молодого дня
Паучьей сетью скрыто от меня.

Империей насыщенной и злой
Нависла паутина над землей.

Что было ей до бьющейся в углу
Ничтожной мошки, не покорной злу?

Как будто все здесь прочно на века
Под пряткими ногами паука!

Росинки-слезы, падавшие с крон,
Его паучий украшали трон.

Упрятав мир от доброты светил,
Паук себя в герои посветил.

Оцепенеет тот, кто шелохнет
Хоть выдохом незыблемость тенет!

Но вот рассвет все кроны перерос —
И стал ничтожен этот кровосос!

Дожило утро — больше ни клочка
От угнетавшей сети паука!

А я глядел и видел Сад Времен,
Империй крах, крушение корон...

ЕДИНЫЙ МИР

Не надо мне чернил для этих строк,
Я вышвырну ненужный пузырек

И вместо бледных, жиденьких чернил
Живую кровь свою возьму из жил!

О человек, моим словам впемли
И взглядом охвати всю ширь земли.

Взгляни, и сразу ты поймешь,
Что карты — ложь, и все границы — ложь.

Что злоба, ненависть и темнота
Одели карту в разные цвета

И меч, направленный рукою лжи,
Планету искромсал, врубая рубежи.

Зато безбрежный океан,
Давным-давно раскрыв обман,

На тоненькие линии плюет,
И в барабан волны тревогу бьет,

Дрожит, бунтует, и ревет,
И все границы, словно нитки, рвет...

...Шагали по земле за веком век,
И слезы наполняли русла рек,

Не приходило в голову богам
Спуститься к этим горьким берегам,

И руку окунуть в поток,
И сделать хоть бы маленький глоток.

Все боги были далеки.
Кругом сновали пауки,

Сновали летом и зимой,
И оплетали шар земной.

И каждый крохотный паук,
Почувствовав себя великим вдруг,

Вооружал толпу жулья
И шел войной в соседние края.

А человек терпел, глядел во тьму,
И мир волшебный грезился ему:

Дома, с которых сняты все замки,
Богатые металлом рудники,

Привольные зеленые луга,
Где росы превратились в жемчуга,

В поля пришедшая весна,
Колосья — колыбель зерна,

Глаза озер, каналов синь,
Плодовый сад в песках пустынь,

Священный пот на лбу труда
И не знакомые с печалью города.

Быть может, человек, мечту взрастив,
Веками создавал прекрасный миф?

Но если в небе солнца нет,
Мечта приходит, зажигает свет,

И ты, мечтатель мой, проснись,
За дело славное возьмись:

Оковы сбей и путы разорви,
Пойди к друзьям и вежами любви

Отметь свой благородный путь.
И в неделимом мире счастлив будь!

ЖЕЛАНИЕ

Лежит на дороге цветок жасмина,
И ветер, пыля, проходит мимо.

Цветок умирает в глубокой печали:
Так рано его лепестки увяли!

И небо надело облачный траур,
И хочется плакать зеленым травам.

Цветок погибнет или букашка —
Природе с ними прощаться тяжко.

Но боль и горе проходят скоро:
Земля не знает извечной скорби.

Цветок, умирая, вздохнет упрямо —
Подарит миру свой запах пряный.

И сотни братьев новорожденных
Проснутся утром в тугих бутонах.

И я, разумеется, смертен тоже.
С судьбой жасмина судьба моя схожа.

Я знаю, будет предел цветенью,
На смену свету приходят тени.

Меня поглотят ночные недра,
Уйдут бесследно и друг и недруг.

Но сердце поэта не умирает —
Ему дарована жизнь вторая.

Любовь поэта как мир безмерна,
А вдохновенье всегда бессмертно.

Мне только песня надгробьем будет —
Ее услышат простые люди.

Для Кералы песня моя пропета —
Ты песней стала, душа поэта...

Анил (Атмарам Раоджи Дешпанде)

БЕРЕМЕННАЯ

От нежеланного зачатья
Дни беременности на исходе
И мысль о родах вселяет страх
Ведь она понесла впервые
Опасная смелость свидания
Бумерангом вернулась во чрево
Один любящий ушел
Заронив на память знак
В растревоженную глубь
Речного залива
А другая покинутая влюбленная
Ей наговорили о небывалом
И в одиночестве оставили
С пламенеющими щеками
Под стражею унижения
Может быть скоро она родит
Как судорожен сон
Под мягкие пиночки из чрева
Вот она слава созидания
Над которой
Так надсмеялась судьба

ДРАМА

В театре нынешнего дня
Ночь опускает занавес
Окончилось действие об одном акте
Для единственного актера
Публика бросилась к выходу
И разлетелась в спешке
Умы хорошо развлеклись

Актер выгибается перед зеркалом
Хоть след отыскать утраченного лица
Огни рампы
Высвечивают воспаленный глаз
Обведенный сурьмой
Горло заложено как заставленное фойе
Монологи полубессвязны
Не интермедия и не диалог
И вот он уже бесчувственный
Втягивая остановившийся воздух
От надоевших болельщиков ускользая
От их фальшивых улыбок
кукольных их кивков
Нырря сквозь люк под сцену
Проникает на свежий воздух
И вселенский театр под куполом неба
Показывает сложную драму
С множеством актов и сцен
Какие костюмы
какой блеск
Актеров тьма-тьмушая
И он единственный зритель

опять

Лунных лучей поток
С неба льется — опять
Жизнь попала в силок
Бедная птица — опять
Паутину прощанья
Взгляд продолжает ткать
Вино в стакане
Играет пенясь опять
Полно слюнявые гимны
Луноподобным слагать
Слышишь и ты не лги мне
Слов не скверни опять
Каждая ласка желанной
Каждая песня любимой
Стала жестокой раной
Болью невыносимой
Как их стерпеть опять?
Вновь у меня в мозгу

Луна на качелях — опять
Назад откинувши голову
И закрыв глаза я могу
Увидеть свой дух — опять...

СПУТНИК

Кто ты такой?
Схватываешь меня
за руку
и ведешь куда тебе хочется.
Зачем? Почему?
Куда бы я ни шел,
ты все равно рядом.

Люблю я тебя?
Ненавижу?
Сам не могу понять.
Однако
рядом с тобою
я будто схвачен в тиски.
Я иду куда тебе хочется,
я не могу стоять —
ты видишь меня?
Я — закован, придавлен,
почти не делаю выбора.

Но вот
я вырываю руку
и забегая
далеко вперед,
играю, прыгаю,
спотыкаюсь, падаю,
ушибаюсь...
Но ты
там, позади,
и мне жаль тебя, отстающего.
И тогда я чувствую боль:
не о чем визжать и кричать.
Но поверь мне: когда
ты не смотришь,
я могу падать, ушибаться,
вставать —
и все затевать сначала
с успехом.

Почему ты такой?
Твоя рука
всегда на моем плече,
она останавливает мой рост,
обращает меня в пигмея,
я ощущаю
наше
взаимодействие
и равенство.
Где правда?
Позволь мне быть
свободным,
независимым,
наедине с собой,
позволь мне расти
и наращивать мускулы —
все равно ведь
я тебя не перерасту.

Дай мне право
сбрасывать с плеча твою руку,
держаться на расстоянии,
гордо нести голову,
храбро глядеть в *твои* глаза.

Джогоннатх Чокроборти

НА РАЗЪЕЗДЕ

Сколько станций еще впереди!
Сколько? Не знаю.
На каждом разъезде жажда и время
во мне бесконечны, как эта дорога.

На этом разъезде не вспомню час отправления,
на этом разъезде забыл, куда отправляюсь;
у губ моих гроздь винограда вздрагивает, трепещет,
и столько разъездов еще впереди —
боюсь, уроню, боюсь, растеряю.

Ты, помнишь, меня обняла однажды,
к тебе сегодня хочу прижаться;
к этой станции подъезжая, вовсе я растерялся —
пчелы, пчелы, кругом только пчелы, —
кто мне укажет дорогу?

Не уронить бы, не растерять бы...

ВСКОПАЙ МЕНЯ

Вскопай меня, взрыхли меня —
а я тебе дам зерно.
Дай мне тучу, молнию, дождь —
а я тебе дам дитя.

Обними же меня —
я тебе подарю любовь.

Пусть будет мне больно,
трудись надо мной —
я подарю тебе счастье.

На губах моих
взрываются поцелуи,
а на стане моем я построю тебе дворец.

Когда ты меня оставишь
плакать на время дождей,
я не стану тебя проклинать,
я сотку полотно из слез.

Ты храни меня на груди своей —
я же буду хранить твое счастье.

Я ВЕРНА ТЕБЕ

Я верна тебе — навсегда.
Даже когда светляки погаснут
и деревья затихнут,
даже когда опустеет дорога
и помутнеет море жажды,
и ни в комнате, ни на лестнице, ни
на балконе
не с кем будет мне объясниться, —
даже тогда
я буду тебе верна.
Так я тебе отвечу, так отомщу
за нарушение клятвы.

Твои обещания,
что соломинки для коктейля —
одна, другая, третья, —
сломана соломинка, можно бросить.
Бить лежащего —
такая твоя игра.
Вот почему,
даже когда опустеет дорога
и помутнеет море жажды,
я буду тебе верна.

Ты клятву нарушил,
и потому
я буду тебе верна.

Я верна тебе —
навсегда.

ПОСЛЕ САМОУБИЙСТВА

Даже после самоубийства
крохи радости остаются — их немало.
Будто капли сладкого сока
на сломе сахарной тростинки,
по которой снуют деловитые муравьи.

Остаются море и берег,
рыбацкая сеть и соль —
соль на теле, извлеченном из моря.
И я понимаю:
наслажденья и страсти плоти
рождают душу.

Остаются серые птицы на горбатой волне,
словно бессмертная жизнь, выдавленная
из трупа.

А для мечты остается
шум птичьих крыльев в потемках.

Остаются отзвуки взрыва
на чьих-то губах, отголоски мечты —
милое имя,
чтобы оставшийся мир сохранить в чистоте.

Даже после самоубийства
остается немало.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Что ни минута —
какой-нибудь поезд
останавливается на полустанке, —
кто сойдет? — неизвестно.

День в середине,
лето в разгаре,
отправление или прибытие?

Тяжко на сердце —
все врет календарь настенный.

СЛОВО

Дерево, ты откуда? На каком языке говоришь?
Речь твоя — солнечные блики,
плоды твои, восходящие от корней, —
наидревнейшая музыка.
Ты — таинство. Ты — живое.

Река, ты откуда? На каком языке говоришь?
Жажды твоей истоки — космы бога Шивы.
Ты течешь,
словно шепчешь.
Ты — движение. Ты — живая.

Дерево, одари нас плодами.
Река, напои нас водою.
Мы же сами — откуда мы? На каком языке говорим?

ЗИМОРОДОК

Тень моя на воде,
рыба в воде, на дне,
жду и жду терпеливо,
когда же она со дна
поднимется, глубина,
и я ее увижу.

Радугой перья мои
переливаются в свете дня,
а небо, оно цвета неба.
В голове моей — чешуи
рыбьей, что серебра в копиях.

Один из моих цветов
всегда в воде отражен,
а я в себя погружен,
как рыба в воду.
(Конечно, покуда она не всплыла,
чтобы напасть на меня.
Конечно, покуда я сам не нырнул,
чтобы схватить ее.)

На самом же деле мы
оба — в подводном царстве.

НА БЕРЕГУ

Для сотворения моря
нужна одна волна,
соленая волна,
синяя волна.

Пусть будет не соленая,
пусть будет только синяя,
была бы лишь волна
да розовый краб
на песке.

А нужна ли она,
волна?
Не нужна...
Была бы ты со мною.

А нужно ли море?
Да...
Нет...

В ПОИСКАХ ПРЯМОЙ

Всего-то ищю — прямую,
и не могу найти.
Нет в мире ни единой прямой.

Непобедимо синее небо — купол,
земля же — круг,
река — извилина, гора — излом,
озерный берег — дуга, морской —
змеиная шкура,
хвост собачий — колечко, рог олений —
ветвист,
коровье копыто раздвоено,
а шоссе бесконечно, но хаотично.
Кажется, во вселенной нет ни единой
прямой.

Яйцо, орех, цветок —
круглое, полукруглое,
нет ничего прямого.

И человек не прям,
потому и понять его трудно.

Солнце в небе — чайная роза —
тоже движется не по прямой
от зимнего к летнему солнцевороту —
шатается, словно хмельное.

Что же в мире прямое?

Полупонятная речь твоих глаз
преломляется в моей груди;

прямое желанье мое
сломлено твоим сомнением.

Ждем, надеемся. Ищем
хотя бы отрезок прямой.

Дж.-П. Агарвала

РАБИНДРАНАТ

Песнопевец!
Светило поэзии нашей!
Вечность Индии
С дивною силой воспевший!
Древней Индии
Сыздавна гордый глагол
В твоём голосе
Новую гордость обрел.
Ум и сердце ее
И свобода мечты, —
Их постигнув,
Раскрыл человечеству
Ты!
Твои ритмы не в книгах живут —
Их поют!
И звучат там и тут!
И к свободе зовут
Покоренных
И падших...
Народный поэт,
Ты
Традициям верный
Мудрец и аскет.
И не только слова —
Мысли сами звучат,
Как столетья назад.
С нами
Рабиндранат!
В тактах Веды и Вальмики
Мудрость твоя,
Твоего красноречья
Живая струя.

От несчастья
Путь к счастью
Стихи проложили...
Погребальный костер
Мы сегодня сложили.
Вечной жизни страна
И светило ее —
Мы прощаемся...
Вечно свети на нее!

НАРОД ПРОСЫПАЕТСЯ

Народ просыпается —
Тьму озаряет восход.
Народ просыпается —
Новая жизнь настает.
Народ просыпается —
Рушатся стены тюрьмы.
Народ просыпается —
И расцветают умы.
Народ просыпается,
Боли былой не избыв.
Народ просыпается,
Сладость надежды вкусив.
Народ просыпается —
И обретает язык.
Народ просыпается —
Станет отныне велик.
Народ поднимается,
Как по весне урожай.
Народ просыпается —
И пробуждается край...
Народ просыпается.

МАТЬ И ЗОЛОТО

Мать, не говори мне, что в золоте вся правда.
Мать, не говори мне, что правда в серебре.
Мать, не говори мне, что правда в бриллиантах.
Правда лишь во прахе!
Праха дай кувшин!

Мать ей отвечала:

Золото и жемчуг,
Россыпь бриллиантов,
Тяжесть серебра —
Только в них вся правда,
В них вся правда праха,
Ибо это самый
Лучший прах земли!

Все это явилось
Из земного лона,
Все это приснилось
Матери-земле.

И, придясь по нраву,
Изменило нрав ей,
И сама сверкает
Золотом
Земля!

СМЕРТЬ

Здравствуй, смерть!
Совершат
Сами слезы
Положенный смерти обряд.
За рекой темноты
Твои царства лежат.
Твои светлые царства...
Но только навряд
Люди собственной волей
К тебе поспешат.
День и ночь во вселенной
Без крова
Бредешь.
Ты ночлег обещаешь,
Свободу даешь.
Сами слезы творят
Величальный обряд.
За рекой темноты
Твои царства лежат.
Ты таинственна, смерть...

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Я исполнитель,
Повелитель мой.
Я здешний исполнитель — и не боле,
С младенчески бесхитростной душой.
Пожертвуй мной,
Чтоб грех избыть земной.
Из пьесы вычеркни
Презреннейшие роли.
Насилие и злобу изгони,
А лицемерие —
Перечеркни.
Пусть Истины воздвигнется обитель.
И Веры
Рядом с нею встанет храм.
А если веры нет моим словам—
Я исполнитель,
Только исполнитель.
Корыстолюбьем мира ослеплен,
Любить желая
Только бескорыстно,
Молю тебя:
Пусть все,
Что ненавистно,
Развеется,
Как морок или сон.
Я исполнитель,
Повелитель мой.
Я полагаю Истину благой,
Я размышляю
Самоотреченьем
Ответствовать
Глухим твоим реченьям
И к миру обратиться —
Не как зритель
Великого спектакля твоего, —
Как исполнитель,
Здешний исполнитель,
А больше мне не надо ничего.
Всю жизнь служил я
Миру и согласью,
Священствовал —
Но суетно.
Теперь

Сподобился я веры в одночасье.
Я верный исполнитель твой,
Поверь.
Не ты ли заронил в меня желанья
И указал великий идеал?
И вот я твой
Исполненный старанья
Послушный исполнитель.
Я взалкал
Иной судьбы отныне,
Повелитель.
Иной земли —
И краше,
И нежней.
Иных людей,
Иных друзей на ней.
Я исполнитель.
Здесь исполнитель.

Снехарашми (Джинабхаи Ратанджи Десаи)

ЧЕЛН РАЗБИТОГО СНА

Волна, словно шмель, черна —
Здесь тьма сгущалась веками.
Где небо, где звезды, где солнце
и где луна?
День и ночь поменялись местами.
Где пристань для моего челна?

Грядущее не овекает ветрами,
Минувшее не дает мне сна.
Полузатопленная волнами,
Мачта надежды едва видна.
Где пристань для моего челна?

Ни алмазами, ни жемчугами,
Ни золотом палуба не полна.
Кто сможет склеить мечтами
Осколки разбитого сна?
Где пристань для моего челна?

ПЛАМЯ

Уснувший, вставай! Пора принимать решения.
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

Небо, закрытое тучами, глухо гремит по утрам.
Барабаны войны грохочут: трам-трам!
Барабанная дробь разносится здесь и там.
Звенят минареты небесные от напряженья.
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

Змеи, в огне распустив капюшоны,
Застывают замороженно.

Ось земная дрожит монотонно.
Смерть изготовилась для отмщенья.
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

По всей земле польхают леса насилья,
В жарком огне — злодеяний крылья,
Нищета взамен изобилья.
Повсюду гибели предвкушенье.
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

Вон поджигают вражду глухую,
Замки разламывают, негодуя.
И корабли свободы плывут к нам, даруя
Всякой жизни начавшейся — продолженье.
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

Уснувший, вставай! Пора принимать решенья!
Смотри! Бушует пламя жертвоприношенья!

ВСТРЕЧА

Звездочка, звезда ночная
Встретила мою кровинку,
В темном небе пролетая.

Кровинка сказала:
«Звезда,
Слейся со мной, как всегда!»

Ей отвечала звезда:
«Ты ушла неизвестно куда,
Я полетела искать
И улетела далече...
Но вот состоялась встреча!
Войди в меня, как всегда!» —
Так отвечала звезда.

Кровинка сказала: «Давай
Спросим озеро в дымке тумана,
Что на свете было сперва:
Баньян или плод баньяна?»

Рябью подернулась
Сумрачная вода.
Звездочка и кровинка —
Два отраженья —
Смешались в ней навсегда.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

В одиночестве путь совершаю земной.
Спутника нет со мной.
В одиночестве путь совершаю земной.
Над черной пардой склоняюсь,
Ночь вздыхает тревожно.
Твое тело, мать-земля,
Вздрагивает безнадежно.
В одиночестве путь совершаю земной.

Никто не протянет мне руку.
Никто не укажет дорогу.
Никто меня не услышит.
Лишь тьма крошечная дышит.
В одиночестве путь совершаю земной.

В огне и земля, и небо,
И самое сердце Вселенной,
Грудь трещит от ударов молний,
Но я должен идти непременно.
В одиночестве путь совершаю земной.

Солнце спряталось, звезды скрылись,
И закатился месяц.
Но сердце мне путь укажет
Лучше небесных вестниц.
В одиночестве путь совершаю земной.

А еще есть свет путеводный,
Что ниспослан северною звездой.
Смело шествую и свободно,
Если ты над моей сияешь тропой.
В одиночестве путь совершаю земной.
Спутника нет со мной.
В одиночестве путь совершаю земной.

Пурипанда Аппаласвами

ЛАПА ТИГРА

Над башней —
Коршун.
Под башней —
Ящерица.

Вся деревня —
В тигриной лапе,
Словно под капюшоном кобры.

Темнота убийственно кровава.
Блюдолизов подлая орава.
Онемели башни, стали глухи.
Под стеной хохочут потаскухи.

Грохот и пальба
Будто молотьба.
Золотая крепость пала,
Черепов полна газета —
Проглоти
И то,
И это.

Все в руинах нынче, все в руинах.
Пепелища в деревнях пустынных.
Это революция?
Приметы
Битвы до решительной победы?

Эй, солдаты!
Иль не всех доби́ли?
Лошади несутся в тучах пыли.
Не сама ль
Земля наша трепещет
И над нею нож кровавый блещет?

Песня,
Стань земли моей кольчугой
И мечом!
Змеею, сбросив кожу,
Песня, стань!
Стань лапою тигриной!

ПУРИПАНДА

(Автопортрет)

Подмигнет царица —
Он развеселится.
Осмеет мудрец —
Скажет: сам глупец.
Грозный ветер дует —
Он и в ус не дует.
Тигру даст банан,
Выкрав у крестьян, —
Песню вдруг затаяет,
Лингамом восстанет.
Ибо он шутник,
Ибо он двойник
Дум своих и книг.
В мире все иначе?
Вот ведь незадача!
Он уходит прочь.
Он уходит в ночь,
Словно по команде.
Слава Пурипанде!

РАЙ И АД

Стервятники —
Пространство и время —
Жрут мое тело,
Живое тело
Жрут все время:
Его дыхание,
Благоухание
(Душа моя в теле —
Как в белом саване),
Его горение
И устремление

В райские кущи,
Превыше пространства и времени,
В сопровождении
Ста тысяч девственниц, —
Задумано воцарение
На небесном престоле.

А земля,
Мое покинутое жилище, —
Сморщенная старуха,
Жалкая и нищая,
Вечно ноющая
И ничего не стоящая.
Но не мое тело
Пожирают чудовища,
А мое тело
Пожирает и попирает
Всех стервятников,
Что в небе летают.
Челюстями могучими перемальвует.

А земля меня этим не балует.
Старуха,
На чьей иссохшей груди
Тело мое,
Как в темнице сидит,
Пламенем ярким горит —
Из темницы,
Раной горит
И тоскою томится.
Тело мое быть не хочет добычей
Нечисти,
Четвероногой и птичьей.
Нечисти
Во человеческом виде.
Так что,
Цари и вожди,
Извините!
Вы, президенты, и вы, претенденты,
Переживете дурные моменты.
Вы, богачи, палачи и все прочие
Тучные
И до чужого охочие, —
Всем вам, мерзавцы,
Дорога одна:

В пламя,
В гееннскую
Бездну
Без дна!
Земная грудь иссохшая,
Прощай!
Мое бессмертно тело —
И взлетело,
Как Иисус Христос,
В пресветлый рай —
И миллионы девственниц взирают
оробело,
Мои чертоги — в горней вышине.
Ее вам
Не увидеть и во сне.
Молитесь мне, молитесь мне, молитесь
мне.

Мой взор, как солнце на небе, взойдет
И воссияет на века вперед.
Не спрашивайте: в рай я — или в ад.
Я ухожу,
И мне нельзя назад.

РЕВОЛЮЦИЯ

Свечу жгу с двух концов.
Свеча моя,
Гори,
Как гений!
Как Шри-Шри!
Четыре миллиона
Хороним мертвецов.

Под одеялом тьмы,
Ножамы вспорот,
Как труп один
Лежит великий город.
А те, кто живы,
Закатив глаза,
Не в силах совершить самоубийство,
Взывают к миру:
«Так нельзя!
Нельзя!»

Рождает общество,
Не в силах разродиться.
В руинах
Приютилась нагота,
В руинах —
Только вопли стай крысиных.
Богине
Подобаает красота,
А вовсе не разгул страстей звериных.

И, обезумев,
Я твержу одно:
«Да здравствует», —
Но все кругом темно.

«Да здравствует»...
Но все кругом мертво.

«Да здравствует»...
А больше ничего.

Да здравствует...

К.-В. Пугтаппа (Кувемпу)

ТЕНЬ ДЕРЕВА

Ты видишь, отброшена деревом тень:
И лежит, как лежала всегда.
О, эти правила постоянства —
Родовым проклятьем терзают они!
Как хочу я нарушить их, преступить —
Ринуться сквозь эти законы...

Однако

Тень, как чернила в зеленой траве,
Лежит, — словно символ.
Ее неслышимые слова
Волнуют мне душу, напоминая
О том, что свобода — важнее всего.
Как редко я думаю о подобном...
Тень, лежащая, словно проданный раб —
Свободы жаждавший, но не обретший!
Слежу за тенью и утром, и в полдень,
Когда она коротка, коротка и мертва.
Боже, неужто наступит день,
Когда солнце взойдет над деревом этим —
Но ТЕНЬ исчезнет! Куда ни взгляну,
Всюду — рабы. Где свободные люди?..
Огонь обречен сверкать и пылать,
Ветер должен вечно лететь над землей,
Вода в реке должна отражать
Берег и небо. Рабство, и только.
Весь мир зажат в гигантских тисках.
Не загорится ль вода хоть однажды?
Хоть раз не взлетит ли камень, как птица?
Неужто хотя бы на миг не сможет
Обернуться тысячелетнее рабство
Свободой, восстать и навек отринуть
Прошрое?
Лучше пусть все погибнет:
Нет ничего дороже свободы.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Нешадно летнее солнце палит,
Сухая земля — как монолит,
Ярко сверкает путь стальной —
И пронзительный звук вонзается в зной.
Среди полуденной тишины,
С одного до другого края страны,
Новая мчится Богиня Зла,
Железнолицая, словно стрела,
С сердцем железным, яростно мчит —
В нем холодной кровью металл стучит.
Пронзительный звук вонзается в зной —
Ярко сверкает путь стальной!

Корова тощая в поле бредет,
Даже тени в полдень она не дает,
Деревцо без листвы кричит о дожде,
Даже облачко — кто его знает где.
Воздух огромен, душен и груб,
Пустота лежит, как застывший труп,
Словно гробница Бога Ветров!
Лишь путь стальной, напряжен, суров,
Подрагивает, рассекая зной —
Слышится жуткий звук над страной —
Грозно стальная лента гудит!
Корова в сторону рельс глядит;
Все на пути отбросив долой,
Демон цивилизации злой
Явился — мчится поезд-экспресс!
Дрогнуло поле, проснулся лес.

Стеклянный зрак, чугунная пасть,
Пламя сверкает — сила и власть!
Ползет, издавая лязг и стон,
Огромный змей: за вагоном вагон!
Искры летят, поезд рвется вперед —
Неукротимый стальной урод.
Что там в вагонах — народ живой
Или же этот состав — грузовой?
Поди узнай — экспресс? Товарняк?
Неважно! Поезд промчится и так,
Мчится могучий, стальной экспресс!..

Молчание. Поезд вдали исчез.
Опять, недвижны, лежат поля,
А поезд — как проглотила земля,
Провалился, как страшный сон, в тишину!
Разрезать вену всего одну —
И вытечет кровь понемногу вся.
Эти рельсы, вдаль поезды унося,
Из тощей коровы кровь сосут.
Чтоб в такое поверить — найдется ли суд?
Не поверишь — горше станет беда.

Тишина. И поезд пропал в никуда.
Мертвое поле полно тишиной,
Затих пронзительный звук стальной.
Но лента рельс лежит, холодна —
Ею рассечена страна!

ПОЛЬЗА

Спросил у большого кувшина его младший
брат —
Они с ним сад поливали на пару:
«Говорят, ты собрался в Сахару?»

Большой кувшин, под солнцем блестя,
От гордости сам себе льстя,
Ответил: «Конечно! Сахара — бесплодна.
Мне сделать ее плодородной!»

Кроха кувшинчик
Повесил нос:
— Братец! Куда ж тебя черт понес!
В Сахаре — ужас! В Сахаре — жара!
Раскаленные там гуляют ветра!
Там только пески и вечный зной,
Зеленой веточки нет ни одной!
Пусть, по слухам, сотни морей под ней,
Адский огонь тех морей сильнее!
Ты,
Вмещающий так мало воды, —
Разве ты спасешь ее от беды?
Даже если целое войско кувшинов придет —
Сахара вас проглотит и, проглотив, убьет!
Посмотри, даже это крохотное деревцо

К тебе с мольбой обращает лицо!
Ороси его, ороси наш сад —
Подвиг хотя невелик, но воздастся тебе стократ!
Большой кувшин надулся, спесив,
И сказал малышу, пробасив:
— Глупенький,
Да кто же в задрипанной сей деревушке,
Где даже газета не стоит полушки, —
Она вся умещается на одном листке,
А подписчиков — меньше,
Чем пальцев на одной руке, —
Кто же мой подвиг оценит тут?
Крестьянин знает только свой труд!
А вот ежели я отправлюсь в Сахару —
Эта весть разнесется по всему Земному Шару!
И все газеты наперебой
Прокричат о том, какой я герой!
Мой портрет заполнит всю страницу!
Да это же и во сне не приснится!
С Бхагиратхи поэты сравнят меня,
Стихами, как гонгами, громко звеня!

— Но польза какая же здесь тогда?
Ведь с тобой не придет в Сахару вода!

— Да что мне Сахара, ей-богу!
Ты думаешь, я и впрямь иду к ней на подмогу?
Вся Вселенная знать обо мне должна, —
Какая же еще ПОЛЬЗА тебе, дурачок, нужна?

Саджад Захир

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза,
Твои глаза —
Твои удивительные глаза,
То мягко-пленительные,
То ослепительные глаза —
Такие темные и удлиненные,
Напоминают они
Две горделивые чудо-ладьи
Из драгоценного черного дерева,
Две острогрудые, две колдовские ладьи,
Украшенные лучистыми звездами.
Как плавно и как спокойно
Они рассекают тревожные волны дней,
Взмахивая упругими веслами
Длинных ресниц!

Когда бы ни встретил я
Твои загадочные глаза,
Всегда в движенье они,
В непонятном стремленьи,
Всегда уплывают куда-то вдаль...
О, не давай,
Никогда не давай
Остановиться волшебным твоим ладьям,
Пусть не страшат их любые опасности,
Пусть они будут всегда в пути!

Позволь,
Ничего не боясь, позволь
Им погрузиться в пучины людского горя,
В жгучие водовороты слез,
А после

Еще смелей устремиться
К недостижимому архипелагу
Вечно сияющих на горизонте,
Вечно меняющихся надежд.

Направь,
Ничего не боясь, направь
Свои сверкающие ладьи
К пустынным безрадостным берегам,
Где жемчуга забытого счастья,
Смешанные с бесцветною галькой,
Разбросаны по обнаженному
Безжизненному песку,
Где только изредка можно увидеть
Робкий цветок,
Одинокий цветок,
Чудом пробившийся из расщелины
Острых, неумолимых скал.

Заставь,
Ничего не боясь, заставь
Проплыть их в угрюмой тени,
Между нависших утесов,
Увидев которые содрogaются
Самые мужественные сердца,
И смело пролей в этот сумрачный мир
Такие ласковые лучи,
Такую небесную голубизну,
Такое сиянье добра и нежности,
Что озарить способно
Самые темные чувства,
Самые страшные мысли,
Живущие в человеке...

А главное —
Береги свободу,
Свободу своих изумительных глаз!

Пусть они будут всегда-всегда
Таковыми же смелыми,
Своевольными,
Свободными, как облака в небесах
В разгаре сезона дождей,
Свободными, как антилопы в степи,
Как на лесных лужайках павлины,

Как звонкие птицы
В густой листве!
А когда
Возвратятся ко мне опять,
Окрасившись всеми цветами радуги,
Две горделивые чудо-ладьи
Из драгоценного черного дерева,
Не удивляйся, любимая,
Если тебе скажу:
«Почему мне сегодня кажется,
Что твои глаза
Стали еще красивей?..»

ТАК УМИРАЕТ ЛЮБОВЬ

Видел ли ты, как любовь умирает?
Сперва каменеют сверкавшие смехом глаза,
Потом в полутемных глухих закоулках сердца
Поднимается буря тревоги —
Знойный, губительный суховей, —
И под его раскаленным дыханьем
Навек засыпают и засыхают
Радостные соцветия чувств,
И наконец начинает казаться:
Легкий, безжизненный, бледный иней
Волнистым саваном покрывает
Мертвый цветник...
Но вы замечали, друзья?
От этих погибших цветов надежды,
Из этого опустошенного рая
Долго еще исходит печальный,
Похожий на стойкий запах сандала,
Тонкий, дурманящий
Аромат.

Премендро Митро

ТРИ ПУЛИ

Когда просвистели три эти пули,
казалось, вся ночь от ужаса обомлела,
забыв про свою луну и звезды,
забыв, что уже разгорается утро,
забыв, что всегда после ночи солнце встает...
Казалось, трижды весь мир содрогнулся
от свиста трех этих черных пуль.

Ты отдал все:
юность, любовь, надежды,
лучших дней бесчисленные самоцветы,
неповторимость весны этой жизни,
яркой, пьянящей, слепящей, как солнце в зените, —
ты все это отдал,
без колебанья отдал
ради святого дела
веры и сострадания:
ради веры в тех, кто лишился последней веры,
и сострадания ко всем, кто страдает на этой земле.

Вот тогда-то и просвистели во тьме
три жадных, три беспощадных пули.

Первая пуля
послана страхом была —
страхом тупым, невежественным, угрюмым.
Вторая пуля
послана злобой была —
злобой, рожденной злыми обманами жизни.
Третья пуля
вырвалась из расселин —
из самых темных, мрачных расселин мозга,

где тысячелетьями копится черная зависть,
дряхлая ревность и ненависть
к новому и святому.

Три грома в ночи прокатились,
три пули во тьме просвистели,
и нескончаемый стон,
несмолкаемый отзвук пронесся
над всею землей — до самого горизонта
и за горизонт, пламеневший в огне зари...

Я вдаль глядел —
вслед удаляющимся раскатам
выстрелов этих безжалостных,
горестным эхом звучавших в сердцах людей.
И с каждым мигом светлей становились
эти трагические отголоски,
словно самих себя забывали,
от зла и ненависти очищались,
пока не стали радостной песней,
летающей в утренние просторы —
рожденной из темноты и позора
песнею света и ликования,
вечного мира, вечной весны!

А три эти пули
в три чистых звезды превратились —
в три ярких звезды
над грядущими далями,
необозримыми далями
новой, счастливой земли.

КРЫСЫ

Утро встает.
На огромную, жаркую кузницу
Даль зарева похожа, где горном пылает солнце
И где медно-красные исполины,
Как раскаленный плуг, новый день куют.
Но тс-с-с!.. Прислушайся!
В полутемных,
Заплесневелых, глухих закоулках жизни —
В ее потайных переходах, щелях, подпольях,
Куда еще свет побеждающий не проник,

Царапанье слышится,
Чьи-то визгливые вскрики,
Дробное, злобное, крохотное топотанье...
Крысы, крысы, крысы
Возятся в норках — в тесных каморках тьмы.

Если поймать хоть одну
Да разглядеть как следует:
Это — мохнатый комочек страха,
Злой, остроморденький,
 мелко дрожащий комочек страха

На четырех ухватистых лапках,
С цепкими зубками да с блестящими
Глазками, круглыми от непрерывной тревоги,
Что сразу становятся подслеповатыми
В свете дня.

Хоть и трепещет в этих комочках жизнь,
Но уж такая жалкая, мелкая, злая,
Что хуже смерти.

Днем их не видно,

Днем их не слышно,

Зато, едва наползают сумерки,

Сразу же остренькие, вороватые,

Жадные мордочки их вылезают

Из всех отверстий, прорех, прогрызов,

Из всех потайных ходов и щелей.

Каждую ночь я слышу,

Как мелко-мелко топочут

Бесчисленные, торопливые, цепкие лапки —

Крысы, крысы, крысы.

Это они,

Трусливые, но беспощадные, наглые,

Каждую ночь безнаказанно шарят-шныряют

По всем подвалам и закромам —

Мешки в амбарах грызут, бессовестно грабят запасы

Хранящегося для новых посевов

Отборного, сортового зерна,

А потом — навредив, наследив, напакостив —

Прочь удирают, в зубах унося добычу,

Едва заблестит рассвет.

И все же однажды

Понистине великолепное утро

Им тоже послало свой лучезарный зов:

В тот яркий час был расплавленным золотом залит

Нетерпеливо трепещущий край земли,
А весь простор, весенний, необозримый,
Словно пульсировал от певучих взмахов
К небу призывно взмывающих
Птичьих крыл.
Но лишь на миг
Обитатели нор крысиных
Вглянули на это рассветное великолепье
Своими подслеповатыми, злыми глазками,
Слишком привыкшими к темноте,
И сразу же кинулись на перепуганных лапках
В свои обывательские каморки —
В привычные, тесные, затхлые, темные,
Но уж зато безопасные и укромные
Норки свои...

Странное дело:
Ведь тусклыми, злыми душонками
Сами, как смерти, страшатся они темноты —
Так почему же предпочитают
В темных, подземных укрытиях, щелях, переходах
По-прежнему ощупью жить
И вслепую за жизнь бороться
И почему, собираясь в зловонных подпольях,
Свой бунт вынашивают крысиный
Против уже победившей зари?

Утро встает.
В могучей кузнице солнца
Куют медно-красные исполины —
Словно громадный плуг, величавый полдень куют,
Но тс-с-с!.. Прислушайся!
В полутемных подвалах жизни,
Куда еще блеск лучезарной зари не проник,
Слышна по-прежнему злобная чья-то возня —
Царапанье, писки, взвизги, крохотное топотанье...
Крысы, крысы, крысы
Шныряют в норках — в мрачных каморках тьмы.

Мохан Сингх

АНАРКАЛИ

Что скажу я о любви твоей,
если вся душа тоской объята?
С чем сравню я красоту твою,
если ты нежней цветка граната?

Если рани обратит свой взор,
сердце чье, скажи, не запыляет?
Так точильный камень из меча
огненные искры высекает.

О внемли, гранатовый бутон:
на твою любовь имели право
только пчелы. Чем завлек тебя
юный принц, увы, дурного нрава?

Ты благоухала и цвела,
ни печали, ни тоски не зная.
Полюбив бесчестного, сама
изошлась в рыданиях, дорогая.

За Салимом побежала ты,
как под острый нож бежит овечка.
Знает только бог, что натворил
он в мечети твоего сердечка!

Ах, жила бы ты в лесу! Ну что
во дворце нашла ты, дорогая?
Убережь от глаз чужих бутон,
жаль, что не смогла ты, дорогая.

На вершине неба твой престол.
В грязь тебя втоптали, дорогая.

Вовремя злодея раскусить
ты могла едва ли, дорогая.

Сын Акбара! В сердце можно влезть
вмиг с такой отмычкой, дорогая.
Как же подловила гордеца
ты своей косичкой, дорогая?

Все мужчины лживы, и глядят
на гордячек косо, дорогая,
и порхают весело с цветка
на цветок, как осы, дорогая.

А когда светильник красоты,
не дай бог, угаснет, дорогая,
тут же стайку шустрых мотыльков
новенький притянет, дорогая.

Женщины сгорают от любви,
как трава, — а им и горя мало.
Женщины проплачут все глаза,
А мужчинам плакать не пристало.

Тонут даже смелые пловцы,
ежели река неукротима.
Почему Ченаб твоей любви,
разъярясь, не утопил Салима?

И откуда взялся этот лгун?
Опаленный страстью, неужели
он лишь прятался в твоей тени,
как в тени вечнозеленой ели?!

В темной ночи локонов твоих
как увидеть он сумел другую?
Не смежи ты глаз, и Нур-Джахан
просидела бы в засаде всеу.

Поступи ты так же, как она,
ты бы не страдала, дорогая.
Черным локоном приворожать
ты лгуна не стала б, дорогая.

Жемчугами слез своих его
ты не подкупала, дорогая, —

почему тогда тебя судьба
в стены вмуровала, дорогая?

О, кто скажет, как бесчувствен был
этот мир к твоим любовным ранам?
Потому-то смерть ты предпочла
муке жить в смятенье постоянном.

Под гирляндами живых цветов
не согнется больше поясница,
и в узорах легкие ступни
смогут ли теперь пошевелиться?

Ожерелья не отяготят,
как твои утраты, дорогая.
Камни тяжелых болей и разлук
как нести могла ты, дорогая?

И, быть может, камни потому
придавили неживое тело,
чтобы на крылах своей любви
ты на небеса не улетела.

Пусть благоухает твой бутон
и толпа паломников стремится
в Мекку и Медину. Мохан Сингх
здесь пребудет — где твоя гробница.

Разве воплощение твое
значит что-нибудь для душ бескрылых?
Виноват ли в чем-нибудь Салим,
кто понять твою любовь не в силах?

Слышу голос из могилы я:
«О молю, рыдающий незримо,
не брани Салима моего
и пройди, меня оплакав, мимо».

ТАДЖМАХАЛ

Башни мраморной белизны
безмятежно обняв в ночи,
не касаясь земли и небес,
тихо лунные спят лучи.

Невесомые тени кустов
и деревьев покоя полны
и на нежной груди травы
опьяненно вкушают сны.

И прильнули ветви к стволам,
и прильнула к ветвям листва,
и слились — ароматы земли
и полночных небес синева.

В сонной зелени берегов
пьет Джамна свое забытье,
и прильнули друг к другу и спят
голубые потоки ее.

Отраженный в глубинах реки,
Таджмахал заснул, недвижим,
и его, как ребенка, она
покрывалом накрыла своим.

В дальний край белопенных морей
без оглядки бежала она,
и сморили ее на ходу
заклинания мертвого сна.

В этой царственной тишине
я один заснуть не могу,
и в глазах моих блеск, словно в них
свет ушедшего дня берегу.

Я на куполе взгляд задержал,
осененном высокой луной, —
не могу оторваться никак,
очарован его красотой.

Как прекрасна его белизна!
И сдается: из мрака ночей,
от любви изнывая, ее
гладит зодчий рукою своей.

На творенье моголов гляжу,
от вина созерцания пьян;
о, недаром прославлен в веках
изощренный твой вкус, Шах-Джахан!

По преданью, когда возвели
этот храм на усладу глазам,
стоны, вопли и плачи людей
вознеслись к самим небесам.

Подневольные люди в тряпье
поднимали орудья труда,
небу жалуясь на царей,
кто ограбил народ без стыда.

И тянулись младенцы к соскам
изможденных своих матерей,
и катились потоки слез
по щекам изнуренных людей.

Наподобье пустых бурдюков
у них сморщены животы,
шеи тощи, руки грубы,
ноги в ссадинах, впалые рты.

И надсмотрщики в храме святом
избивали невинных рабов,
и горели на спинах рубцы
от дубинок их и кнутов.

Так я думал, глядя на храм
и преданья веков вороша.
И от страшной боли в ночи
закричала моя душа.

Что такое она — красота?
Ложь? Насилью и злобе упрек?
Может быть, на крови и слезах
распустившийся дивный цветок.

ВАСАНТ 7

Увидел Вáсант я во сне — так звали милую мою.
Цветок, расцветший по весне! — в разлуке слезы горько
люю.

Седеют травы при луне, душа твоя в ином краю, —
Туда и не добаться мне; я в сердце образ твой таю.

Губами слезы осушив, так мне промолвила она:
— Чтоб Мохан стал красноречив, я умереть была должна.
Когда бы я не умерла, ты не восстал бы ото сна,
И беден был бы твой мотив, с глаз не упала б пелена.

Юный бутон, белый лотос, смеживший ресницы!
Бронзовый шмель страстно гудит над тобой.
Для тебя по земле золото сыплет горчица,
Соловьиное горло напевом любовным томится,
В серебряных росах проснулся простор голубой.

Васант, кто ты? — ведь весны дано тебе имя, —
Рани — иль, может, крестьянка из рода сиалов?
Сколько легенд пронеслось пред глазами моими,
Сколько влюбленных погибло, изведавши горечь
фиалов, —
Лотосов алых сок обернулся напитком разлуки.
Снимок твой старый держу, разрывается сердце от муки.

Где ты, Васант? — очи закрылись газельи.
С каждой весной все терпче укус печали.
С каждой весной все выше горя качели
Взмывают в груди. Птицы имя твое прокричали.
Словно Ченаб в половодье, только соленый,
Хлынул из глаз. Дочь горшечника вижу сквозь слезы —
Тонет сосуд из глины необожженной,
Утлый рассудок, боюсь, не спасен от угрозы
Кануть бесследно в водах реки замутненной.

На фотографию долго гляжу в иступленье,
Словно любимая может воскреснуть со снимка.
Темные воды даруют ли мне избавленье?
Где ты, Васант? Вдруг все растаяло в дымке.

Гора предо мной,
Окруженная быстрым потоком.
Темнеет пещера,
Теряясь во мраке глубоком.
На каменном ложе,
Где шкура постелена тигровая,
Сидит одинокая дева,
На лютне наигрывая.
Как озеро в лунном сиянии,
Лик проступает из ночи.
Быть может, то Радха ждет Шьяма? —

И влагою застланы очи.
Плащом укрывают
Власы ее черные, длинные.
Печально, протяжно
Напевы струятся старинные.
Неспешно касаются струн
Ее гибкие руки.
И тонут во тьме
Бесконечные песни разлуки.

— Я клятвам верила твоим, о милый мой, любимый мой!
Они растаяли, как дым, как тает снег в горах весной.
Ты пел любовь, как соловей, о милый мой, любимый мой!
Но стало пусто средь ветвей, когда расстался ты со мной.
Побило градом пышный сад, о милый мой, любимый мой!
Ты новый свадебный обряд справляешь с девою иной.
Еще пылает уголек от погребального костра,
Но лик другой тебя увлек, — а умерла я лишь вчера.
Тебе измену я прощу, — будь счастлив, милый, до седин.
Смирняя гордость, не ропщу, — вы все похожи, как один.
Едва раскрыл глаза цветок — летят шмели со всех сторон,
Но вот прошел цветенья срок — и одиноک остался он,

Забыв пастушку, темный Шьям
Прельщен красавицей другой.
Уж если бог изменчив сам, —
Что говорить о нас с тобой?!
Ширин прекрасная грустит —
Хосров забыл ее уста.
А что моя слеза блестит —
Так для тебя та весть пуста.

Я отдала и страсть, и пыл
Тебе, пока была жива.
Но ты с другою разделил
Свои слова, мои слова.
Пусть руки грешника в крови, —
Ему отпустится беда.
Но похитителей любви
Бог не прощает никогда.

Моря твоих бездонных глаз забвения затмила мгла.
Любимый, вспомни, сколько раз моя душа тебя звала.
Ответь мне, о моей судьбе пролил ли ты хоть каплю слез?
Платок, что выткала тебе, когда-нибудь к глазам поднес?

Коварство сеть свою плетет, а ты доверчив, знаю я.
Не выпутаться из тенёт, когда жена твоя — змея.
Но есть у жизни свой закон — живые помнят о живых,
Не ходят к мертвым на поклон, — хватает дела и без них.

Бродят в лесах души наши,
Дом твой — дворца краше.
Острые камни — нам кров и кровать.
Ты можешь спокойно спать.
Сухие колючки — наша еда,
Ты же не бедствуешь никогда.
Влачим свои дни средь тьмы.
В воздух одеты мы.

Дай омою глаза водой родниковой, —
Быть может, придет прозреньё?
Сонное сердце сбросит оковы
Сладостного забвенья?
Вспомни, любимый, как от меня
Ты взора не мог отвести,
Вспомни жар твоего огня,
Что розам велел на щеках цвести!
Вспомни, как ты склонялся с мольбой
К браслетам моим, к запястьям.
Неужели все позабыто тобой,
Ты так ослеплен новым счастьем.
Знай же, супруг, что, тебе верна,
Томлюсь я во мраке одна.
Вот миновала шестая весна,
Но Васант тебе не нужна.

Имя родное услышав от девы той странной,
Я задрожал, задохнулся от горьких рыданий.
Фея ко мне наклонилась с улыбкой туманной, —
В жизни своей не встречал я подобных созданий.
Облик ее мне на миг показался знакомым,
И на мгновенье черты проступили родные,
В нежных объятьях ее, как поверженный громом,
Тихо покоился я, забыв все страданья земные.
Сон отлетел, я очнулся и вижу — другая
Женщина тихо стоит с головою склоненной.
А с фотографии Васант глядит дорогая, —
Или весна прошумела листвою зеленой?..

СОБАКИ

И прошелся по улицам ужас
Выставив копыта и выпустив когти.
Пес а пес
поднятый хвост
что принес
пропел звонок отпуская
школьников на каникулы.

Но когда самая захудалая сука
с пеной у пасти легла
дергая нервно хвостом то страх еще
двигал ее бровями.
И поджало хвосты местное племя собачье
защищая то что находится в нежном паху.

Ибо если свирепая ведьма
живет на свободе
нет пощады
даже невинным щенкам:
в суматохе и драке
убивает всех
у кого есть хотя бы намек на хвост
и пасть пенится.

Они лежат в поле
с высунутыми языками
и расплющенными черепами.
Сужая круги
опускаются стервятники
смертью дымятся их крылья.
У собак рожденных увидеть день
мольба стекленеет в глазах.

СЕЛЬСКАЯ КРАСАВИЦА

Только испарина выступившая на лбу
не дает ее одежде воспламениться.
От нее легко могла бы загореться
копна сена.
Маслянистая нега медленно стекает
с ее миндалевидного тела
и сверкает миллионами ламп
в порах ее кожи.

Сердце деревни
громко стучит от ее присутствия.
Юноши во сне
готовы разорвать ее сладкую плоть на части.
Даже воздух вокруг нее трепещет
летащими волнистыми паутинками
как дорожки посыпанные песком
колыхающиеся в пламени солнца.

Она совершенно глуха.
Ее слова обитают в глубокой яме.
Пламя никогда не сказанных слов
разлиновано в клетку
на континенте ее молчания.
Когда она смотрит на мужчину
мельком
или получает записку
искорки слетают
с ее ногтей
и падают погасшими звездами.

Она покидает сцену деревни
сочно покачиваясь
как золотистое манго
зреющее под назойливыми дождями.
Прикосновение — вот все что ей нужно
чтобы упасть с неприступной высоты
и сгореть на пире любви.

В ливень и в холод она идет на работу
в туфлях-лодочках
и шаг ее ритмичен как музыка
обожаемая молодежью.
Она закрывает глаза
и выливает ведро воды
на медовое тело.
Подвернутую муслиновую блузу
можно изучать словно карту вожделения.

Однажды она прошла
по ветреным дорожкам
и зеленым полям.

Она шла спиной к деревне
и груди с вызовом смотрели в ночь
когда сумерки стерли соблазнительную тень.
Тутовое дерево
и туфли-лодочки
стояли тихо и безжизненно
силуэтами напоминая стариков
глядящих как солнце садится.

Идашшери Говиндан Наяр

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ ЦАРСКОГО ДВОРЦА

Снова легкие руки зари золотистой
Унесли с приморья покров туманов,
И давно обрывки ночных видений
Растворились в жарком пыланье полдня,
И опять потемнело вечернее море,
Багрянеет закат над священной рощей,
А над кронами рощи в лучах багряных
Ярче вспыхнул узорный купол дворцовый.
Сквозь проемы высоких стрельчатых окон,
Веет свежестью, первые звезды мерцают.
В этот вечер в сводчатом, пышном зале
У премудрого раджи — пир многолюдный.
Здесь увидишь надменных вельмож, полководцев,
Звездочетов, святых мудрецов, поэтов,
И цветной полукруг изукрашенных женщин
Оживляет этот вечерний праздник.
Посреди, на торжественном возвышеньи,
Восседает сам сребровласый раджа,
Блеском славы, могущества, великодушья
Озаряя лица старых придворных.
В златотканых одеждах сидят вельможи,
Утомленные множеством дел державных,
Да почтенные судьи, чьи души устали
Без конца разбирать, кто прав, кто виновен.
Вот и рады они отдохнуть сегодня —
Позабыть все дела, тревоги, заботы,
Посмотреть, как под сладкие струнные звоны
В плавном танце реет дева-плясунья.
Волны розовой ткани полупрозрачной
Повторяют гибкость ее движений,
В ярко-красных узорах ступни и ладони,

А в высокой прическе цветы трепещут.
Бубенцами звенят ножные браслеты,
Легче поступь ее, чем у райских красавиц,
Но неволью кажется, что под нею
От восторга так и дрожат подмостки.
Этот танец подобен струе нектара,
Что с небес ниспадает на грешную землю,
Вьется девушка, — и забывают люди,
Что дозволили, что не дозволили боги.
Вот взмахнула рукой, и край приподнялся
На плечо накинута нежной ткани,
И открылись на миг восхищенным взорам
Два холма волшебных — юные груди.
Вот на пальчиках ног легко закружилась,
И как рябь — по озеру колдовскому,
Пробегают зыбкий, волнистый трепет
По ее бело-розовому одеянию.
Будто дивный цветок на ветру танцует,
Ароматы тончайшие расточая,
Будто райская птица, земли не касаясь,
На волнах мелодий радостно реет.
Все стремительней вьется дева-плясунья,
Но не громкими кликами одобренья,
А лишь тихим, глубоким вздохом восторга
То и дело ей зрители отвечают.
— Чудо, чудо! — глаз не сводя с чаровницы,
Перешептываются знатные гости.
— Чудо, чудо! — с отеческой мудрой лаской
На нее седовласый раджа взирает.
— Чудо, чудо! — вторят земля и небо,
Сладкой дрожью пронизана вся природа,
И как будто начал качаться плавно
Повелителя мира престол небесный!..

Где теперь тот дворец, тот узорный купол,
Так нарядно блиставший в священной роще?
Лишь видны беспорядочные обломки,
Заметенные белым песком равнодушным.
Где теперь это праздничное собранье
Полководцев, вельмож, правителей гордых?
Не осталось от них и шепотки праха.
Даже их имен сегодня не вспомнят.
Где чарующих, трепетных струн созвучья?
Где чудесная, гибкая дева-плясунья?

Только, хрипло крича, над каймой прибоя
Реют, рыщут, ищут хищные птицы —
Ищут дивное, гибкое девичье тело,
Унесенное темным, бескрайным морем,
Но лишь плещут и стонут пенные волны —
До сих пор по танцовщице юной плачут.

ШАФРАНОВОЕ УТРО

Подобный первым, полураскрытым
цветкам на стеблях проросшей дыни,
Рассвет, еще бледный, шафраново-желтый,
над краем земли едва приподнялся.
Но сразу же тьма начала разрываться,
свиваясь, как черные, длинные нити,
И этими нитями раннее утро
цветные букеты лучей обвязала.
Земля — в росе, как в слезах счастливых,
а небо над ней светлеет, круглится,
Переливаясь яйцом исполинским —
гладким, чистым, свежеснесенным.
И чудится: в каждой мельчайшей частице
нашей земной, нашей грубой персти
Тончайшие крылышки затрепетали —
дрожь мелодичная пробудилась!
Сливается этот звенящий трепет —
звучит все восторженней, все слышнее,
Вот так и бесчисленные росинки,
сливаясь, ручьи молодые рождают.
И льются ручьи этих дивных песен,
единым становятся мощным потоком,
И, всплыв над певучим его разливом,
все ярче цветок зари пламенеет.
О этот цветок — долгожданный, священный!
Под светло-сапфирным, улыбчивым небом
Зеленые ветки воспрянувшей жизни
волшебным сверканьем своим он украсил.
И все светоноснее, все щедрее
блистают его лепестки огневые —
Они, как душистой пылью золотистой,
лучами земной простор осыпают.
И хоть в небесах — ни единой тучки,
и хоть ни малейшего грома не слышно,

Нас молнийный блеск ослепляет! Вот он —
бог Сурья на огненной колеснице.
Семь дивных коней — златогривых, могучих
на синюю кручу влекут колесницу,
И яркое прекрасное лик Солнцабога,
как дивный алмаз на груди небосклона.
Пора! Наступило святое мгновенье
пред божеством благодатным склониться,
Склониться пред тем, кто каждое утро
новую жизнь всем живым дарует.
Пора! Как чудесно это свиданье
наших молитвенных, любящих взоров
С тем, кто вливает новые силы
в деревья, и в птиц, и в людские души.
Весь мир необъятный, мир благодатный,
раздвинув густую завесу ночи,
Склонясь перед Светочем Дня лучезарным,
цветочной гирляндой его украшает.
И этот великий божественный Светоч,
весь круг мирозданья объяв мгновенно,
В его середину кладет нашу Землю —
бережно, словно ларец драгоценный.
И свет разгорается ярче и ярче,
и небо становится жарче и жарче,
И вот уже храм готов огнецветный
для поклоненья бессмертному Солнцу.
Всезрящий от снов ночных пробудился —
наш мир земной озирает властно,
А мы плывем все дальше и дальше
по древней реке надежд и страданий.

Махадэви Варма

СМОТРИ!

Одна крупинка мудрости твоей
Звезд мириады небу даровала,
Одела полдень в золото лучей,
А ночь — в серебряное покрывало.

Одна слезинка благодати твоей
В веках рождает реки состраданья,
И ей подобья не найти во всей
Необозримой чаше мирозданья.

Одна росинка красоты твоей
Становится безбрежным океаном,
Шатром лазури, и ковром полей,
И бездной мрака, и рассветом дряным.

Одна крупинка мудрости твоей
Леса рождает — с птицами, плодами.
Одно движение твоих бровей —
И сразу свергнут мир в грозу и пламя.

Но ни пылинки истребить нельзя —
Вселенные погибнут с нею вместе...
Так что ж людская так мрачна стезя —
Полна пороков, слабостей, бесчестий?

Смотри, какая боль у нас в груди, —
Зла и добра извечный поединок!
Приди, Творец, — и взглядом обведи
Величие и скорбь твоих пылинок,

ЭТИ ПЧЕЛЫ — КАК ИХ ПОЙМАТЬ?

Вот они стали слезами моими,
Тихо текут и текут из глаз,
Я их ловлю и ловлю ресницами —
И упускаю их всякий раз.

Вот их летучие крылышки в небе
Вспыхнули, выткали яркую весть:
Переливается свиток развернутый,
Но ни строки не могу прочесть.

В свет превратились — прядут во мраке
Зыбкие нити лунных лучей,
Тщетно их в пряже густой отыскивать —
Не различить незримых ткачей.

Глухо о берег плещутся волны,
Сон океана угрюм и тяжел,
Разве услышит он повесть печальную,
Разве отгонит бессонных пчел?

Звезд немигающими глазами
Стали они, окружили меня,
Даже к теням их страшусь притронуться —
Так опасуюсь я их огня.

В душу проникли они украдкой,
Вздохами переполняют грудь,
Вижу я их, из груди вылетающих,
Но не могу ничем отпугнуть.

Воспоминаньями душу терзают,
В сердце впиваются ночью и днем...
О этот рой безжалостно жалящий, —
Хоть бы на миг позабыть о нем!

СВЕТИЛЬНИК ЖИЗНИ

Хрупкий светильник с горючим маслом —
Налито чьею рукой оно?
Кто сотворил наш фитиль, которым
Масло с огнем соединено?

На берега пустынного времени
Шагом неслышным придя тайком,
Кто разговаривает с волнами,
Неразличимый в тумане морском?

Будущее за туманами скрыто,
Прошрое — черный, угрюмый сон.
Странник, стоящий на их границе, —
В чью беспредельность он устремлен?

Вспомни: когда светлячок мерцает,
Ночью, во время сезона дождей,
Над огоньком его робким нависший
Кажется сумрак еще мрачней.

Сколько терпенья — в жестокую бурю
Плыть по волнам, не сворачивать вспять!
Необъяснимо лишь наше горенье,
А угасанье нетрудно понять.

ВОПРОС

Разве эта пылинка, случайно попавшая в глаз,
Боль крошечного ада в тебе не рождает?
Разве эта струна, что запела и оборвалась,
Хор всего мироздания не пробуждает?
Разве этот прибой, что вдали обнимает лазурь,
Не из крохотных струек бесчисленных сплавлен?
Разве мрак этих туч, разве гнев этих ливней и бурь
Не из тонких вихрящихся капель составлен?
Разве в этой вселенной, подобной пучинам морей,
Есть хоть что-то, чему не нашлась бы граница?..
Почему же не хочешь ты в жизни замкнуться своей,
Почему ты так жаждешь с величием слиться?

ОДНАЖДЫ

Кто из пыли земной, орошенной слезами,
Эту чашу — плоть мою — сотворил?
Кто ее расцветил всеми красками радуг
И душе, отправляя в путь, подарил?

Я в нее и страданье, и счастье вливаю,
Будто струйки сладостного вина.
Пусть уже надтреснута эта чаша,
Но коралловой пены еще полна.

Словно бусинки, радости и печали
Без конца возникают и гибнут в ней,
И не гаснет надежда, что капля за каплей
До краев наполню я чашу дней.

И однажды, когда соберу эти капли —
Все мои бесплодные сны и дни,
Улыбаясь, к губам поднесешь ты чашу,
И бесценней алмазов станут они.

КАКОЙ ТЕБЯ УВИЖУ?

Скажи, какой тебя увижу, Мать?

Увижу ли цветы на влажных ветках
Иль пересохшие от жажды губы?
Предстанешь ли ты юною невестой
Иль дряхлой и померкшею навек?

Увижу ли алмазный смех росинок,
Мерцающих на лотосах раскрытых,
Иль мутные, страдальческие слезы,
Сочащиеся из-под дряблых век?

Увижу ли над морем ароматов
Влюбленный трепет утреннего ветра
Иль вздохи безутешные услышу
В оцепенелой, мертвенной тиши?

Увижу ль на заре весны душистой
Твою в лугах танцующую радость
Иль тусклую безрадостную осень
Твоей увядшей, сломленной души?

Увижу ли я жизнь, веселым роем
Усеявшую сладкие тычинки,
Или в груди, как птице в тесной клетке,
Стонать и тосковать придется ей?

Хариваншрай Баччан

ИЗ ПОЭМЫ «КУВШИН С ВИНОМ»

(Фрагменты)

Вина отпивши маленький глоток,
почувствовали — ослабел рассудок,
не распознать, какое время суток,
и в люльке снов летим под потолок.

Высокомерный, ты ль не изнемог,
отдавшись сдуру безрассудным взглядам?
Но наконец глаза твои промыло ядом,
и этот яд — твой неминуемый рок!

* * *

Когда любовью сам себя увлек,
из радужной мечты построил мир бумажный.
Но тут огонь, куражась силой страшной,
спалил дотла игрушечный мирок.

Но что огонь вспылал — его ли то порок?
Виновен я — ведь был я златоустом:
стихи пропел, таким сжигаем чувством,
что распустился огненный цветок.

* * *

«Сегодня» превратил я в горький яд,
чтоб «завтра» стало светлым и медовым
и дело попевало бы за словом.
Но оказался лживый мой расклад.

Все «завтра» забракованы подряд.
Но мне кричат с энтузиазмом новым:
«Поскольку был твой каждый день суровым,
тебя когда-нибудь вознаградят!»

* * *

Сегодня первый раз жасмин в цвету,
свою природу выявил в природе.
Весна уже почти что на исходе,
другое время года на виду.

Весна уходит, бросив на ходу:
«Тебя сейчас узнала еле-еле,
о, неужели это ты на самом деле,
кого я в прошлом видела году?»

* * *

Хочоchem мы — нам все на свете внове!
Рыдаем мы, разбредшись кто куда.
И постоянна эта череда.
Приходит радость — горе наготове.

Услышав хохот, небо извелось.
Услышав плач, земля возликовала.
Печаль земли нас веселит немало,
а радость неба вызывает злость!

* * *

Земная жизнь — не скорбная юдоль,
но в то же время далека от рая.
В нее влюбляясь и ее ругая,
пойми, какую в ней играешь роль.

Ты хочешь знать, как я живу? Изволь!
Во многом взгляд мой робок и наивен,
но не предвзят. А мир широк и дивен —
я познаю его любовь и боль!

* * *

Теперь, уверен, не свернуть с дороги,
до самой смерти мне идти по ней.
Увяз в земном — не оторвать ступней,
а в небо прыгнуть — также слабы ноги.

Не знаю я, где обитают боги.
Не верю в них и не пою им гимн.
Что боги есть — так кажется другим,
но веру разве возродят упреки?

* * *

Я безмятежность предков не сберег.
Они особой отличались верой,
и не был им обманом и химерой
приют богов — заоблачный чертог.

Но бог — ничто. Безрадостен итог.
Неверие обходится дороже.
И нам, презренным, словно корчат рожи
слова пустые «небеса» и «бог».

* * *

И до чего же странен человек!
Не содрогнется он среди страданий,
несчастий, бедствий, горестей, рыданий
и не прервет свой суматошный бег.

Он зло увидит — проскользнет тишком.
Зато шумлив, на пересуды падох,
а коль заметит где-то недостаток —
давай смеяться над чужим грешком.

* * *

Погаснув, солнце превратится в лед,
и будет мир весь скован темнотою.
Луна, что завлекает красотой,
однажды померцает и умрет.

Погаснут звезды тоже в свой черед,
останется без света мирозданье.
Так неужели все твои стенанья
нарушат жизни заведенный ход?!

* * *

И упадет, когда наступит срок,
китайская стена, как и однажды
обрушится, пусть знает это каждый,
сам Кутб-Минар, что крепок и высок.

И навсегда, поверь, уйдут в песок
стоящие в пустыне пирамиды.
Так не кричи же, глупый, от обиды —
что может изменить твой голосок?!

* * *

Когда я в одиночестве сидел,
вино мне в ухо тихо прожурчало:
«Живет в тебе бессмертное начало,
не верить в это — глупости предел».

Возликовал, но помрачнел лицом,
когда услышал яда злобный шепот:
«Не будь глупцом! Тебя же учит опыт:
начало завершается концом!»

* * *

Что воздвигаю я ночной порой,
днем снова ожидает разрушенья.
Но не хочу признать я поражение,
себе твержу спасительное: «Строй!»

Я созиданьем занят, как игрой,
не оторвусь теперь ни на минуту.
И всякий раз, увидев щебня груды,
себя я утешаю: «Не впервой!»

* * *

Увидев, как ты миссию творца
взял на себя среди полного распада,
букашка малая и та, скажу я, рада
глумиться над тобою без конца.

Твои порывы разрушают твердь.
Но сам ты — персть, несчастный и убогий.
Тебе завидуют беспомощные боги,
а люди могут только пожалеть.

ИЗ ПОЭМЫ «ВИННЫЙ ПОГРЕБОК»

(Фрагменты)

* * *

Ты для меня — вино, моя любовь,
а я — пустая чаша в ожиданье.
Меня собой наполнив до краев,
ты пьешь сама, припав ко мне губами.
И, расплескав тебя, я сам не свой,
и ты пьянеешь, выпитая мною.
Любимая, сегодня мы с тобой
себя связали радостью одною.

* * *

Фантазию, как виноград, берут,
и строчки каплями вина стекают.
Поэт, как виночерпий на пиру,
наполнил чашу до краев стихами.
Она не будет ни на миг пустой.
Хоть тыщу раз пусти ее меж вами.
Самозабвенно пьет читатель мой,
прильнув к страницам жадными губами.

* * *

Из чувств моих я делаю вино,
оно на вкус и цвет неповторимо.
Своим вином наполнить мне дано
фиал души, что жаждою томима.
Вино из рук фантазии беру.
И даже капля не прольется мимо.
Я словно виночерпий на пиру,
но пью и сам, собрав веселье мира.

* * *

Купол неба в самоцветах звезд,
как пустая чаша на пиру.
Чтоб вино через края лилось,

купол неба я переверну.
А твоим губам, как берегам,
не сойтись, пока летит по ним
виночерпий ветер. И тогда
Мир вокруг окажется хмельным.

* * *

Из губ своих ты сделай чашу.
И попрошу я об одном —
ты наполняй ее, и чаще,
живым и молодым вином.
Но, поднося ее навстречу
моим губам, ты берегись!
И буду пить я бесконечно,
открыто, радостно, всю жизнь.

ЧТО МНЕ ВСПОМНИЛОСЬ В ЭТУ НОЧЬ

До рассвета оставалось час-два.
И в эти предутренние часы
я, проснувшись, услышал —
Дз-з-з — дз-з-зы, дз-з-з — дз-з-зы.
Выйдя на веранду,
я увидел горца с пилой.
Посмотрев на меня,
он вздохнул,
рукой показав на поленницу дров:
«Ночь распилил от земли до звезд,
а рассвета все нет как нет!»
Я смотрел на парня,
на его лицо,
на котором застыла боль.
Все эти часы
он своею пилой
распиливал бревна и ночь.
Постояв с минуту, я пошел к себе,
но вскоре вернулся и
прочитал ему эти стихи,
тронув его до слез.

Я тоже, как он,
не смыкая глаз,
добирался до самых светлых слов
через сотни темных ночей.
Слова были влажными в этих стихах,
но попадались слова и сухи, и мертвы.
А на черном небе не появлялась никак
полоска солнечной синевы.

Махдум Махиуддин

ХРУСТАЛЬ

Сломанная тишина —
звон хрустальных пиал;
луч, рассыпанный с хрустом
по мрамору пола.
Бутон раскрывает себя
лепестками звуков;
Млечный Путь, словно музыка,
падает с неба;
из глубин молчаливого моря
русалка зовет меня пенъем;
просыпаются струны саза,
качается занавес тьмы,
блики играют на пальцах рассвета...
Открываю глаза — вижу чередование
красок,
закаты, восходы,
многоцветие радуг,
румянец на юном лице
и улыбку веселья...

Но кому я поведаю,
что происходит со мной,
и куда мне идти
дорогами жизни земной?

ДЕВУШКА ИЗ ТЕЛИНГАНЫ

По полям проходишь ты,
песенку заводишь ты,
и глаза отводишь ты,
повстречав чужого.

Не смущайся, говорю,
смейся, песенку свою
повторяя снова.

Слышат небо и река
песенку издалека.
До чего она сладка!
Повстречав чужого,
не смущайся, говорю,
смейся, песенку свою
повторяя снова.

Слушают тебя в ночи
звезды, горы и ручьи.
Пой, не бойся, не молчи,
повстречав чужого.
Не смущайся, говорю,
смейся, песенку свою
повторяя снова.

Ухожу — один, с тоской.
Попрощаемся с тобой.
Не жалею, не бойся, пой,
повстречав чужого.
Не смущайся, говорю,
смейся, песенку свою
повторяя снова!

НАШ ГОРОД

Это наш город —
странный.
Ночью пройдешь и увидишь
тайные раны.
Ночью на улицах темных
шорох — задушены стоны.
Оглохшие окна,
немые проулки,
дряхлые стены,
мертвые двери...
Будто в домах
обитают покойники,
что поселились на время,
но остаются навеки
с нами, со всеми...

КРОМЕ ТВОИХ ГЛАЗ...

Кроме твоих глаз,
что меня воскресит?
Кто от злого огня
отгородит меня?
Вытри слезу и вновь
мне обещаи прийти —
молча, едва взглянув.
Сердце мое прими —
и разлука пройдет.
Душу мою возьми —
и отойдет тоска.
На щеках у тебя
радуется рассвет,
на губах у тебя —
алые огоньки.
Кто предскажет, когда
из глубины зрачков
выйдет ко мне на зов
ласковая звезда?
И прольется вином
нежность; взойдет луна
нашей с тобой мечты,
цепи невзгод и мук
мы разорвем, и ты
вся окажешься вдруг
здесь, в кольце моих рук!

ГАЗЕЛЬ

Влюбленные в тебя — ответа не дождались,
погибли, бедные, рассвета не дождались.

А ты уснула, и струны саза в твоей руке
замолкли, медные, рассвета не дождались.

Ни огонька в темноте кромешной, и песни все
оборвались, во мгле просвета не дождались.

Кто скажет, как пламенеют розы, когда восход
окрасит небо? Но мы ответа не дождались.

Весну несет ароматный ветер, но мы, спеша,
ее прихода, ее привета не дождались.

КРИК ДУШИ

Никто никому не расскажет,
что он потерял.
Никто никогда не вспомнит
свои страдания.
А сердце — кувшин,
наполненный горьким зельем.

Никто не откроет,
откуда приходят муки.
А в каждой ране, внутри —
другая, поглубже.
В каждой боли живет
еще большая боль.

У одних — глаза подобны цветам,
у других под ресницами —
горечь кеора.
А земля умирает от жажды,
иссохшая наша земля.

ВСТРЕЧА

Я пил небо...
И становились
глубже — дыханье,
острее — жажда.
Взлетев в небеса,
корабль хрустальный
покинул землю, цветы и травы,
взмыл над белыми облаками,
стал частицей синего неба.
Справа от нас — ночная темень,
слева — огненный меч рассвета.

И вот уж небо —
сплошное пламя,
алая краска праздника Холи.
Рядом поблескивают звезды.

Луна в лицо мне ласково дышит,
поет, сверкает,
как струны саза.
Этот путь на рассвете
мною у вечности похищен.
Господи боже, дли бесконечно
полет и утро,
свет и движенье!

ТЮРЬМА

В тюрьме томишься без конца, без срока...
Не сетуй. Как обычно, власть жестока.
Ночь, одиночество, тоска, молчанье —
лишь бой часов доходит издалёка.
Лишь города горячее дыханье
доносится — и воскресает разум,
и загорается свеча во мраке,
где спало долгим сном твое сознание.

Ты вспоминаешь прожитые годы:
толпу на перекрестках, в переулках
тяжелые шаги, немой заботы
печать на лицах,
горечь в каждом взгляде,
и тысячи людей,
и тысячи шагов,
и сотни тысяч бьющихся сердец.

Устали все — от произвола власти,
от хитрых пут политики. Несчастья
все чаще. Этот мир сошел с ума.
На повороте правом или левом
толпа взорвется небывалым гневом —
обрушится тюрьма!

Во сне тюремном слышу звон цепей,
ворочаюсь, закованный, вбираю
бессильный голос юности своей,
и горько мне, что годы в заточенье
мои прошли, что я не смог сполна
отдать их разрушенью
твоей тюрьмы, родимая страна!

СИНАЙ

Здесь начиналась любовь моя,
здесь тебя, скромную, встретил я,
нежную, томную встретил я,
недотрогу заметил я
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

Сомкнуты губы, горят сердца,
о любви говорят сердца —
не сойдет улыбка с лица
бога. И радости нет конца
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

Ты, как чаша вина, нужна —
душа тобою пьяным-пьяна.
Ты — моя музыка, ты весна,
ты, словно облако нежна
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

Ты неприступна и скромна.
Благоуханье твое — волна,
и я тону, и душа полна
тобой, и сердце мое — струна
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

В лодке радости поплывем,
отправляемся в путь вдвоем,
прикасаемся чуть вдвоем,
наслаждаемся, как вином,
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

Наша юность, наша пора
пролетела, легка, быстра.
Нас ночами Синай-гора
оберегала до утра
здесь, на лужайке у ручья.
Никогда не забуду!

Высохли травы, ушла вода,
и не осталось ни следа,
кроме памяти навсегда.
Эти заветные года
здесь, на лужайке у ручья,
никогда не забуду!

ДОЛИНА БУДУЩЕГО

Я видел кипарисы вдоль дороги,
самшитовые рощи, вечерами
цветы Гульмарга, горные отроги
и утренние зори в Пахальгаме.
И пели мне тюльпаны и жасмины,
но даже в гулкой тишине долины
печальная душа не оживала
и радости она не ожидала,
не раскрывался горестный бутон
измученного сердца.

Прорывалось
оно через кусты колючей боли,
сквозь джунгли муки,
утопало в водах
реки, несущей горе,
пробиралось
через хребты страданий, что, как кобры,
меня подстерегали.
А вокруг
была глухая тьма.
И тишина
мертвящая. И черная река —
ни берега, ни звезд, ни светляка.
И темен путь,
и непроглядна ночь,
и птица счастья улетает прочь.
В долину будущего нет пути
и неизвестен вход,
но разум есть,
и вечен небосвод,
и утро — впереди...

Динкар

ПРИВЕТСТВИЕ

Ли́ра моя, воспой
Тех, что в огне сгорели,
Тех, чьи души других согрели,
Тех, что огню священному
Огонь отдавали свой,
Ли́ра моя, воспой!

Этих светильников цепи,
Светивших на черном небе,
Себе любви
 не вымаливавших,
Свою
 отдававших любовь,
Ли́ра моя, воспой!

Их пламя летит над полями,
Все вокруг огнем опалает,
И в испуг повергает планету
Доныне их клич молодой!
Ли́ра, ты их воспой!

Их сияния удостоена,
Что поймет бедняга история?
Нет, свидетели их величия —
Солнце, звезды, весь небосвод!
Ли́ра, ты их воспой!

Погляди, как тела их сохнут,
Как они от голодадохнут,
Но творят историю Индии,
Отдавая ей пот и жизни!
Сотни раз пред ними склонись.

Их любимые полураздеты,
И тщедушны, печальны дети,
А они идут, не оглядываются,
Не о бедах семьи их мысль.
Сотни раз пред ними склонись!

Эта мужественная юность,
Высшей доблести повинуюсь,
Сокровенную жажду знает:
За других отдать свою жизнь!
Сотни раз пред ними склонись!

Кто, печальный, печаль собирает,
Сам несчастный, а счастье дарит?
Кто весь мир напоил амритой,
Сам же ампулу с ядом разгрыз?!
Сотни раз пред ними склонись!

Ведь они — человечества гордость,
И на них шар земной оперся,
А без них бы — перевернулся,
И моря по нему б разлились!
Сотни раз пред ними склонись!

Пылью с ног их свой лоб покрою,
Разожгу в себе жар героя.
Ибо следовать их примеру —
Нашей жизни закон и смысл!
Сотни раз пред ними склонись!

Тем, что следом идут, привет!
Славлю, жертвователи, ваши жесты:
Приносите новые жертвы!
Не жалея, в огонь бросайте,
Пусть священный не гаснет свет!
Тем, что следом идут, привет!

Если, не обломав утеса,
Взял поток и назад унесся,
То во всем водопад виновен:
Нет в нем силы и страсти нет.
Тем, что следом идут, привет!

Слышишь, снова литавры забили!
Это смерть нас зовет на битвы.

Нынче пишут огнем. Сгорая,
На небе оставляют след!
Тем, что следом идут, привет!

Следуй дальше, юный герой!
Видишь, мир в тревоге трепещет,
Видишь, туча гремит, дождь хлещет
И летят кровавые стрелы.
Разразилось небо грозой.
Следуй дальше, юный герой!

Океан безбрежен, бездонен.
Кто ж бесстрашия удостоен?
Кто преодолет вершины
И схлестнется с вражьей ордой?
Следуй дальше, юный герой!

Вон слабеет закат вечерний,
Затухает огонь священный.
Принеси ему в жертву сердце —
И успех твой не за горой!
Следуй дальше, юный герой!

Девиндер Сатьяртхи

МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ НАДЖО

Моя возлюбленная — Наджо.
Она, конечно, не Хир.
Впрочем, и я — не Ранджха.
Но что ни говори, а у нас
и любовь и жизнь — на двоих,
и горе и радости — на двоих.

Далеко заплыла по Ченабу наша любовь.
Долго плывет.
Пусть! Забыв обо всем,
в объятьях друг друга сожжем,
возлюбленная моя!

Что, разве губы у Хир
были тоньше, нежней и слаще,
чем губы моей Наджо?
Ни за что не поверю!

Я — бродяга, и ветер шумит свежо,
сердце слышит дороги зов,
и кругом идет голова.
Куда ни пойду, повсюду со мной
возлюбленная моя.

Не плачет она, не хохочет она,
я влюблен, и она влюблена!
Если путь бесконечно далек
и бедняжка валится с ног,
«Не пойду, — говорит, — хоть убей.
Ты не мучь меня — пожалей.
И зачем только вышла я за тебя?»

Что с того, если она
малость курноса,
если у ней костлявы ключицы
и черты лица грубоваты,
да и прочее — как у всех?
Душа моя тянется к ней,
к ее черным пьянящим глазам,
к ее черным, как уголь, кудрям.

ПАРУЛ

Парул —
ровесница ягодной грозди ююбы.
юна, как молочный зубок.

Улыбается сладко Парул.
Из глазенок ее озорно
выглядывает кто-то знакомый
по прежним рожденьям.
Что знает о жизни она? Ничего!
Вся забота ее — сосать материнскую грудь.
Но кажется: хочет Парул
немыми глазами сказать,
немыми губами сказать:
— Я — не гостья,
я пришла сюда жить,
и глаза у меня круглы,
как у куклы — моей сестры.

Гляжу, как Парул сосет молоко,
и не могу надивиться никак:
кто создатель ее и творец?
Я? Или мать?
Или она — просто вымысел мой?

А Парул — моя дочь —
открывает глаза
и прислушивается: что тут за шум?
Девочки в переулке
перессорились и визжат,
мальчишки орут: Вор! Вор!

А в комнате радио
гремит.

В этом геме снова и снова
хочет Парул сказать:

«Бегайте, прыгайте, ссорьтесь,
в барабаны стучите,
я не боюсь,
я даже не погляжу,
я буду с папой и мамой,
я — грудное дитя.

Я нашла свое место в сотах.
Кто благословит меня?»

Парул — моя дочь,
и минувшие тысячелетья
для нее — поросшая мхом скала.
Но притронется к ней Парул —
и парное молоко потечет из скалы.

Ресничкой расшатывает Парул
старый, как камень, смысл,
нащупывает, как ваятель,
формы изменчивой красоты.
К мудрости,
как малыши,
дни за днями идут,
за годами года.
Часто, перо отложив,
я шепчу на ухо Парул:

«Пальчиками твоими клянусь,
губками твоими клянусь:

посасывай материнское молоко,
остановить тебя никто не посмеет,
удержать тебя никто не посмеет,
одна у нас плоть с тобой,
одна у нас кровь с тобой».

Парул — моя дочь.

«Папа, что значит — Парул?» —
старшие дочери
ко мне пристают.

И как распускает пряжа клубок,
я тяну потихоньку нить
старой народной сказки.

«Жила-была девочка,
и звали ее —
Парул.
И было у нее семь братьев.
Умерла у них мать.
Год за годом время текло,
и пришла к ним мачеха в дом.
Выплакали сиротки глаза.
А мачеха
завела их на край земли
и в яме глубокой похоронила».

Страшно? Не бойтесь,
сказке еще не конец!
«А когда наступила весна
в этом пустынном краю,
проросла Парул из земли
и превратилась в душистый цветок.
Засмеялась Парул —
и братья ее расцвели,
семь душистых цветов жасмина!»

Часто, перо отложив,
я шепчу на ухо Парул:

«Парул — такой же цветок,
из первородной капли
он распустился — Парул!»

Парул — моя дочь!

«Цветущее будущее у меня!» —
смотрит она удивленно на мир.

Когда я из этого мира уйду,
когда мой светильник погаснет,
когда я смешаюсь с землей, —
дай же и мне прорасти,
в каждой весне расцвести,
как в старой
бенгальской сказке
расцветает Парул!

Тянет свой крохотный пальчик,
поблескивает молочным зубком.

А я дальше иду, туда,
где меня кто-то ждет.

Душа моя станет твоей,
и в тебе расцвету я в свой срок.

Парул —
ровесница ягодной грозди ююбы,
юна, как молочный зубок.

Буддходэб Бошу

ПОСЛЕ СОРОКА

Посмотри назад, но знай:
Память — не помощница, но бремя,
Да, ее богата кладовая,
Но живет там крыса, изгрызая
Прошлых дней связующую нить.
Сердце может это подтвердить.

Повторяй азы
С детства обретаемого знания:
Чего нет, того вовек не будет,
Так прими же, вопреки желанью,
Все как есть
В этом мире.

Ты не можешь все принять как есть?
Влейся в синеву,
Смой с себя покров земных долгов,
Растворись в счастливом ветре,
В серебристой тьме ночных светил.
Крикни в волны: «Я живу».
Крикни в мир: «Я жил!»

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Дневные дела день превратили в пыль.
Ожило ночью горячее воображенье.
Взметнись от биения крови, о прекрасное пламя,
Вещное сделай ветром, женщиной сделай луну,
Небесными звездами сделай земные цветы.

Взметнись на стебле жизни, взметнись, о священный
лотос,
Сделай меня вечно свободным в мгновенье покоя,
Сделай мгновенье долгим, словно вечность.

Тело сделай сознанием, сознание — жизнью, слей жизнь
со смертью,
Смерть сделай телом, жизнью, сознанием.

ЛЯГУШКИ

Рады лягушки: кончился дождь, молчат небеса.
Кваканье льется — слаженный хор, высокие голоса.

В высоких тонах первозданная радость звучит.
Страх перед распрями, голодом, смертью забыт.

Как туча, трава сыра; вода на лугах светла.
Безмерная радость в неистовых песнях выход нашла.

Осязаемо время дождей; мягче грязи нет ничего.
Горло раздуто, шея недвижна — седьмое поющее
существо!

Желто-зеленые тучи травы по душе пришлись
Лягушке. Она устремила стеклянные глазки ввысь,

Как в созерцании ищущий бога мудрец.
Ливень и день прошли.
Таинственный гимн к изумленному небу восходит с земли.

Стихает пронзительный хор. День еще раз вздыхает.
Рваный ритм темнота усыпляет.

Двери закрыты. Ночь. Мы прикованы к ложу удобно.
В застывшем мире звучит упорно и дробно

Без усталости голос; тайной мантры последняя шлока —
«Ква-ква-ква-ква» одинокое — издалёка.

К МОРЮ — С БОРТА КОРАБЛЯ

Я, как и ты, стал бездетным отныне —
Без суши, без хлеба, без крова, без леса, в пустыне.
Лишь волны да зыби, глубокие вздохи, тоска —
Как голод остра и, как горизонт, широка.

Как будто давным-давно при повторном рожденье
Бог даровал морю жизнь с предупреждением:
«Всегда уходить от того, что полюбишь, тебе суждено».
Вот отчего беспокойно и все негодует оно —
То в бешеном плясе, то в сдвленном плаче. На дно
Влечет мореходов; и штормы, и холод им шлет,
И плоть человечью зубами акульими рвет.
И горечь, соленая горечь в крови его синей.

И у меня нет ничего отныне.

ПЕЙЗАЖ

Бог, человек, воплощенье, Аджанта и Нотр-Дам
Разъяты на части. И с лестницы, что ведет в небеса,
Демонов, ракшасов, киннаров вопиют голоса:
«Боги вернули вселенную». Ты поздно приходишь к нам.

Сначала на цыпочках, молча. За улыбкой, равной
которой нет, —
Ветки, и небо, и дымно-пурпурные тени клубятся.
Луна пускает облачка покачаться
На волнах лунного света. Какой он тихий, твой свет!

Оставив охоту, лесные пиры и веселье дворцов,
Ты словно случайно увидел пространство без городов,
Но дым из трубы взвился, как вопрос:
«Это чье же домовье?»

В ответ, безжалостно бога отбросив, по мирозданию
Жизнь разнеслась: горестные причитанья,
Царства, победы, свадебные венки. И славословья.

ВРЕМЯ КАЖДОГО ДНЯ

Пускай в сплетенье ветвей суковатого дерева жизни
Не затихает вовек ветерок капризный,
Да песня облака-птицы, что многожды я прославляя
в обжитом
Гнездовье ритма; круженье годов, каждый крутой излом
Судьбы, извилистый путь вперед — на всем сияет

Отблеск той стройности, что поэзия сообщает
Языку; придет ли усталость, уйдет ли покой,
Сердце ли выбьет дробь разочарованья,
или барабанный бой
Смерти слышит кровь, — пускай на вершине сознанья
Останется след мгновенного пребывания,
Когда истину смог я вложить в голос души и заставил
Время уважить во временном мире незыблемость правил
Самых простых; забудь, что страшно бремя жизни,
неотвратимо
И самовластно, — и бремя каждого дня станет
неощутимо.

ПУТЬ В ПЕСКАХ

Пока возвращение было возможным, ни о чем
не раздумывал он,
Вот огляделся: песок, оком обнаженный,
Пара верблюжьих скелетов, колючка да скорпионы,
Поселок слов долгой цепью небес окружен.

Пленницы мысли стали мало-помалу
Стылой золой. А солнце взялось готовить еду
Из мяса и жира, будто он возродится в аду.
И жажда, как свора собак, за ним по пятам бежала.

Но тает мираж, показалась пальма, сначала одна;
Темный круг на песке — вот разгадка. И до воды
Безумными пальцами он докопался, кожу колен сдирая.

Капель воды жажду не утолить! Но он разбросал семена
Новой весны; на влажных руках налились плоды,
Голос, как зов муэдзина к вечерней молитве, летит,
освежая.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Там, на краю света, пустое небо окружено пустотой.
По небесному лику ходят кругами звезда за звездой.
Вселенная — миля за милей — сокрыта немереной тьмой.
Подобна твоим волосам плотная черная тьма;
Подобна твоим зрачкам черная тьма;
Но подойди сама и дай мне руку сама,
Не бойся, Канка.

Небо, как страсть, беспредельное, к лику земли припало.
Вмиг, как усталый ребенок, затихло время устало.
Воеет от одиночества мир — серый из края в край.

Подобно любви моей, непроницаема тьма;
Подобно страсти моей, беспредельна тьма;
Но подойди сама и дай мне руку сама,
Не бойся Канка.

Ночь низошла на тьму тем, на воротах тьмы —
корона луны.
Множество лунных корон в осколки серой памяти
превращены.
Пускай же вечно горит луна, согбенная под покровом
тьмы.

Подобна потоку волос твоих тьма;
Подобна страсти в глазах твоих тьма;
Но подойди сама и дай мне руку сама,
Не бойся, Канка.

Сказочна эта ночь, похожа на листопад.
Воспоминанья, как листья, желты и, как души умерших,
кружат.

В ночной темноте извиваются ветви, как змеи.
Приди же, там временам не будет скончанья,
Там двуединые день и ночь не знают гнета
случайности и страданья,
Там бесконечно время любви и возлиянья,
Не бойся, Канка.

От тяжести серых воспоминаний бесцветной жизнь
предстает.

Жаркая тьма твоих кос сверкает мощью
разлившихся вод.
Косы твои — это смерть, первозданная ночь, свитая
в пряди.
Разбуди же вихрь, чтобы пространство
взвилось,

Ступай, растопчи время и мир отбрось,
Мы поскачем в вихре твоих волос —
Не бойся, Канка.

Там, где звезда в разливе тьмы светляком искрится,
Горизонт опьянен и затмилась лунная вереница.
Лучи бессчетных пляшущих солнц истыкали время,
и бьет его крыльями птица.

Наша разлука — тяжкая черная тьма.
Как число этих солнц, она нескончаема.
Но подойди сама и дай мне руку сама,
Не бойся, Канка.

По небу мчит волос твоих тьма колдовская.
В электрическом блеске пустот она топчет смерть,
время освобождая,
Сонмом смертей, как первозданная ночь, свитая в пряди.
Приди же, там временам не будет скончанья,
Там слитые день и ночь не знают чередованья.
Там бесконечно время любви и возлиянья.
Не бойся, Канка.

Сундарам

ТРИ ДОМА ПО СОСЕДСТВУ

У Рамы в храме благоухают куренья
и совершается звон.
У сетха в новом дворце играет магнитофон.

Вкруг божества светильник обнесли...
Одни послушать песенки пошли,
Другие кланяются до земли.

Сетх — сосед вдовицы Махора, и Рама ее сосед.
А в доме вдовы ни снеди, ни денег нет.

Придет кому-то помолоть гороху,
На кухне ли какую сделать кроху —
Получит куль муки, поест лепеху.

Дворец торгаша у всех на виду, точно длинный нос,
Больше его только мраморный храма колосс.

Убога хижина, где жил Махор,
Черна, запущена, в ней грязь и сор —
Изнеженный отворотится взор.

Бог Рама ночами Ситу лелеет,
Сетх до полудня под балдахином млеет.

Едва петух на свой насест взлетит
И крик его округу огласит —
Вдова встает и к мельнице бежит.

Богу Раме помолится, свечку зажжет покорно,
Потом засыпает в мельницу зерна.

«Гырр! Гырр!» — рокочет мельница ручная.
Как будто прах, ложится пыль мучная.
«Смерть, смерти!» — пророчит мельница ручная.

Вдова Махора будет весь день голодна.
В день рождения Кришны есть не смеет она.

Лицо вдовы испариной покрыто...
Но что ей делать? Рама-бог и Сита
Не любят, если в праздник люди сыты.

В доме у сетха (как и у Рамы в храме)
Все же едят горох, приправленный овощами.

Торговцу можно и поголодать.
Горох с приправой тоже благодать...
А ей лишь пар издалека вдыхать.

И такая тяжесть на сердце ей легла,
Словно она сама на каменный круг легла.

И что она, голодная, натрудит?
Сетх и гроша ей наперед не ссудит.
И праздник у нее голодный будет.

«Гырр!» — никак не убудет зерна на круге,
И круга уже не крутят усталые руки.

Зерно становится мукою белой,
Стирается в трудах, скудеет тело —
И мельнице жужжать осточертело.

Зерно убывает, прибывает мука.
Не заработано на лепешки пока.

Лишь половина смолота зерна.
Опять голодной ляжет спать она —
И тяжелой будет ночь ее без сна.

Раскрываются утром двери дворца и храма —
Там, где бог велел, просыпаются сетх и Рама.

Все пробуждается и веселится,
Сладкоголосая запела птица...
Голодным голосом ревет вдовица.

Сетх веселится, священнодействует Рама —
Ароматы курений исходят от храма.

Вдова Махора на земле лежит.
«Смерть!..» — затихая, мельница визжит.
И черный ворон прилетел, кружит...

ФОТОГРАФИЯ МАТЕРИ

Мы с братом уговорили мать
Сделать ее фотографию — и повезли снимать.

В кресло ее усадили, разговорили — короче,
Устроили так, чтоб держалась в студии проще.

Фотограф голову ее повернул немного,
Чуть-чуть вперед велел ей выставить ногу.

Сари вверху и внизу поправил,
Складки лежать красиво заставил

И задвинул в студии занавески,
Чтоб светотени не получились резки.

Ловко вставил кассету под черной тканью,
Фокус взял соответственно расстоянью.

И вот незнакомый парень взглянул на мать
И стал говорить — перед тем как начать снимать?

— Не шевелитесь, посмотрите сюда,
Забудьте, что где-то горе или беда.

Теперь улыбнитесь, чтоб люди видели вас
Все время радостной — вот как сейчас.

Я повернулся, когда она улыбнулась,
От настоящего в прошлое нить потянулась.

Смех или слезы — чья перетянет чаша?
Поровну тем и другим жизнь изобильна наша.

Отец наш умер. Спасибо свекор и свекровь
С двумя мальчишками взяли ее под кров.

Все трудности в доме брала на себя она,
Лишь о будущем нашем заботой полна.

И счастья нет, и жаловаться ей грех —
Она же была готова выслушать всех.

Болезнь подкралась — людям не было дела.
И болезнь завладела ею всецело.

Тогда уж все спохватились, стали лечить,
Старались муки ей облегчить.

Как велел нам сыновний долг, а верней, любовь,
Мы начали к ней возить докторов.

В городе с ней бывали — в саду, на вилле,
В театры катали в автомобиле.

И чтоб не расстаться с ней никогда,
Взяли и привезли сюда.

Не зная радости ни на час —
Ни от отца, ни от бабушки, ни от нас,

Перед камерой черной она предстала —
И улыбнуться велит ей учтивый малый.

И вот, когда я повернулся к ней,
Высыпалась из глаз ее горсть хрусталей.

Фотограф сердится: вот ведь, пленка пропала.
Пропала вся жизнь — и не начнешь сначала.

ПРОПАСТЬ

Страшная пропасть легла между мной и тобой —
Я по одну сторону, ты по другую, брат мой.

Женщиной мы рождены одной,
Но ты учен, а я не учен, брат мой.

Ты в небесный купол вонзился яркой звездой,
А я на земле обретаюсь, брат мой.

Тебе — небосвод дневной и небосвод ночной,
А мне — квадратное поле, брат мой.

Солнечный свет источает твой взор живой,
Веки я на глаза опускаю, брат мой.

Ты сам внушаешь здоровье себе и покой,
А я лечусь настойкой из зерен, брат мой.

Ни сон, ни усталость не властны, брат, над тобой,
А я задыхаюсь во сне и храплю безбожно, брат мой.

Везде твой дом, куда ты ни ступишь ногой,
А у меня своей нет ни пяди, брат мой.

Тайною ты окутан непостижимою и святой,
А меня лишь любовь согревает, брат мой.

О Повелитель невинных, мир воздвигший своею
десницей,
Долго ли эта пропасть еще сохранится?

ИДИ ВПЕРЕД!

Как-то, без сна пролежав всю ночь,
Я решил, что постранствовать я не прочь.
Вскинул котомку — и вышел из дому прочь.
— Вперед, поспешай вперед!

Старый торговец встретился на дороге.
С товарами он проехал по странам многим.
— Мудрый старик, скажи, где обитают боги?
— Это дальше, ступай вперед!

И вот, освещенный огнями, я вижу храм.
Люди столпились — праздник, должно быть, там.
— Можно ли мне поклониться богам?
— Это не здесь, это дальше, ступай вперед!

Навстречу пандит, шастр священных учитель,
Неизъяснимого изъяснитель.
— Почтенный, ответь: Всевышнего здесь обитель?
— Нет, это не здесь, поспешай вперед!

Светильники вспыхнули, колокол зазвонил,
Праздновать, верно, Всевышний решил.
— Не там ли он часом? — я спросил.
— Дальше он, дальше! Иди вперед!

На празднике не гуляет, с людьми не живет,
С наукой не дружит и даже в храм не зайдет...
Только и слышу от всех: «Дальше, иди вперед!»
Но где это дальше, куда мне идти вперед?

ОЗЕРО

Есть маленькое озеро на берегу морском.
Оно поет о Кришне сладким языком.
Есть маленькое озеро на берегу морском.

Озеро, вдалеке красуются города,
Тело мне омывает теплом морская вода.

Но, озеро, почему вдруг в море вода опустилась
И страшная боль мне в сердце вонзилась?

Озеро, звери на отмель пришли из темных лесов.
Дети кричат на песке на множество голосов.

Озеро, для ловца жемчугов есть времена года,
А для меня всегда неизменна природа.

Озеро, есть дома, где цветы, жемчуга, павлины,
А для меня коробок слепили из мокрой глины.

Озеро, пусть дворцы касаются небосвода.
В лачуге из глины и свет для меня и свобода.

Озеро, у других атласная мебель дома,
А у меня постель — на полу солома.

Озеро, я равнодушен к житейской драме.
Судьба моя — песнопенья слагать о Раме.

Озеро, ты — лишь малый затон на морском берегу.
Я — лишь малый правитель в замкнутом,
узком кругу.

Б.-С. Мардхекар

ЦВЕТЫ ЕЩЕ БЛАГОУХАЮТ

Цветы еще благоухают.
Земля еще росой искрится.
Коза обшаривает ветви
кустов и нежный лист жует.

Цветет шафрановое небо.
Под небом розовый младенец.
Неподалеку дремлет буйвол
и сонным глазом мир объемлет.

Но вот грохочет канонада —
войны или землетрясения...
Как знать — одни и те же звуки.
Там снова старика хоронят.
Бог каменный не усомнится
в своей победе... Земножитель
тщеславно думает, что вечность
ему открылась наконец.
Высокомерная наивность,
когда бессмертие — кокетство.

Сопит Вселенная ритмично.
Пыхтит кастрюля с супом — небо, —
в которой потонуть не могут
народов письма и знаки,
смысл коих вечно неизменен.

Мгновенна жизнь, как будто глазу
сморгнуть...
Вбуравливаясь в темень,
куда стремится луч радара?

Осенне-золотое солнце
с больной души усталость снимет,
но свежих не залечит ран.

Цветы еще благоухают.
Земля еще росой искрится.
Коза обшаривает ветви
кустов и нежный лист жует.

Цветет шафрановое небо.
Под небом розовый младенец.
Неподалеку дремлет буйвол
и сонным глазом мир объемлет.

Баламани Амма

МАХАБАЛИ

О высочайшее из мгновений!
Оно мою душу зажгло, как огнем алтарного свечка!
Мои глаза все ясней и все зорче становятся,
устремляясь туда, где тускнеют и гибнут
земные предметы.
Это поистине, — так понимаю теперь, — драгоценнейшее
из всего,
что заработала я всей своею нелегкою,
долгою жизнью!
В это утро, средь многих огней — пылающих
подношений —
сам Неизменный, — я чувствую, — стал
открываться мне.
Да, это ко мне, смиренной, является Он в этот миг —
Тот, кто властвует небом, землею и преисподней,
Является, и приближается, и, простирая длань,
просит, чтоб весь мой мир я ему отдала,
как милостыню,
И конечно же, все, чем владею, сейчас положу
в эту длань.
Будь милосерден — измерь и возьми, о Повелитель
Кармы,
все три царства, добытые мною ценой
бесконечных усилий.
О, приди мне на помощь, Источник неиссякаемой
радости,
в это мгновение полной моей покорности
и прими мой мир, как в те времена, когда
завоевывал все миры!
Когда я плоды моих тяжких трудов собрала у себя
во дворце,
задушенной жизнь оказалась, — лишь ныне
врата распахнулись,
так рушится дамба, когда переполнится водоем!

И вот я здесь — где ничего не просят, где ничего
не берут, не копят,
Здесь лишь одно непрерывное принесенье в жертву,
И все земное, чем я владела, в золу превращает
священный огонь.
Но сердце мое ничуть не слабеет: оно обретает
решимость,
И мне лишь с одним, — я должна признаться, —
трудно расстаться:
Расстаться с великой радостью ближним своим служить,
Но ты, о мой Властелин, мне велишь отказаться
даже от этого,
Чтобы душа обрела долгожданный, желанный Мир.
Если так, о Великий, прими мою скромную жертву, —
Пусть каждая капля из моего молитвенного кувшина
Достигнет дланей твоих!.. Слепцы, кто пытается этот
поток сдержать!
Воздух густеет от ароматного дыма
бесчисленных, на кострах горящих даров,
И пенье небесных существ все слышнее в сердце
звучит моем.
Где-то там, далеко-далеко, на вечнозеленой груди земли,
мой дом пристроился — хрупкий, игрушечный
домик мой,
который сюда захватить я забыла с собой,
А зато сейчас предо мной — зримый, громадный,
тучею грозовой
вздывающийся, прекрасный, мой дух
потрясающий облик твой!
О ты, наш Верховный Освободитель, благословенной
стопой
Коснись моей головы, еще полной гордыни,
И пусть принесение жертвы моей совершенным станет
отныне!
Сделай так, чтобы мне почувствовать жизнь мою
лишь крохотную песчинкой,
затерянной в необъятном рожденье, вращенье
и разрушенье
неисчислимых миров, оживляемых
прикосновеньем
твоих божественных ног...
Исполинский поток, где нет ни ночи, ни дня, ширится
вкруг меня,
и теряюсь я, исчезаю в безмерной его круговерти.
Это — Бессмертие.

НА КАЧЕЛЯХ

Качайтесь! Качайтесь, качели мои! Взлетайте!
То вниз кидайте меня, то вверх взметайте,
Свой танец чудесный не прекращайте, не прекращайте!
Вас держат, как твердые пальцы, веревки —
лесные лианы,
Черту за чертой в пустоте проводят они, неустанные.
Играйте же, снова и снова играйте-взлетайте!
О украшение жизни — веселие первозданное!

Будто чья-то душа, по земле скитаясь,
сейчас легко переносится через горы,
Вы взлетайте в танце, и кажется: ваши руки
небесные приближают просторы.

Когда же Владычица-ночь прибудет
Со всей лучистой свитой планет,
Горсти божественных радостей нам бросая,
Завернутых в лунно-серебряный свет,
Когда на ветви баньяна сотни алмазов,
Ярких алмазов сыпаться станут опять,
Тогда еще веселей танцуйте, мои качели,
Чтоб мне самоцветы эти собрать!

Чудится мне: из глубин поднялось, развернулось
земли золотое победное знамя.
Чудится мне: как раскрытые крылья павлиньи,
распахнулась краса земли перед нами.
Качайтесь, мои дорогие качели! Играйте!
Меня взметайте до звезд весенних!
Свой танец чудесный не прекращайте, —
Успею еще отдохнуть у матери на коленях.

Качайтесь, мои качели! И с каждым взмахом
Дарите мне теплые вздохи блаженства вечного
Чувствовать всякий раз!
И пусть минуты, часы — дети времени быстротечного —
Толпой восторженной окружают вас,
Кликамы громкогласными прославляют нас!

Тиратх Басант

Я, я, я...

Это я, я, я,
 мне, меня, мое, со мной...
Это карр, карр, карр!
 Слышишь, как оно кричит
злойной галкой на суку!
 Ни осел, ни конь, ни мул,
ни пичуга, ни зверье
 без тебя ни тпру ни ну,
понукающее «я»!
 Крик осла, собачий лай —
это «я», «я», «я»!

Мне отвратительна самая мысль,
что это «я» — неписанный закон не для меня одного,
что все живущее пронизано им,
что оно лишает все взоры могучего дара видения;
если бы я мог порвать с ним,
бежать от себя самого,
стать еще кем-то —
им, ею, тобою, ими...
Кто в силах вынести это первобытное бремя,
безбрежную гордыню тем, что нет достойных соперников.

И кричит во мне «Не я»:
 я — не я, не я, не я!
«Я» — смятение ума,
 «я» — тщеславие и спесь,
возведенные в закон!
Чей это портрет? Не мой!
 Я совсем-совсем другой!
Камера бесстыдно лжет!

И если дело обстоит так,
как я утверждал,
тогда зеркало моего разума
творит миф в образе истины,
фантазию в образе силы.

По правде говоря,
всякое существо имеет свой способ видения.
Но никто не видит, а что он такое на самом деле.
Так откуда же этот взгляд
на тебя, на меня, на него?
Откуда этот мираж,
это бесконечное искажение видения,
простирающееся далеко за ряд причинностей?

Короче, что же оно такое, наше «я»?
Кто знает, что оно — выдумка смышленного малого,
умственное воспроизведение продукта эволюции,
который подавляет здравый смысл чудовищною ложью
о единственном, непревзойденном
я, я, я?..

МЕЧТЫ

Долгое время тоски
я провел под замком
в барсате,
Где утки, воробушки, голубки
нежным своим языком
говорят от зари до заката.

А в полночь
кошка бездомная, серая
закопошилась в углу.
Я не хозяин этой пещеры,
чтоб не велеть ей играть на полу.
Она одинока,
так ведь и я
одинок.

Но кошка мяучет, мурлычет,
глазами прерывно мигая...
Знать, все ее «мяу» и «мур»
тесны чересчур

В сравненье с той мыслью, что вымысел яростный кличет,
Границу безвременья с временем убирая —
или

Пресытилась серостью мира кошачья душа,
и ум заиграл в ней, горячих мыслей сноп вороша,
Таких, что до самых основ потрясают природу
и силой судьбу изменяют причудам сердца в угоду.

Кошка, я знаю, есть в натуре твоей
что-то еще, кроме ловли мышей,
Что делает мир лучезарной игрою, невиданным сном,
все сущее переворачивает вверх дном,
но, достигнув апофеоза власти,
разрешается вновь в пустоте, в бесстрастье...

Н.-Г. Дешпанде

ПОСЛЕ ДНЕВНЫХ ТЯГОТ

Уже не сорвется
Песня
С нежных сомкнутых губ

Под смятой прической
Задержулась шторка
В мозгу

Бросив последний взгляд
Как цветок
Когда облетает он

Пристально глянут глаза
И тебя
Одолеет сон

Губы просят «ты спи»
С улыбкой
Безвольной

Твой профиль
Нашаривает лампада
В комнате прямоугольной

Минута
Вслед за минутой бежит
Обдумыванья упоенье

Вздохи твои
И слова
Теплое будят движенье

Сон безмятежен твой:
Вздывается и опускается грудь
Под простыней

ДЕВУШКА ВСЕ ТАНЦУЕТ...

Там, в глубине долины,
Тихо, темно и странно.
В дымке туманной
Засыпает мужчина,
А девушка все танцует...

Звезды глядят с небосвода,
Тревожа души основы.
Их песня пронзает воды
Озера голубого
С неколебимой гладью.

Ничто сливается с нечто;
Благоухая
В воздухе млечном,
Округу запахом овеая,
Трепещут жасмины.

В трех листках недвижимых,
Словно в танце любовном,
Пара незваных, незримых,
Мягких, почти бескровных
Рук окрыленных.

Ветви шумят в высотах.
Вновь в заколдованном замке
Видишь тени и знаки.
На высочайших нотах
Птицы щебечут в кронах.

Тьма долину объемлет.
Но расцветают несмело
Красный, синий и белый.
Мужчина все дремлет,
А девушка все танцует.

ЧТО ЗА МУКА МЕНЯ ГНЕТЕТ...

Черная ночь — как смоль;
Над головой
Всех очей ее боль.
На голой земле стоит

Одинокая пальма.
Трагических клятв слова
Бормочет ее листва.

Близко, еще в пределе
Видимости — корова,
Жующая еле-еле:
Долго любитесь тьмой,
Только порой
Мордой к стожку прильнет
И отщипнет.

Бьющихся крыльев
Слышится звук,
Стройная пальма
Вздрыгнула вдруг:
Птица сквозь сердце ее прошла
И мелькнула во мгле, как стрела.

Глаза все круглей, все шире.
Я их не могу закрыть.
Било четыре.
Что бы мне сочинить,
Если спрашивать пальма начнет,
Что за мука меня гнетет?

Бишну Дэ

КАРТИНА СОРОКАЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Не с тех ли пор на полу веранды
солнце рисует узоры? Или это сияющий призрак?

В плетеном кресле сидит Он вольготно
за небольшим столом.
Что же он пишет —

горячим ветром? Быть может, роман?
Новую книгу «Гóра»? Или судьбу Дамини?
Или статью-протест?
Или речь?
Или бессмертные строки стихов? Или, пастырь времен,
он выводит на флейте мелодию, долго слагавшуюся
в уме?

Вот он встал. Он обликом богу подобен. Он перо
отложил.

Он ходит: каждый шаг по веранде — новая мысль.
К дальним странам взгляд его обращен.
И слова, будто сами собой, с уст слетают
и сливаются с мимолетящим ветром.

И снова он победоносной рукой
сеет слово. Южный ветер разносит
во все края мелодию пера —
столь быстры взмахи крыла, что движенье неуловимо
для глаза.

На пол веранды ложатся солнечные лучи;
прощальные тени,
их ветер уносит, стелющийся по земле.

Исчезло виденье.

Сидел молодой человек под деревом. Вспоминал.
Возвращается в наступающих сумерках
в чайную или на безлюдную станцию.

БОКУЛ

На старом фото сбоку от старого дерева бокул
двое сажают новое дерево бокул...
А сегодня цветы его, опадая, поют о разлуке,
и песня плывет по вечерним горам,
мриданг неба звучит — благоуханные звуки
наполняют собою пустой лунный храм,
и деревья в саду к небесам простирают молитвенно руки.
Чередой очей двадцать два миновало цветенья,
и сегодня — цветы... Сколько лет и трудов
неужели впустую? Гирлянду цветов
ей на шею повесь...
Одинокое дерево здесь —
а друзей я уже не увижу.

СУМЕРКИ В КОНЦЕ ЛЕТА

Сумерки в конце лета. Я с берега близких осенних
дождей
вглядываюсь в далекое и размышляю:
О мир!
О родина! Вас забыть невозможно.

Все живое исполнено красоты и достоинства: и слух,
и зрение, и сердца
людей на празднике Холи покоятся на волнах красоты,
которые бьются о берег привычно неодолимый,
такой же бессмертный, как жизнь, и люди,
ожидая явления красоты сверхъестественной,
улыбаются сквозь нежданные слезы.

Словно сияние женской ликующей плоти:
округлый лик, изящный стан, и всхолмленья груди,
и руки — кружение звезд, и волнообразное движение
бедер;
и мы в постоянном движении: здесь и сейчас —
в быстром,
там — в беззвучно мгновенном.

Омывшись светом летних сумерек, осень простерлась
в небе и в теле,
облака, и прибой, и песчаные дюны, и алмазные сполохи
солнца на волнах.

А потом? Бессонница в темной камерке или темное небо,
уходящее в море сна.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ — ВЕСЕННИЕ ОБЛАКА

Зимний закат, на закате — весенние облака. Нет, не зря
в древних гимнах воспета твоя красота, заря;
как будто некто поставил танец в огнецветных одеждах,
последнюю страсть героини к финалу умиротворя
глубокой гармонией мира, множеством грустных цветов,
и на вечных подмостках бесконечного действия
актер в семицветном наряде
достиг наивысшего мастерства.

На крышах калькуттских домов,
над купами остолбеневших деревьев,
над печалью городских потемок, там, в высоком горении
праздника преодоления, там пестрые воды Ганги укрыли
плачущую Савитри.

И города горькую память беспамятство неба укрыло;
и за городом — просторы,
равнины, моря и горы
укрыла забвеньем всего, что было,
добрым, нежным, родным и ярким — ярче ада и рая —
светом заката мать-заря,
наша бессмертная мать добрая, нежная,
несравненная и родная...

СОЛНЕЧНАЯ РОДИНА

Вечный источник юности — чаша озера горного;
на острове в среднем течении Ганги явилась Кришне
полная сила:
он не из Пандавов, не из Кауравов — он из рода
Ядавов гордого.

Наше сознание залито кровью, но синее озеро мир
затопило —
бескрайней оно и синее беспредельного моря горнего,
а колесничему юному, Кришне, оно лишь по бедра было.

Там шепчут ракушки нетерпеливо — ни днем ни ночью
не дремлет оно,
там тысячи ликов ищет увидеть паломник в пещере
Капилы,
там тростниковые плавают тигры и крокодилы уходят
на дно.

И ныне мы все — кто умом, кто сердцем — молим
о ниспослании вод,
чтобы страну, озаренную солнцем (ах, если б
счастливую!), влага омыла
Ганги, струящейся величаво из разверстых небесных
ворот,

чтобы, как лотосы озера синего в солнечном свете,
так же прекрасны и так же богаты стали жизнь и народ,
чтобы могли мы, смеясь и танцуя, жить до смерти
на этом свете,

чтобы, как юность весеннюю, встретить
восьмидесятилетье.

В.-К. Гокак (Винайка)

СЕЗОН ДОЖДЕЙ В ВИСНАГАРЕ

Дождь прошел. Сухая земля прохладна,
А трава — росиста и зелена.
Пестрые попугаи кругом щебечут,
И павлин, на крыше замерший гордо,
Смотрит вдаль, на череду облаков.

Расшумелись лягушки, трещат сверчки,
Голубь нежно воркует, привет посылая
Всем полям, где нынче проснулись всходы,
Птицы, что всю ночь на ветвях дремали,
Тоже пробудились после дождя.

Женщины с едой про запас шагают
Вслед за пахарем, за парой белых волов,
Рассаду держат уже наготове.
О серебряный смех, о эта молитва —
Благодарность доброму богу дождя!
Щеки их румянее, чем заря,
Равнодушны останутся ли мужчины,
Слушая женский, неумолкающий смех?

ПЕСНЯ СЕРДЦА

Не уходи, я тебе принесу жасмина цветы —
Символ любви и красоты.

Испытаний, посланных смертным, не счесть,
Путь мой горек, но я почитаю за честь
Превозмочь страданье, ибо лишь в этом
о оправдание жизни есть.

Боль моя, ядовитый цветок,
Плачет душа, я одинок,
Но песня — печали итог.

Юные звезды мне смотрят вслед,
Я прохожу тенью планет,
За край небес, где времени — нет,
Дабы сердце мое претворилось в свет.

Чувство, что душу полнит мою,
Подобно пчелиному хору в рою,
Звукам мриданга в небесном раю.

Душа, рожденная далью времен,
Мне шепчет — давно я тобой пленен.
Пусть счастьем будет мой день озарен!

ПРИГОРШНЯ ПРАХА

Совершается чудо преображения:
Возникает нечто из ничего.
Из праха рождается Божество,
А душа становится Небом.

Побег пророс из горсти земли,
Жасмином этот цветок нарекли.
Глина открыла глаза и замерла

в восхищенье.

А вот — олененок копытцем бьет,
В зарослях кокил сладко поет,
Рыком лев оглашает дол,
И в поднебесье парит орел.
Весть Провиденья, зеленый листок,
Зрелости мира сладкий глоток,
Разума высшего суть.
Праха горсть стала солью земли.
Вышли из глины герои и короли.
Она возвестила приход зари:
Приход Прометея, Будды,
Иисуса Христа.

Пыли горсть,
Неба синего око,
Начало начал
И исток истоков.
Истина да пребудет чиста.
Слушай, она разомкнула уста.

И ЧЕЛОВЕК — ВОСПИТАННИК БОГОВ

Всевышнему — владыке надо всем —
Однажды Время молвило: «Я правлю,
Поскольку был Твой Промысел таков,
Чтоб от бездонных бездн до вышних высей
Я правило пернатými и зверем,
Сатиром, фавном, феей, и гандхарвой,
И человеком... От бездонных бездн,
Где все забыли, что такое время,
До вышних высей, где оно сошло
На нет в безмерной вечности... Чтоб Время
Владычило твореньем и судьбой!
Все покорились мне, никто не ропщет,
Источник смуты — только человек!
Лишь человек не знает дисциплины
И вкуса к отреченью от надежд,
Лишь для него нет истины, помимо
Его желаний... словно светлячок,
Мигающий ночами на болоте,
Он пыжится сиянием ума,
Ничтожности своей не замечая.
И на лису больную он похож:
Лису, больную самолюбованьем.
Он человек, но губит он людей.
Я смущено. Как быть с ним? Как мне
править?»

Ответствовал на это Вечный Глас:
«Он повзрослеет и преобразится
И устремится к светочу Добра
Из бездн беспримерных злодеяний.
Ошибками он путь себе торит
По направленью к горнему престолу,
Дабы воссесть однажды возле Нас.
Богopodobным создан он, невинным
И чистым — и понятъем Красоты
Не обделен, пусть до поры и скрытым.
Но был он соблазнен и покорен
Врагами человеческого рода,
Впал в искушенье и в великий грех,
Их почитая Словом и Законом.

И я, Всевышний, чтоб его спасти,
Вдохнул идею жертвоприношенья
Во дни его — и огненный алтарь
Велел возвесть... Но тьма была сильнее —
И мантра стала магией, слова
Возникли там, где отзвучало Слово,
Неблагодарность обуяла мир,
Кумирами моими оскверненный.
— Он явлен людям, — плакали одни,
Другие же взирали равнодушно. —
И замер вздох Любви, и никого
Не встретил я, придя в венце терновом.
Пришел не признан — и один ушел.
Я чувствовал: толпа не замечает,
Что Благо льется на нее с небес
И светом знанья землю озаряет.
Мне стало больно. И разверзлись вдруг
Чудовищные пропасти в лазури
И светом, жалящим, как скорпион,
К познанию погнали человека —
И вскоре оказался до зубов
Вооружен он азбукой науки.

С усмешкою глядел я на него:
В полнейший нуль уперлись нигилисты,
Для мудрецов я был гермафродит,
Для феминисток — женщина... Творили
Меня по разуменью своему
Все разом, каждый — в собственной ловушке.
Меня назвал Природой пантеист,
А гуманист — оградой палисада.
Искавший сущность в сущем находил
В пустом песке крупички золотые,
На том же пляже затевал пикник
И крошки подбирал эпикуреец,
Пока прагматик и социалист
Довольствовались малым (и боролись
За малое), хоть жизнь сулила всё...
И все они в потемках пребывали,
В затмении и мозга, и души,
И, отрицая Душу Мировую,
Не Богу поклонялись, а богам.
Единство их манило — не Единый, —
И рассыпался их калейдоскоп.

Сквозь жизнь брели с трудом, как через
джунгли,
Порывам Веры не умея внять».

И так на это Время возразило:
«Гость жемчугом усеянных небес,
Во мраке светоч, укротитель грома,
Биолог, врачеватель, инженер,
Он Индрой стал, царем земли и неба!
Он возгордился ныне! Он забыл
Или не знал, что значит милосердье.
И трон его трещит! И трон его
Вритра-трясенья выдержать не сможет!
Его владенья Вритра приберет
И превратит во прах. И серный пламень
Охватит все творения людей.
Он возопит тогда. Он затрепещет —
И обратится к Богу наконец,
И Бог изменит суть его и облик,
И рай тогда настанет на земле.
Неведомое чувствам воспритье
Притьем обернется Бытия
Всемирного, и сбудется реченье,
Что человек — воспитанник богов!»

П.-С. Пере

СЛОВО

Слово — это больше, чем пара губ.
Пара губ — это больше, чем три ступени,
Которые смотрят вдаль,
Храня покой и терпенье.

Считая в уме,
Успокоишь сердце совсем,
Отнимешь 2т,
Потом прибавишь 2т.

Умный знает больше других,
Мудрец совершает открытья.
Но как подсчитать ничто —
Попробуйте определите.

Шри Шри

ПРАВДА ЛИ?

Правда ли мир наш — прекрасный мир?
Правда ли, правда ли это?
Правда ли правят покой и мир?
Правда ли, правда ли это?

Правда ли сгинут навек нужда,
Горестные стенанья?
Правда ли сгинут навек вражда,
Ненависть, одичанье?

Правда ли цепи рабов падут,
Скверное время канет?
Правда ли, славя любовь и труд,
Радостный день настанет?

Правда ли море полюбит штиль
И позабудет шквалы?
Правда ли плаванье в тыщу миль
Кончится у причала?

Правда ли, правда ли это?

ПРОГРЕСС

Суета,
Неразбериха,
Крик какой-то, шум и гам!

Слишком было
В мире тихо.
Позабыли стыд и срам!

Рукоплещут всем речам —
Всем, кто смуту
Сеет лихо!

Вот они!
Они грядут!
Все в крови, но непреклонны!
Орды?
Толпы?
Нет, колонны!

Многие из них умрут.
Мир —
Алтарь, залитый кровью.
Перемен все в мире ждут!
Даже воздух веет новью!

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Волны волнуются,
Колокола беснуются,
Голос иного мира даруется
Этому.
Голос иного этому
Даруется, волнуется, беснуется,
Накатывается,
Накидывается, —
Смерть наша
Жизнью
Всего лишь прикидывается.

Кутим и катим
С песней-проклятьем
И с распростертым смертельным объятьем
Все ближе к цели,
Все ближе к щели.
Голос иного мира глаголет,
Как водопад:
Только вперед
К вечному шуму неистовых вод.

Кровь наша хлещет,
Взятая в клещи.
Тыщи и тыщи обрывов над бездной.

Где наш учебник?
Где старый судебник?
Не воскресит нас ни бог, ни волшебник —
И ни леса, ни пустыни, ни реки
Не сократят наступления сроки:
Роза ветров — перекресток дорог.

Юность приветствует рыком разлук,
Львиным, орлиным, и гончим, и ловчим,
Всех, кого топчем,
Пока не затопчем, —
К стенке, в застенки,
Харкотиной в зенки
Всех, у кого задрожали коленки.
Старческой сходке дорога
В расход!
Только вперед:
Где свобода нас ждет —
Витязей ждет
Или жаждет,
Зевая
Зевом, кровавым от края до края.
Ты ли, Бастилия стыло-седая,
Выстоишь приступ?
Твой старческий приступ
Ярости,
Как твой всегдашний девиз,
Туп!

Знамя свободы — и только вперед.
Жизнь наша
Смертью
Всего лишь прикидывается:
Молнией мысли
Бесмысленных бьет,
Смерчами чувства
На вялых накидывается,
Громом,
Как рыбу,
Трусливых глушит —
В вашей глуши, даже в вашей глуши!
Чтобы в грязи прозябанья земного
Место расчистить для мира иного.

Как раб,
Карабкаясь,
Вчерашний и всегдашний,
Стремится пашня
Стать бесстрашной рукопашной.
Судьбы суть ссуды до срока суда.
Все отовсюду и только сюда!
Юная кровь отвратительна старшим.
Юность,
Твой кров стал стремительным маршем.
Масло уже закипело,
А тело?
Кровь это хворост на правое дело.
Как водопад
Или вихреворот:
Только вперед.
Непрерывно вперед.
Или не слышите звона и лязга?
Мира иного блаженная ласка.
Мира иного священная пляска.
Порох пора приготовить из праха,
Ветошью века прочистить затвор.
Люди, лишённые ложного страха,
Ринутся в темень
Каменьями с гор.
Мир огласят они
Криком орлиным
И опояшут кругом змеиным.

Это рассвет.
Это истинный свет.
Это гремят барабаны побед.
Это фанфары, удары, пожары,
Это военных судов приговоры
Старому миру.
И вот он —
Иной, —
Разом покончивший со стариной,
С плесенью, с гнилью —
И красное знамя,
Как на могиле,
Взметнувший над ними.

ВЛАСТЬ КАПИТАЛА

Когда он, заграбастав красоту,
Руками ближних созданную, встретит
В глазах у нас тоску, и пустоту,
И нищету всеобщую заметит,
И тяжкую, как камень, немоту, —
«Терпите, люди», — так он нам ответит.

Мы от зари стенаем до зари
На тяжелой изнурительной работе:
Надсмотрщики сосут, как упыри,
Недуги заглушают голос плоти;
А он бесстрастен: «Что ни говори,
Вы наш обычай праведный блюдете».

А стоит нам бессильно или зло
Отбросить прочь мотыги и лопаты,
Он скажет: «Если стало тяжело,
То, лодыри, вы сами виноваты.
Свое вы невзлюбили ремесло,
Но, слава богу, чтут свое солдаты!»

БЫК В ГОРОДЕ

На центральной магистрали
Вы его не примечали?
Пережевывая жвачку,
Он лежит, чуть-чуть враскачку,
И прервать не хочет спячку.

На центральной магистрали,
Нерушимый, как скрижали,
Каменной лежит насмешкой
Над людской всегдашней спешкой,
«Не спеши, — зовет, — помешкай!»

Кто ж с центральной магистрали
Сгонит идола подале?
Жми, водитель, на педали,
Чтоб пути не преграждали!
Или бык с тупою мордой
В полном праве, зло и гордо,
Запереть нам на века

Путь в грядущее?
Проснитесь!
Бык пред вами!
Приглядитесь —
И гоните прочь быка!

ДРУГОЙ БЕРЕГ

— Испугалась отчего ты?
— Слишком ночь темна!

— Почему фальшивят ноты?
— Лопнула струна!

— Что за тени замелькали?
— Те же, что в аду!

— А куда пойдешь ты дале?
— За реку пойду!

СВЕТ НЕБЕС

Сам с собою как чужак
В тишине, со мной молчащей.
Лишь накрапывает мрак,
Словно дождик морозящий.

Вечер, ночь и вот — звезда,
Замерцавшая тревожно.
И окошко как слюда.
И забыться невозможно.

В этой комнате с утра
Отошел один несчастный
И со смертного одра
Взмыл в потемки дух безгласный.

И скитается теперь,
Выпив масло из лампы.
Стонет жалобно, как зверь
Посреди глухой ограды.
Ищет выход, бьется в дверь,
Просит в сумраке пощады.

Кровь на лезвии ножа —
Так во тьме трепещет пламя,
В плоске глиняной кружа,
Словно демон над мирами.

И лампада вдруг — кричит!
Вдруг взяла — и возопила!
Не горит уже — чадит,
Из последней светит силы.
Свет далекого светила
Скоро бедную затмит.

И угасла. И в зенит,
Став звездой, блаженно взмыла.

ФРАГМЕНТЫ АЛФАВИТА

Г

Где — нигде и никогда.
Где — гадайте, гневно споря. —
Где начало,
Где конец,
Где исток и корень горя?

Горя тысячи причин, —
Годы нам не разгадать их, —
Горя женщин и мужчин,
Горя в огненных объятьях,
Горя тягостных годин.

Глаз горит,
Губа горит,
Горек вдох и горек выдох.
Грусти
Груз на нас лежит,
Голова трещит в обидах.

Где ворота?
Где стена?
Где страданию цена?
Где разгадка у загадки?
Гибель разве что одна.

Гений разве что...
Геройство...

Героически молчать —
Гениальнейшее свойство
Голосов,
Готовых закричать.

Где начало,
Где конец,
Где исток и корень горя?
Где — нигде и никогда.
Где —
Гадайте,
Гневно споря.

Д

Другою, песня, стань,
Другой —
Другой и дважды дорогой.
Душою,
Думой стань моей.
Догадкой,
Девою
Довлей.

Дождь зарядил
Давным-давно.
Дойдешь ли?
Долго...
Далеко...
Дрожит и дребезжит пила.
Должно быть, крови не пила
Давным-давно,
Давным-давно...

Да будет небо
Для меня
Дворцом священного огня!
Да будет домом
Дальний дым!
Да будет
Деревом моим!
Да будет
Демоном ночным!

Добыча демонов ночных,
Да не увижу больше их —

Дождем стучащих мне в окно,
Дрожащих жалко и смешно,
Дерущихся
Друг с дружкой,
Дерзких,
Дикарски
Дьявольских и мерзких!

Догонит время
Дни мои?
Давай, тигрица,
Догони!

Досаден мне
Дешевый страх.
Достигну
Дали в небесах!

Душа — держава.
Дом как дым.
Достранствуем —
Договорим.

Е

Единство — это главное для нас.
Единство наш единственный наказ.
Единство наше главное владенье.
Единство — это не разъединенье.
Единство наших чаяний и дум.
Единство, а не крики наобум.

Единство — это праведный уклад.
Единство запрещает нам разлад.
Единство — всех, навеки и во всем —
Единственное, для чего живем.
Единство — это мудрость мудрецов.
Единство есть основа всех основ.
Единство — это правда и мораль.
Единство — это счастье и печаль.
Единство — всех, навеки и во всем —
Единственное, для чего живем.

Единство наша цель, разгадка, суть.
Единство там, куда не заглянуть.

Единство человека и страны.
Единство — значит, войны не нужны.
Единство — всех, навеки и во всем —
Единственное, для чего живем.

Единство — это главное для нас.
Единство — но не завтра, а сейчас.
Единство, единение в единстве.
Единственно спасение в единстве!
Единство наших снов и нашей яви.
Единство — в полном блеске, в полной славе!

Ж

Живем, притворствуя.
Живем,
Жалея, что еще живем.
Жилища джунглей —
Жизнь людей —
Живое жалит
Жалом змей,
Желая
Жалости чужой.

Жар жжет в груди?
Живее спой!
Живее спой о том о сем!
Живем, жалея, что живем...

Жестокость правит в мире,
Жуть,
Железо,
Желчь...
Жгуты на грудь
Живому наложи. —
Живое
Ждет мира —
Ждет от нас с тобою.

З

Залетная птица
Здесь не загостится.
Забудь эту землю,
Забудь эти знаки
Зазнайства и злобы.
Забудь — и за мной!

Закатное пламя,
Заветное знамя,
Забудь эту землю,
Забудь эти знаки
Зазнайства и злобы.
Забудь — и сгори!

За мной — барабаны,
Зовущие рьяно
Забыть эту землю,
Забыть эти знаки
Зазнайства и злобы, —
Звучите за мной!

Земные народы,
Законы свободы
Зовут изменить
Загадочным знакам
Зазнайства и злобы,
Заведшим нас в пропасть
Забвенья
Земли!

И

Итак, мы расстоянья покорили
И тыщи миль теперь короче мили.
Исчезла высь небесная,
Исчез
И вздох о непостижности небес.
И время,
Изменилось даже время!
Иначе бы не мы —
Иное племя
Искало путь-дорогу в облака.
И пробил час!
И пробил на века!
И я дарю
Исходную идею
И истину искомую лелею:
Иной источник света
Исключен.
Ищи в себе!
Ищи во тьме времен!

ПЕРВОЕ ОКТЯБРЯ

1

В этот день еще не знали сами,
Кто придет и станет править нами.

Этот день знаменовал начало.
Песня о свободе зазвучала.
Но на радость или же на горе
Будет то, что предстоит нам вскоре?

Как дитя, рождается свобода
В рабстве пребывавшего народа.
Как дитя, рождается... И это
Наша — пусть неполная — победа.

Нужный срок прошел с начала года.
Родилась здорово свобода.
Потому и в доме ликование,
Потому в глазах у всех сиянье.

2

Пойте хором, хлопайте в ладоши.
День сегодня выдался хороший.
Все на праздник нынешний стремитесь.
Бейте в барабаны. Веселитесь.

Поезд не пришел по расписанью?
Как найти причину опозданью?
Паровоз сломался? Иль весенним
Мост снесло могучим наводнением?

Но не зря же мы его встречаем!
Станцию цветами украшаем
И поем, приветствуя прибытье.
Вот оно, великое событие!

Поезд прибыл вовремя и целым.
Ликование нынче в мире целом!
Все на праздник нынешний стремитесь.
Бейте в барабаны. Веселитесь.

С прошлым мы покончили проклятым.
 Андхра, наконец ты стала штатом!
 Долго мы боролись за свободу.
 Нынче время праздновать победу.

Андхра, для чего ты стала штатом?
 Чтоб еще богаче жить богатым?
 Нет и нет! Рождается свобода
 Не для них, а для всего народа.
 Потому что целеустремленно
 За нее боролись миллионы.

Праздник будет долог, будет славен.
 И торжествен будет, и державен.
 Будут все исполнены обряды.
 Исполнять их люди будут рады.
 Но когда закончится гулянье
 И гостям помашем на прощанье,
 И умолкнут здравицы и речи,
 И прервутся радостные встречи,
 И затихнет, буен и неистов,
 Праздный пыл столичных журналистов,
 Обернется хлопанье в ладоши
 Для народа
 Новой тяжелой ношей.

Нами завоевана свобода
 Для него,
 Для нашего народа.
 Господа, что нынче к власти рвутся,
 О народовластие споткнутся.

Образцовым стать должны мы штатом —
 Честно и заслуженно богатым,
 Штатом с процветающей культурой,
 С верною векам литературой,
 С языком, достойным предков наших.

И еще одно напомниманье:
 Путь вперед —
 Переворот в сознание.
 Чтобы мир вокруг нас изменился,

Нужно, чтоб язык преобразился.
Потому, едва свободны станем,
Наших просветителей помянем.
Гидугу помянем, Гуразаду.
И других певцов припомнить надо.
Их творенья
Память напитали.
Им благодаренья зазвучали.
Их благословенье,
Назиданье
Для людей —
Священное посланье.
Нас благословляющие боги,
Будут нас
Хранить они в дороге.

В этот день забудем все печали.
Важно не кем были мы —
Кем стали.
Если мы сплотимся всенародно,
Нива наша будет плодородна.

Флот торговый наш покрыт был славой
Нынче и лодчонки нет дырявой.
Поезда на станциях застыли,
И лежат дороги в тучах пыли.

Завтра мы построим самолеты
И пилоты выверят полеты,
Завтра будут наши пароходы
Бороздить в морях далеких воды.

Наши драгоценные каменья
Приводили гостя в изумленья —
Россыпь их на улицах сверкала.
Нынче бедность страшная настала,
Нищета настала,
Одичанье,
Горьких жалоб
Вечное звучанье.

Завтра
Наши электротурбины,
Трактора, бульдозеры, машины,
Наши новостройки и заводы,

Наших нив утроенные всходы,
Нашею взлелеяны заботой,
Обеспечат каждого работой
И жильем,
И песня счастья грянет,
И любой из нас ее затянет.

Мудрецами были мы богаты.
Нынче и министры
Глуповаты.
Завтра
Вождь появится народный,
Поведет нас
К цели благодной.

Были мы
С власть предержажим льстивы,
С подданным
Презрительно брезгливы.
Низменными были все порывы.
Нынче время с ними распроститься.
Нынче время заново родиться.
Нынче
Время радостно трудиться.

Завтра
В человеке человека,
Человечность — в сердце человека
Сутью человеческой признаем,
Созидая то,
Что станет раем.

Раньше блеск стиха князя ценили,
А сегодня их как подменили.
Весь народ ослеп —
И ненавидит
Красоту, которую не видит.

Завтра весь народ глаза откроет
И свою поэзию откроет.
Празднуем сегодня день свободы.
Завтра мы
Ее увидим всходы!

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Океаном счастье разольется,
А любовь на небо вознесется —
И увидим мы ее вершины,
И постигнем мы ее глубины.

Звон твоих браслетов непрерывный...
Жизнь моя — предчувствие nirваны.
Тихой ты подобна колыбели,
Я — ночному пламени в ущелье.
Мысль твоя всегда цветет цветами.
Страсть моя — всегда печаль и пламя.

Душу в смерть вдохнем!

В светлый рай взойдем!

Ты царицей радости там станешь,
Но мученьем быть не перестанешь,
Потому что горе воцарится
В сердце у раба, моя царица.
Вечно вею хмурым ураганом,
Медом дышишь ты благоуханным.

Рóзны и разнѣ,

Миру мы смешны!

Ты угодна всем, как ветер вешний.
Я — зима со стужею нездешней.
Птица жизни, ты летишь по свету.
В барабаны бью: спасенья нету.
Расцветает сад твой беспечальный,
В нем костер горит мой погребальный.
Вместе бы, вдвоем бы в пляс пуститься
И — в обнимку — с жизнью распротиться.

Время победим!

Счастье покорим!

Губ твоих я стану алым цветом,
Станешь ты немеркнущим рассветом.
Звон твоих браслетов непрерывный,
Жизнь — осуществление nirваны!
Океаном счастье разольется,
А любовь на небо вознесется...

Рóзны и разнѣ,

Миру мы смешны...

НИЩЕНКА

Похожа на погасшую жаровню,
Под придорожным деревом сидит
Старуха — и над ней кружатся мухи
И непрерывно досаждают ей,
Учюяв смрад, идущий от старухи.

Как бы мукой обсыпано чело,
Все в дряблых складках сморщенное тело,
Глаза тусклы, как грязное стекло,
И если боль была, то отболела.

Упала, изнемогшая, в траву.
Просить о подаянье нету мочи.
Придет зима, и я не проживу.
Одна останусь под покровом ночи.

Убило время хищною рукой
Все, что в ней жило, все, что жить желало.
Все шла и шла — раздетой и босой, —
Пока, как камень, наземь не упала.

«Умри она, кто будет виноват?
Кто совести почувствует уколы?» —
Так ветер вопрошает. Но летят
В пустую даль тоскливые глаголы.

Собака и не тявкнула в ответ,
Работая над костью мозговою,
А ящерка, съев муху на обед,
Укрылась за высокою травою.

Густая тьма покрыла все и всех
И заклубилась придорожной пылью.
Лист, где еда лежала, молвил: «Грех
Не меньший в нищете, чем в изобилье!»

Чангампужа Кришна Пиллэ

СПЛОТИМСЯ, ИНДИЙЦЫ..

Сплотимся, индийцы! В борьбе святой, справедливой
К победе нам путь озаряет светлая Лакшми!
Зачем до сих пор мы ссоримся, спорим, враждуем,
Песок упреков друг другу в глаза бросаем?

Пускай мы по-разному верим, но правда — едина,
О братья и сестры — индусы и мусульмане,
Забудем былые распри! Щиты сомкнемте
И двинемся строй за строем — в бой за свободу.

На север взгляните: там, на российских просторах,
Красная Армия в гневные бьет барабаны,
И этот гром в погребальный звон превратится
Для пьяных от крови, дьявольских, жадных полчищ.

Разве не слышите вы, не знаете вы об этом?
Вставляйте же дружно, индусы и мусульмане!
Довольно раздоров! Сплотитесь!.. Солнце свободы
Взойдет и над нами — тьму вековую разгонит.

О СВЕТЛЫЙ ПОТОК!..

О светлый поток, прозрачный и полноводный,
О Нармада наша — река старинных сказаний!
Когда я умру и сожгут это брненное тело,
Мой прах унеси на волнах своих — к океану.

Опять я здесь — брожу по знакомым склонам
Твоих берегов, то песчаных, то каменистых,
И кажется, в жертву я душу свою бы отдал,
Лишь бы немолчно волны твои плескались.

Любуюсь, тобой, и моя сокровенная песня,
Печальная песня, рожденная раненым сердцем,
Сливается с пением волн твоих, превращаясь
В ласкающий голос надежды и утешенья.

О светлая Нармада — волны прозрачной отрады!
Лишь здесь, на твоём берегу, я душой отдыхаю,
У волн твоих ясных, под сенью деревьев
прибрежных
И дышится легче, и радостней чувство бессмертья.

ОТКУДА ПРИШЛА ТЫ?..

Откуда, откуда пришла ты, мечта живая,
Волшебная песнь, воплощенная в стройном теле?
Одно только знаю: пока ты в мой дом не явилась,
Вся жизнь моя была беспрерывным страданьем.

В душе был туман и мрак, а куда ни гляну —
Мне все казалось угрюмым, чуждым, зловещим.
И вдруг... Случилось так просто: дверь отворилась,
И ты — на пороге!.. И мир засверкал, как в сказке!

О ты, что мой каждый день превращаешь в праздник!
Ты светом вошла в мою жизнь, спасительным светом:
Так черную ночь озаряет всходящий месяц,
Так в мрачный день облака разрывает солнце.

Взор твоих глаз — твоих лотосов темно-синих —
Всему вокруг дарует восторг и радость.
Не знаю, за что так меня наградили боги,
Одно только знаю: я всех на земле счастливей!

ТЕНИ

(Страницы былой любви)

I

О богиня любви! В пустоту моей жизни
Почему не войдешь ты — меня не обнимешь?
Вкруг меня — непроглядная тьма... Почему же
Облегчить мою жизнь не придешь, не поддержишь?

Боль разбитых надежд... Как ты можешь не слышать
Песнь мою об этой сердечной боли?
Несравненная! Вытерпеть все страдания
Я готов ради радости новой встречи!
Но не знаю, придет ли конец хоть однажды
Этим мукам, терзающим мою душу, —
Пустота и бездушность меня окружают,
Надо мной насмехается их молчанье...
И взываю во тьме: — Я устал, измучен!..
Кто поможет мне?.. О, куда ты скрылась?..

II

Так идет, так бесшумно проходит время,
Все, что зрим, — удаляется, исчезает...
Даже мы, хоть и были так неразлучны,
Со слезами расстались — давно расстались...
Жизнь... Что значит жизнь?.. Лишь теперь я вижу,
Только сон — наша жизнь, только беглые тени.
Но как тяжки мысли, как жгутся слезы,
Как печаль глубока и как боль неотступна!
И нежданно — среди этой мрачной жизни —
Ярко вспыхнет и вновь исчезнет улыбка?
Кто же в этом во всем разобраться может?
Кто способен в снах обнаружить правду?
И мучительно думаю: — В этой пустыне,
В этой мгле для чего мы с тобой повстречались?..

III

И опять волшебно яснее память:
Я цветы приношу тебе снова и снова
И молчу, пред тобою склонясь: неужели
Ты без слов не поймешь моих чувств высоких?
Беспощадная, ты хоть и все понимала,
Но меня в раба в те дни превратила.
«Не терзай!» — так униженно умолял я,
Ты же делала вид, что мольбы не слышишь...
А теперь — о позор! — я один, я брошен,
Я забыл весь мир, я во мраке плачу,
Я лишился мира тех грез счастливых —
Ты ведь все до одной их взяла с собою!
Но твержу: — О мой сон, золотой, несравненный,
Я тебя всем сердцем благословляю!..

IV

Да, любой, кто этот цветок увидит —
Этот дивный цветок на лесной поляне,
Назовет его именем твоим нежным,
Даже в райских садах нет цветка прекрасней!
Разве кто-нибудь в мире позволит увянуть
Этой хрупкой красе, среди леса возросшей?
И когда лучи восходящего солнца
Позовут: «О любовь моя золотая!» —
Хорошо ли, скажи, отвернуться надменно,
На сиянье любви неприязнью ответить?..
Ах, обманчиво время: оно меняет
Цвет зеленый на белый, а белый — на черный...
Но прервусь: — Нет, не прав я! Сказал, не подумав!
Неизменна любовь — и лишь ты изменилась!

V

Если ты навсегда обо мне забудешь,
Кто узнает о горе моем беззвучном?
Если б мог хоть кому-то о нем я поведать,
Вполовину бы легче сделалось горе!
Почему, о красавица, ты не хочешь
В доброте растворить все мои страдания?
Скажешь ты: эта просьба невыполнима, —
О подруга! Забудь про нашу разлуку!
Ведь опять весна, — так давай, как прежде,
Вместе радоваться, гулять, смеяться!..
Если самой чудесною лунной ночью
Ты не рядом со мною — все смысл теряет!
И вздыхаю: — Зачем я мечтаю об этом?
Разве ты не навек меня позабыла?..

VI

Тяжким был урок! Он не даст мне больше
Сочинять красивые сновиденья:
Мне вскружившие голову сладкие мысли —
Вот они-то судьбу мою и сломали.
И теперь душа болит беспрерывно,
Горький час предо мной стоит неотступно, —
Так не тщетны ли жалобы? Может быть, хватит
Изнывать? Не желаю больше страдать я!
Но смогу ли воспрянуть, несчастный?.. И снова

Лепестки опадают с цветка надежды...
И опять вокруг меня — только мрак и ужас...
О бессмертная, где ж твой свет драгоценный?
А судьба мне шепчет: — Теперь ты видишь?
Все, что вокруг тебя, — только тени, тени!..

VII

О скажи: всякий раз, о тебе вспоминая,
Разве я не зову тебя счастьем весенним,
Не зову тебя пеньем нежнейшей флейты,
Погружающей душу в чистейшую радость?
Разве я не зову тебя первой улыбкой
Юной радуги, ярко блеснувшей в небе?
Разве я не твержу, что ты — несравненна,
Что на всей земле нет тебе подобья?
Так ужель ты настолько скупа, что и горстки
Доброты не найдешь, чтоб меня утешить?
Ведь безмерную щедрость явила природа —
Красоты не жалела, тебя создавая!
И хочу закричать: — Быть скупой — это значит
Быть к судьбе и природе неблагодарной!..

VIII

Ах, все то, что душе приносило когда-то
Столько счастья и света, ушло безвозвратно,
А ведь как я гордился, глупец, как верил,
Что тебя навсегда смогу удержать я.
О чистейшая! Верность ты мне хранила,
Я ж ее принимал за простое рабство!
Как-то раз грубой властью тебя подавил я,
А судьба только этого и ожидала.
И теперь, растоптана злой судьбою,
Жизнь моя, повергнутая, трепещет.
Мнил себя победителем я надменно,
Кровью сердца за это плачу отныне...
И чуть слышно твержу: — О, слезами прощенья
Смой, молю, все проступки мои, все ошибки!..

IX

Ты волшебница, ты лишь одним поцелуем
Можешь лес этой жизни цветущим сделать!
О красавица! О мой сон волшебный!

Ты — душа всей жизни моей одинокой!
Я люблю, я люблю тебя, — почему ж ты
Не простила — покинуть меня решила?
Та гирлянда цветочная, в день счастливый
Мне подаренная, до сих пор со мною.
И хотя лепестки поникли, иссохли
И давно аромат былой расточили,
Все равно берегу я твою гирлянду,
Как хранят сокровище золотое,
И гляжу, и шепчу: — О нежнейшая в мире!
Вот прощальный дар любви незабвенной!

Х

А теперь... А теперь позволь мне забыться,
О красавица!.. Дай мне уйти поскорее!
В лес былых наших грез позволь удалиться, —
В дивный лес, осиянный сапфировым светом.
Разве там не бродили мы вместе когда-то,
Взявшись за руки, не боясь разлуки?
Разве там мы не радовались той весною
Нами созданному земному раю?
Разве там в те чудесные дни мы не вместе
Погружались в пьянящие волны счастья?
Что ж... хоть нас и жестоко судьба разлучила,
Быть должны благодарны мы этому лесу...
Потому и прошу я: — О нежная, сжалесь!
Не удерживай!.. Дай мне уйти в забвенье!..

Умашанкар Джоши

ИНДИЯ

Индия — это не гор Гималайских величье,
Индия — это живое богатство людей,
Индия — не полноводие Ганги и Джамны,
а вековые потоки великих идей.
Индия — это не только пещеры и джунгли,
а человеческих душ трудолюбье и мощь,
Индия — не раскаленная высь над пустыней,
а животворное солнце над зеленью рощ,
Индия — это не только алмазы и жемчуг,
лучших алмазов ценнее ее сыновья,
Индия — не благодатная смена сезонов,
а нескончаемый круговорот бытия.
Индия — не бесконечная, дикая пустошь,
а золотые поля в изумрудной дали,
Индия — пламя бесстрашия, волны дыханья
богатырей, чьи тела из священной земли.
Индия — не одинокий аскет, не отшельник,
не изнурительный рабский, мучительный труд,
Индия — светлый поток вдохновляющих мыслей
в этом страдающем мире, где люди живут.

РАБ

Это я-то раб?
Человек — в саду мирозданья самый чудесный
бутон —

К вечному рабству приговорен?

Цветы цветут, ничего не боясь,
Птица, куда захочет, туда летит,
Деревья тянутся ввысь — кто им запретит?

Реки свободно и плавно текут,
Не зная оков, источники бьют,
Удерживать ветер — напрасный труд.

Океан ревет —
В берег крутой своевольными волнами бьет.
А песня? Никто ей дорогу не преградит —
Песня всегда стремится вперед.

В природе свобода царит.
Так почему ж Человек
Рабом судьбы остаться должен навек?

У МОГИЛЫ ТОЛСТОГО

«Когда-то прекрасная фея сюда приходила —
Волшебную палочку здесь потихоньку зарыла,
Коснуться бы этого места — счастливым, богатым
Стал сразу бы мир!..» Эта сказка рассказана братом
Была еще в детстве, когда набрели вы вдвоем
На круглую эту полянку в безмолвье лесном.

Слова эти в память вонзились, заветными стали,
Недаром в минуты прощальные Вы пожелали:
«Пускай это место, что с детства мне было родным,
Отныне последним прибежищем станет моим!»

Так счастья для всех Ваше сердце добиться хотело,
Что жажду его только смерть успокоить сумела,
Так страстно Вы правду любили душою горящей,
Что можно спросить: кто за правду борец настоящий —
Кто много сражается с дьяволом или же тот,
Кто больше сражался, чем дьявол и весь его род?

Быть может, вот эта полянка,
где Ваша простая могила,
И есть то волшебное место, где палочку фея зарыла?

КУДА ТЫ ТЕПЕРЬ ВЗБЕРЕШЬСЯ?

Громады седых Гималаев, что тысячи тысячелетий
Так гордо и неприступно
вздвигались на нашей планете,

Отныне тебе покорились, о ты, Человек упорный,
Перед тобой склонились, о пламенный и непокорный, —
Перед твоей отвагой, по небу шагающей в тучах,
А может быть, перед безумьем

желаний твоих могучих?

«Нет-нет, я еще не устала, я дальше хочу бороться!»—
Восторженно с высей горных отвага твоя смеется,
Сама уже став вершиной, раскачиваясь в поднебесье,
Тебя она вопрошает с насмешкою, с дерзкой спесью:

«Взобрался ты на вершину,

ужель ты назад вернешься?

А если назад не вернешься,

куда ж ты теперь взберешься?»

ГОДЫ ПРОШЛИ

Годы прошли незаметною чередою,
То прерываясь радостною мечтою,

То сострадательною улыбкой,
То страхом или тревогой зыбкой.

Воздух любви не давал передышки мне.
Сердце ступало медленно, как во сне,

Ободряясь поэзии смелым огнем,
Беря от мира все, что прекрасно в нем,

Ослепительнейшее, что дни несут.
Нежного дружества я вылеплял сосуд...

Сердце, дороги жизни метя, изнемогло от труда—
Я не хотел, чтобы выросла в мире вражда.

Губительных снов не желал на душе носить,
Все неживое для жизни мечтал воскресить,

Чтобы шипы на кустах превратились в цветы,
Чтобы из ненавидящей темноты

Сочувствие ясное исходило.
Зритель незрячий! Сердце мое творило

Так эту жизнь, чтоб цвела, как Господня крови!
Но годы прошли — мне никто не вернет их вновь.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОБРАЗОВАНИЮ ШТАТА ГУДЖАРАТ

Индиец я; гуджаратец я.

Любая надежда на общее счастье склоняет меня
к торжеству.
На плодородной земле близ волны Аравийской живу.

Эту землю десятки народов питают, словно притоки,
На Севере, Юге, Западе и Востоке.

Я — житель Кришную благословленной земли.
Бог на помощь к ней приходил, если беды ее стерегли.

Ганди на этой земле ликовал, вдохновленный нектаром
Гиты.
Ганди и Кришную разум мой был воспитан.

На сердце начертаны письма Ашоки.
От древних песен бесстрашие берет истоки.

Всех религий заветы приемлю я — христиан,
Парсов, джайнов и мусульман.

Сердце мое, как горы, твердость хранит и покой.
Я умею обуздывать страсти стихии морской.
Я ухожу путешествовать в страны чужие.
Людей посмотреть и дела совершить большие.
Осторожным и бдительным быть велют мне дали морские.

Индиец я, гуджаратец я.

СТАРЫЙ МИР

Когда собираются в залах народ и власти,
И о новых свершеньях толкуют старые пасти,
И за первым «да» караваны «да» выступают вслед,
И редко-редко услышишь храброе «нет»,
Которое большинство отвергает с дрожью,
Когда полуправдой воздух напитан, а то и ложью,

А если о светлом будущем речь затевают,
Зевают старцы и молодые зевают,
Когда извивается юность у смерти в тисках,
Погасших сердец днем и ночью вижу я прах,
И трупы сердец, разлагаясь, смердят,
Заглушая цветов аромат,
И шествует мир от вершины к вершине!
Что ж! Деревьев довольно в лесах и поныне,
Древесины хватит на многие стулья...
К их шеям гирлянды, сплетшись, прильнули,
У ног трава шелестит листвою, —
Но дело у них одно: хоронить живое.

Встань же и грянь, барабан, о великий, могучий Шива!
Пройди по этой земле, одряхлелой, лживой,
В навоз преврати отжившее и гнилое,
В настоящее преврати былое!
Гролом бодрого смеха мир потряси, о Шива!

ЗЕМНОЕ РОДСТВО

Я — человек, пришедший, как все, из земли.
Узы земли, как узы родства, меня с людьми сопрягли.
Зачем же так громко твержу непонятные людям слова?

Этому есть причины.
Рядом выстроились машины.
Пашут землю вместе со мной крестьяне,
Единство образовали земляне.
Земля гудит и звенит от радости.

Пусть я не был в самых далеких странах,
Не изучил их обычаев странных,
Но жителей их на свет земля породила,
Благословила, вскормила, возвеселила,
А по скончании жизни взяла в могилу.

Может быть, новые годы новое возвестят.
Уже незнакомых, незримых сердца стучат.

Со мной породнилось каждое существо.
От духа это родство — и от земли родство.

Земля превратилась в сердце и застучала.
Вечно биение это, о, без конца и начала.
Оно роднит меня с каждым, в ком сердце стучит и стучало.

Благословенна и ласкова эта страна.
Солнца любимая дочь она.
Светлый туман, что внизу сгустился,
Красотой на пути ее расстелился.

Человек — не просто глиняный ком,
Он тот, наследье света и разума в ком.

Родство — это значит не только рожден от кого.
По духу и сердцу каждый с другими вступает в родство.

Со всеми вами, земли существа, я связан родством
духовным —
Из всех степеней родства, может быть, самым кровным.

САМАРКАНД И БУХАРА

В памяти ночью и днем: Самарканд, Бухара.
И в каждом сне золотом: Самарканд, Бухара.

В школе учитель, бывало, карту расстелет
И указку свою на неведомое нацелит:

«За этой палочкой следуйте неотступно:
Она непростая, ей волшебство доступно!»

Итак, в подбородки руки уприте,
Слушайте и на карту смотрите.

Вы сюда не доедете, не доплывете,
Но вслед за указкой моей вы дорогу сюда найдете...»

Не точку видит он на листе бумажном,
А словно любитесь городом многоэтажным:

«Какие знаешь ты города?.. Подойди поближе!» —
Класс... Расстелена карта.. Я городов не вижу.

Под рукою учителя словно зажглась звезда.
Чуть не плача, он именует нам города:

Балх, Кандагар, Кабул, Самарканд, Бухара...
В ушах словно эха гул: Самарканд, Бухара...

Указка бежит, торопится — но куда?
Там нет кружочков, ну, где же там города?

Блеснула там палочка — словно из серебра.
«Да, я знаю, саheb! Самарканд! Бухара!»

А в колледже нам профессор стихи читал.
Он в их звучанье сам восторг обретал,

Этим еще сильнее увлекая нас...
Какой-то шах говорил с пьяных глаз:

«Пусть ляжет со мною та, с черной родинкой под чадрой.
Я за это весь Самарканд отдам со всей Бухарою!» —
Все-таки странные вещи пишут в стихах порою.

У многих женщин родинки под чадрой.
Что же, каждой дарить Самарканд с Бухарой?

Много красивых бессмыслиц выходит из-под пера.
Но снова эти слова: Самарканд, Бухара.

Только трону указку — сосульку из серебра,
Слышу детский свой голос: «Помню, саheb:
Самарканд, Бухара!»

И всякий раз, лишь только глаза я закрою,
Старая крепость мне видится под горою,
А сквозь ее врата — Самарканд с Бухарою.

Большой барабан везет на спине верблюд,
Бьет барабан, и сотни других барабанов бьют,
Коней запрягает вооруженный люд.

От скорости всадников перед глазами темно...
Открою глаза и вновь вижу пустое окно.

Звезды еще мерцают с утра,
И там, вдали — мои Самарканд, Бухара.

Однажды ночью вскочил я, как от толчка.
Глянул в окно: большая луна, облака.

Можно еще уснуть и увидеть сны...
Но что это? Черная родинка у луны!

И слышен мне плеск вина и звон серебра.
Чаши звенят: мой Самарканд, моя Бухара.

О винные чаши! О топот коней упорный!
Любовь ширазской турчанки с родинкой черной!

Весь мир раздам по друзьям — он мне ничего не значит.
Только над картой указка опять маячит —

Учитель ведет ее опытною рукою.
Два мира он мне подарил — Самарканд с Бухарою.

Я много узнал городов, но их имена в тумане.
Лишь Самарканд с Бухарой не померкли в моем сознанье.

Канчеджанга, развалины Уммы,
Исфаган, Тегеран — почему не о них мои думы?

В Кении Килиманджаро горит огнем...
Но только два этих города в сердце моем.

Едва забудусь — звенит колокольчик дверной —
О Самарканде и Бухаре он говорит со мной.

В каждом сне золотом — Самарканд, Бухара.
В сердце ночью и днем — Самарканд, Бухара.

Агъей

ОТПЛЫЛА ЛОДКА

Дрогнула лодка, снявшись с прикола.
Вечер пришел неожиданно скоро.
Солнце уже на воде не качалось.
Птицы в потемках едва различались.
И слышалось, как, приближаясь друг к другу,
они терпеливо летали по кругу.
В просторном и выцветшем небе устало,
друзей созывая, звезда замерцала.
Ослабнувший ветер как будто бы ожил,
И боль расставанья, притихшая было,
сонную душу разбередила.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Вечер. Горизонт почти исчез.
Слышен волн печальный переплеск.
Тени разрастаются в длину.
Первых звезд холодноватый блеск,
Заполняя пустоту небес,
Возвращает миру глубину.

ВЗАИМЫ

Я проснулся
И увидел расцветшее солнце.
Сиянье его разлилось, как бескрайние воды.
Оборвалась в небе
Птичья песня.
И тогда я сказал солнцу:
«Одолжи мне немного тепла!»

И тогда я сказал птице:
«У тебя прошу сладкозвучья!»
И тогда я сказал, наклонившись, травинке:
«Дай мне свежесть полей
Или росинку!»
И сказал я цветку:
«Одолжи мне пригоршню робких лучей!»
И ветру сказал:
«Свободой со мной поделись,
Меня распахни, как простор!»
У волны попросил дерзкий стремительный взмах,
А у неба —
Бездонный всевидящий взгляд.
У всех займы попросил.
Никто мне не смог отказать.
Вот так я жил и живу.
И называю жизнью
Тепло,
Сладкозвучье,
Свежесть,
Солнечный свет,
Дурманый свободный простор,
Нежность,
Мягкость,
Радость,
Всплеск резвой волны
И осознание безмерной
Земной неземной красоты.
Все это получил я займы.
Но однажды проснулся в ночи
И услышал, как бесплотное нечто мне говорит:
«Поделись!
У тебя в этой жизни вдоволь всего,
Так одолжи мне немного любви.
Сторицей тебе ее возвращу».
Я ответил:
«Ты просишь любви?
Ведь такого никто никогда
У меня не просил.
Никогда».
Но бесплотное нечто
Упрямо сказало:
«Да, любви, потому что любовь—
Это отклик одинокой души,
И тревога,

И смятение,
И неловкость в движениях,
И страданье,
И страстная жажда найти,
И разлад,
И разлуки неотступная боль,
И прозренья в ночи,
Когда, просыпаясь,
Вдруг дойдет до тебя:
Что мое — то не мое.
Все это с избытком есть у тебя.
Поделись!
Хоть единственный раз поделись!
Как мне нужно все это сейчас!»
Вот какие услышал слова
В глубокой ночной темноте.
Но я ничего не сказал,
Испугавшись, молчал и молчу до сих пор.
Боюсь дать взаймы
Бесплотному нечто.
Кто знает, что за гость ко мне приходил.

ДАР ИМПЕРАТРИЦЫ

О великий Будда!
Я пришла в храм
С пустыми руками:
Не смогла принести цветы.

Тебе
Приносить цветы,
Собранные кем-то другим, —
Недостойно.

Цветок, поющий мне песни
О счастливых мгновениях жизни,
Открывает врата в мир красоты и там
Твое состраданье
Ткет, не прерываясь,
Гирлянды стихов
О мечтах вселенной, о преходящей жизни.
Теперь ты понимаешь, почему не смогла я
Сорвать волшебный цветок с дрожащего стебля.

Где бы ни рос цветок,
Это воплощенное счастье,
Где бы ни распустился,
Тебе в дар приношу его,
Не срывая,
Нетронутым, девственно-чистым,
О великий Будда!
У стоп твоих каждый
Должен наполнить чашу
Своей быстротекущей жизни.
Каждый должен в дар тебе принести
Самое прекрасное мгновенье счастья.
Все это — твое!
О вместилище лотоса, прошлого и настоящего,
О великий Будда.

ЖИЗНЬ

Огретая плеткой,
На заплетающихся лапах
Бежит и бежит
Собака-попрошайка
По берегу океана,
Поджав хвост,
Опустив морду,
Роняя
Загустевшую горькую пену.
Отрезанная
От всего известного и знакомого
Этим сухим, ослепляющим песчаным
простором,
А от всего неизвестного и незнакомого —
Бесконечной холодной океанской ширью.

Я УВИДЕЛ

Я увидел: внезапно
Капля
Оторвалась от морской пены.
На мгновение она окрасилась
Огнем закатного солнца.

И я понял:
В бесконечной Вселенной
И росинка, согретая светом,
Свободна
От смерти.

ЛЮБОВЬ ВЫСКАЗАННАЯ

Фитилек моей надежды чуть горит в ночи.
Ночь податлива и тает, словно воск свечи.
А когда приходит утро, бормочу во сне:
«Ты не можешь прочь уехать,
Если ты во мне».

ЛЮБОВЬ НЕВЫСКАЗАННАЯ

Облака собирались
Всю ночь напролет.
Сквозь сон я услышал:
Дождь обложной идет.
Листья с веток срывались,
Образуя ковер.
А к утру оказалось —
Ночь я в саду провел.
Упустил я мгновенье и запутался в снах.
Что хотел я сказать — не вместились в словах.

ЖИВИ ЛУНЫМ СВЕТОМ

Свет зимней луны —
Словно дождь проливной.
Пей его, зачерпнув в ладони.
Звезды сонно поводят глазами.
Озеру зябко — покрылось рябью.
Лилия смотрит,
Не мигая.
О озерный цветок!
Почувствуй ты жизнь
В это мгновенье.

В брызгах росы
Наши песни.
В молочном тумане —

Пятнами лица,
Узнают, кто есть кто.
Фонари на столбах
Мертвы.
Окоченели
Мгновенья,
Как будто застыли навечно.

Возликовала душа.
Невыразимое что-то
Возникло во мне,
Какая-то сладость.
И я ослабел.

Будь рядом,
Возьми мою руку,
Желанная гостья.

О любимая, будь вместе со мной.
Пей из ладоней,
Наполняя их снова и снова.
Свет зимней луны.
Словно дождь проливной.
Ты живи
В каждом ударе
Моего своевольного сердца.

ХИРОСИМА

Нежданно в какой-то день
вспыхнули солнца лучи
не там, где пустел горизонт,
а среди городской толчеи.
Земная разверзлась твердь,
и родился слепящий поток.
Тени бежавших людей
впечатались в камни дорог.
Не с той стороны, где восток,
вспыхнули солнца лучи,
а возникли — внезапно и вдруг —
среди городской толчеи.
Казалось, что солнце неслось,
как колесница, пока
последняя спица с оси
в горячую пыль не легла.
Совпали рассвет и закат,

на это секунды ушли.
И влажный полдень увял,
коснувшись сожженной земли.
А что было потом?
Тени стали длинней,
и люди, как белый пар,
отделялись от черных теней.
Тень человека тогда
каждый камень впитал,
а солнце — создание людей —
белый слизнуло пар.
Но каждый камень — скрижаль,
и свидетель — черная тень.

ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ

Лучи, как воители света,
пока не сгустилась мгла,
расправили напоследок
сверкающих два крыла.
И на вершине дальней,
вечернею той порой
долго искали тайну,
сокрытую под горой.
Вдруг солнечный луч как будто
напал на желанный след,
вдали различая смутно
горный ночной хребет.
Там на одной вершине
сумрачную стеной
снег нависает синий,
роняя свет ледяной.
От этого света, что ли,
тело с душою врозь?
Словно бы с неба боли
вдруг облако пролилось.
Облако, словно тайна
или запрященный клад
потерянных воспоминаний,
что мне не вернуть назад.
Не так ли и жизнь блестела
в зрачках твоих в смертный час,
когда слеза затвердела
и выкатилась из глаз?

Шамшер Бахадур Сингх

МОТИВ

1

Спросил я у вечера
а может быть вечер спросил у меня:
«Что все это значит?»

Я ответил
или вечер сказал:
«Это всего лишь мотив».

2

Плотно смежены веки
простерлось простое небо
неказистое как трилочановские стихи
очень хочется спать.

3

Я спросил у него
он спросил у меня:
«Когда?»
Я ответил
он сказал:
«Время рождает стихи».

4

В журнале «Земля» ты читал стихи
простые как эта обычная жизнь?
Отвори свою память
увядшие воспоминания вдруг встрепенутся

А в небе взойдет как цветок
невыплаканная слеза?
Может это будут мои стихи?
Что ты скажешь тогда?

5

Он спросил у меня:
«Есть ли смысл в твоей писанине?»
«Никакого!» — я ответил ему
Он снова спросил: «Так зачем ты пишешь
стихи?»
Я ответил: «Они пишутся сами по себе».
«Что дает им жизнь?» — это снова он говорит
Почему он об этом спросил?
Я отвечаю вопросом:
«А чем живешь ты?» — «Дыханием» —
это уже отвечает он:—«Ведь мое дыхание —
это твои поэмы»
«Но как существует дыхание? Выдох и вдох
вдох и выдох?»
Стихи запеленали себя в это дыхание
потому-то они
и существуют
Хотя многие песни сгнули навсегда.

6

Он присел неожиданно рядом и загундосил
четверостишье
Я смотрел на него и я понял:
этот сборник затерялся в его огромных ладонях.

7

Он спросил: «Что означают
эти слова?» Я сказал: «Какие
слова?» Он посмотрел на меня молча
продолжал молчать
Затем я заговорил постоянно сбиваясь
четко выдавил одно: «Уже наступил вечер»
Он посмотрел мне прямо в глаза и продолжал смотреть
потом открыл мою книгу
теперь она лежала на его сумеречных коленях
И он забыл все свои вопросы

Я до сих пор не знаю кто он такой
просто я помню его.

8

Натянулись как проволока строчки стихов — до предела
застывал тягучий мотив
томились жаждой кончики пальцев
тучи разразились громом
вдали закричали павлины: пейя пейя!
Бриллианты и сапфиры сверкали на их шеях как сполохи
молний
на фоне густо-зеленых чащоб
Рядом текли невидимые воды реки
переговаривались на своем языке
их слова были прозрачны и сладкозвучны.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕК

Он вручил мне зеленый чек не для того
чтобы я получил деньги
он хотел чтобы я до основания потряс кости
его доброты
желтые лишённые жизни
Он спросил меня: «Не обменяешь?»
(«Да не кости а этот зеленый чек!»)
«Конечно! Никаких проблем!
Но в назначенный день возвращайся домой».
Ведь на полке этого дня
лежит кожа сочувствия к людям
немая и скорбная словно оживший гроб
словно мрачного вечера свиток
Отыщешь ли там зеленые листья звучащие
на рассвете птичьими голосами
или услышишь смачный говорок толпы?
Потрясенный, он мне напомнил:
«В назначенный день! Понял? А сейчас уходи!
Уходи!»
И гроб провалился во тьму.

Вилоппиллил Шридхара Менон

СМЕРТЬ ЛАСКОВО МНЕ СКАЗАЛА...

Смерть ласково мне сказала:
«Ты все отбросил теперь.
Пойдем, уже время настало,
А я потушу свечу».
И вот, оборвав все связи
С миром, в котором жил,
Как тень, я пошел за ней
По длинной-длинной дороге.
Но все-таки я потихоньку
Успел с собой прихватить
Чудесные миги встреч —
Сладостных встреч с любимой.
Медленно их я нанизывал,
Как драгоценные зерна,
Думая, что пригодятся
Четки в далеком пути.
Вдруг вижу: возле тропинки
Кусты, большой муравейник,
А выше, на манговой ветке, —
Яркий, душистый, весенний
Цветок!.. Но сразу заметив,
Что я замедлил шаги,
Смерть обернулась ко мне:
«Ты что, обмануть меня хочешь?
Глаза у тебя заблестели,
Щеки твои зарумянились,
Сердце все громче бьется...
Да что с тобою?.. Ты жив?..»
...Не знала смерть мою тайну,
Узнала, когда было поздно,
Когда упустила меня:
Из праха сожженного тела,

Несчастливого, старого тела
Я снова восстал — и снова
Вступаю счастливым и юным
В этот прекрасный мир!

ОДИН... И ДВА... И ТРИ...

В катящемся, душном вагоне,
Сгорбясь на жесткой скамейке,
Старуха хрипло шептала,
Старуха что-то считала,
Сгибая корявые пальцы:
«Один... и два... и три...»
И, сбившись со счета, смолкала,
Опять бормотать начинала:
«Один... и два... и три...»
И все, что тряслись в вагоне,
Устав от жары и скуки,
От нечего делать глазели —
Было следить все забавней
За этой лохматой каргой.
Посмеивались новобранцы
В казенных новеньких формах,
Девушки прыскали со смеху,
Тешась над полоумной,
А та все сгибала пальцы,
И снова сбивалась со счета,
И снова шептала хрипло:
«Один... и два... и три...»
Гудели, стучали колеса,
И в душном, скучном вагоне
Все веселей становилось —
Улыбки, шуточки, смех...
Всех забавляла старуха
Нелепым своим бормотаньем,
Но встал рядом с ней сидевший
Длинный, костлявый старик:
«Прошу вас... Очень прошу вас —
Не смейтесь!.. Оставьте в покое
Жену мою... Три несчастья,
Три горя больших у нее!..»
И сразу стерлись усмешки,
Слышней застучали колеса,
И в духоте вагонной

Слышнее стал хриплый шепот:
«Один... и два... и три...»
«Три!» — повторил старик
И взглядом обвел суровым
Всех, кто качался в вагоне:
Крестьян, горожан, солдат.
«Три горя!.. Сейчас и родные,
Наверно, ее не узнают!
А ведь когда-то в селенье
Красавицей первой считалась...
Давно это было, давно...
Двух дочек выдали замуж,
Три сына у нас оставалось—
Забрали на фронт... А сегодня
Везу ее в город, в больницу —
Может, вернут ей память,
Да вряд ли!.. Ведь все три сына
Погибли за прошлый месяц
На этой проклятой войне!..»
Молчанье сгустилось в вагоне,
Насупились новобранцы,
Потупились бойкие девушки,
Кто-то негромко вздохнул,
Стучали, стонали колеса,
И снова под хриплый шепот
Сгибались корявые пальцы:
«Один... и два... и три...»

Нагарджун

ПОСЛЕ ГОЛОДА

Мрачные дни наступили:
Молча рыдает очаг, пыль жернова покрывает.
Горькие дни наступили:
Старый костлявый пес у порога бессильно дремлет.
Черные дни наступили:
Гаснут глаза и улыбки, и выпирают ребра.
Страшные дни наступили:
Крысы покинули дом — нечем уже поживиться.

Мрачные дни миновали:
Ожил огонь в очаге, опять жернова заскрипели.
Горькие дни миновали:
Снова дымок во дворе веселыми кольцами вьется.
Черные дни миновали:
Снова глаза разгорелись и заблестели улыбки.
Страшные дни миновали:
Снова петух поутру беспечную песнь горланит.

КУКУШКА ЗАПЕЛА

Сегодня с утра
Запела кукушка —
Запела, звонкая, в первый раз.

Сегодня впервые на тусовых ветках
бутоны бесчисленные раскрылись,
И вспыхнули крохотными кострами
цветы распускающейся малати,
Поля горчичные запестрели —
подернулись нежною желтизною,
И аромат густой заструили
тяжелые манговые соцветья.

Сегодня с утра
Запела кукушка —
Запела, пророчица, в первый раз.

Повеяло с запада влажным ветром,
и вот раскрываются листья банана—
Громадные, словно слоновьи уши,
они разворачиваются лениво.
А солнце лучами брызжет и брызжет,
как будто огненной кислотой,
И юною зеленью ветки покрылись,
как роем бабочек изумрудных.

Тогда-то в листве
И запела кукушка —
Запела, чудесница, в первый раз.

В тени густых, ароматных веток,
на игры весенней природы глядя,
Давно она, притаясь, сидела
и только завистливо озиралась,
Долго среди шелестящих листьев,
будто отверженная, молчала.
Долго крепилась — и вдруг запела:
дерзко, радостно, в полный голос!

Весну возвестив,
Запела кукушка —
Запела, звонкая, в первый раз.

ЧУДО УЛЫБКИ

1

В древности черной кто-то изрек проклятье:
Приговорил наши души к вечным страданиям—
Тысячи жарких молитв, безумных усилий
Души людские с тех пор исцелить не могут.

Сколько надежд, сколько святых порывов
Заживо гибнут в наших сердцах-темницах —
Лучшие чувства, не распутившись, чахнут,
Будто незримое пламя их пожирает.

Как пересохший хлеб, зачерствели души,
Лица жестокими масками окаменели...
Если бы знать: откуда пришло проклятье?
Если бы знать: откуда придет спасенье?

2

Было ли чье-нибудь благословенье—
Не знаю...
И все же почудилось мне:
Повеяло вдруг ароматным ветром,
Будто от крыльев священной бабочки, —
Словно решетки
На окнах темницы,
Ресницы влажные задрожали,
И расцвелись темные веки,
Как туго натянутый
Яркий шелк.
А взор мой, сияя, воскликнул:
— Здравствуй!
Добро пожаловать к нам, сестра!
Останься с нами,
Останься с нами!—
Тебе возвратиться давно пора!..
Но прочь
Ветерок ароматный унесся,
И был печален прощальный шепот:
— Был садом весенним ты в прежние дни,
А ныне что сделал ты с ним?
Вгляни!..

3

Я и сам эту горькую правду знал:
Не раз мой взор,
Обращаясь внутрь — в потайные глубины души,
Видел ее позорное запустенье.
Видел я этот огромный, темный пустырь,
Усеянный,
Будто рядами обугленных виселиц,
Пнями, кривыми обрубками, нагло торчащими трупами
Прежнего белоснежного сада.
Смутно еще вспоминается мне,
Как расцветал доверчивый этот сад
В те незапамятно-дальние, в те беспечальные годы,

Которые детством люди зовут.
Бутоны любви раскрылись,
Тянулись ветки надежды —
Юные, гибкие, в крохотных, словно снежинки, цветах!..
Так было когда-то... А ныне — куда ни глянешь—
Дым, дым, дым,
Угрюмый, удушливый дым,
Как над угасшим костром, плывет над долиной смерти.

Дым, дым, дым,
И дымное небо над ним,
И кругом, на седой от пепла, мертвой земле,
Не лепестки — полусгнившие кости разбросаны,
Словно останки яростного побоища,
А на скелетах трухлявых, на черепах оскаленных
Едкая соль проступила.
И хоть бы луч
Бледного света, хоть бы мгновенный проблеск
Ясности, хоть бы одно голубеющее пятно
В плотном, свинцовом, нависшем занавесе тумана!

Дым, дым, дым,
Угрюмый, печальный дым,
Веющий смрадом густым, погребальный дым
Ленивыми змеями вьется, унылыми петлями стелется
Над пепелищем души...
О, каким беспощадным было
В древности черной постигшее нас проклятье,
Если в наши дни
Его роковая сила
Соцветья любви погасила, побег надежд подкосила
И в безотрадный пустырь, выжженный, смрадный
пустырь,
Душу мою опозоренную
Превратила!

4

И все-таки чье-то благословенье
Меня дуновеньем своим коснулось:
Она вернулась!
Весенним утром
Нежданную гостьей ко мне явилась.
Пришла
Путем неисповедимым —
Как будто из дальнего райского края —

Тысячелетнего старца мудрее,
Доверчивей ласкового младенца.
И снова
Живительная прохлада
Моих запекшихся губ коснулась,
Снова повеяло ветром душистым,
Словно от крыльев священной бабочки,
Снова,
Как будто решетки темницы,
Ресницы влажные задрожали
И расцвелись темные веки,
Как туго натянутый
Яркий шелк.
И сразу
Увядавшие, впалые щеки,
Как в юные дни, запылали жарко,
И сразу
Оттаяла и потеплела
Окаменелая маска лица.
И сразу
В угрюмую, темную душу
Ручьями хлынули свет и радость,
А взор мой, сияя, воскликнул:
— Здравствуй!
Добро пожаловать к нам, сестра! —
Хлынули
Солнечными ручьями
Радость и свет в опаленную душу,
И внутрь обратился взор изумленный,
Чуду не смея еще поверить:
Порвался туман,
Прояснилось небо
Над черно-седым пепелищем отчаянья —
Словно себя самого пожирая,
Свился и скрылся
Угрюмый дым...
Дрогнули скрюченные скелеты,
Казалось, давно бездыханного сада,
Из грубых узлов,
Из обрубков обугленных
Юные первые листья зажглись
На трепетных, тонких ветвях надежды,
И робкий,
Крохотный, как снежинка,
Первый цветок улыбнулся мне!..

В древности черной кто-то изрек проклятье:
Приговорил наши души к вечным страданиям.
Мрачным, седым пустырем, пепелищем дымным
Долгие годы душа и моя оставалась.

Но донеслось до меня блаженное слово,
Даже не слово — улыбка добра и участия,
И отомкнулись ржавые двери темницы,
И ворвались ароматы в горькую душу.

Каждое утро ко мне с той поры приходит
Добрая гостья, дивная гостья — Улыбка.
Так наступило прозренья зарей весенней:
Знаю теперь, откуда придет спасенье!

Джазби

ЕЩЕ ПРИЗНАТЬСЯ НЕ УСПЕЛ...

Еще признаться другу не успел я
в своей беде, в мучительной вине,
Как выдало себя мое страданье:
блеснули слезы, взор застлала мне.
Не дай сейчас мне умереть, всевышний,
когда угрюм и разорен мой дом, —
Пусть недруги злорадствовать не будут,
что был убит я мукой и стыдом.

ТРИ ГАЗЕЛИ

1

Забыть тебя, забыть тебя давно бы сердце радо,
Но не стереть с души следов печали и разлада.

Не гнулся я под ветром дней, под бременем несчастий,
А ныне до земли поник от пристального взгляда.

Поверьте мне: я не хотел сердить других красавиц,
Скажите им, что упрекать безумного не надо.

Тому, кто сердца не сберег от злых шипов страданья,
Не наслаждаться блеском роз и благовоньем сада.

Так горячо взглянула ты, что тайны скрыть не смог я,
Твоей пощады молча ждал — но не пришла пощада.

Ни разу воли я не дал ни вздохам, ни отчаянью,
Как только твой суровый взор призвал меня к молчанию.

Мог без конца бы упрекать судьбу мою — да стоит ли?
— Тобой погублен! — в двух словах вся жизнь моя
печальная.

Но между нами до сих пор трепещет связь незримая:
Чуть сердце дрогнет, всякий раз я вспомню час прощания.

Хотел рыдать и упрекать — но бурю сожаленья
Твой строгий взор остановил в последние мгновенья.

Как я когда-то был в любви стыдлив и простодушен:
Заметив девы нежный взор, терялся от смущенья!

Уснул мой кормчий, тишина, невозмутимы волны,
А я у берега тону: тону — и нет спасенья!

Что вкратце рассказать могу о жизни пережитой:
Одни лишь беспокойства знал, ища успокоенья.

Прошел ты долгий путь, Джазби, но как его прошел ты?
Вставал, и падал, и вставал — для нового паденья.

ГЛАЗАМИ БЕДНЯКА

Жрец красоты, певец природы — ты ей молитвы петь готов,
Но что за смысл в ее красотах для нас, злосчастных
бедняков?

Мне тоже ночью светят звезды сквозь прохудившийся
навес,
Но почему-то в их мерцанье не вижу никаких чудес.

Не дарит мне успокоенья луна в холодной вышине,
Восторг любви при виде розы не пробуждается во мне.

И в яркой алости тюльпанов, в сверкающем рожденье
дня
Не замечаю даже искры тобой воспетого огня.

Когда под солнцем беспощадным желтеет поле,
сохнет луг,
Где ты спасаешься от зноя? Где коротаешь свой досуг?

А знаешь ли, как зимний ветер прохожего сшибает с ног
И так терзает сквозь лохмотья мороза ледяной клинок.

Когда ты красотой взволнован весенней, бурной
быстрины,
Мне вспоминается, как тонут рыбацьи ветхие челны.

Когда, гремя, сверкает небо и стрелы струй стучат в окно,
Я жмусь и дрогну возле дома, где ты в уюте пьешь вино.

И для меня светлей Венеры, лучистой золотых Плеяд
Кусок лепешки, что в лачугу принес я для своих ребят.

Когда ты сыт, бренчат монеты и стужа не бросает
в дрожь,
Тогда и звезды — самоцветы и снег на серебро похож.

СМЕРТЬ

Нарушу сон и тишину — и можно уходить.
Мой дом вверх дном переверну — и можно уходить.
Вина печального хлебну — и можно уходить.
В себя поглубже загляну — и можно уходить.

Разлука мне терзает грудь, горчит любви вино.
Не хочет мир передохнуть, хоть он устал давно.
Перекрывает буря путь, в глазах моих темно.
На милое лицо взглянуть — и можно уходить.

Неужто все на нет сойдет и сгинет волшебство,
Неужто пересохший рот не скажет ничего,
Неужто голос пропадет у саза моего?
Пусть саз в последний раз споет — и можно
уходить.

Когда я силы потерял — сгустилась темнота,
И кто-то отстранил бокал от жаждущего рта.
И сказочный дворец пропал — разрушилась мечта.
Я новый возведу портал — и можно уходить.

Чужие радость и беда мне сердце жгли огнем,
Как жаль, что люди никогда не ведали о том.
А слезы льются, как вода, и в горле горький ком,
 Комок исчезнет без следа — и можно уходить.

В глазах светилось до сих пор моей любви тепло,
Не лгали губы до сих пор, когда клеймили зло,
И благородством до сих пор отмечено чело.
 Окончу с миром разговор — и можно уходить.

ТАВАИФ

Порою на тебя взгляну надменно:
Я — наверху, а ты — на самом дне.
И устыжусь надменности мгновенно:
Ведь ты же для меня — что свет в окне!

Все преходяще в этом мире бренном,
Но боль моя не тает в глубине.
И — не стыдись — я плачу откровенно,
Что слезы льешь ты по моей вине.

Печальница моя! Покой блаженный
Обрящешь ли с другими наравне?
Живешь ты в униженье неизменном,
Что проку для тебя в моем огне?!

Измучившись, ты вянешь постепенно
И, кажется, уже не веришь мне.

Али Сардар Джафри

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пред нами — путь Человека, дорога жизни,
Что грузом тысячелетий отягчена.
Следы бесчисленных шагов она сохранила —
Истории мира немеркнущие письмена.
Под пылью и прахом минувшего погребена,
Но все, что прекрасным было, хранит дорога,
Как мать бережет покой детского сна.

Пред нами — путь Человека, дорога жизни,
Что грузом тысячелетий отягчена.
Чингиз, Надир и Тимур прошли этой дорогой,
Их факелов светом кровавым дорога обогрета.
Прошли рабов и рабынь бесчисленные караваны,
Теряя последние силы, измучив душу до дна.
На головах они пронесли египетские пирамиды,
Руками их передвинута Китайская стена.
Прошли процессии пышные шейхов и брахманов,
Чья исступленная вера, как жертвенник, раскалена.
Они затемнили дорогу своей уродливой тенью,
Их тень еще и поныне с дороги не сметена.
Прошла гурьба торгашей, обманщиков белокожих, —
Золотом, смешанным с грязью, наполнилась их казна.
Прошла толпа блюдолизив, угодливых попрошаек,
Правителей, у которых холопски гнется спина.
Но больше всего по дороге прошло измученных горем,
С увядшим лотосом сердца, с душой, где печаль одна.
Пред нами — путь Человека, дорога жизни,
Что грузом тысячелетий отягчена.
Но с горизонтов иных иные идут караваны,
Светильники их сияют, как новые времена, —
То армия революции, могучее войско восставших,
Их поступь тверда, а душа надеждой окрылена.

Все выше и выше вздымаются их воли твердой знамена,
Под ветром шумят, развеваются победы гордой знамена.
В руках у восставших светятся солнце и луна.
Вставайте, люди, в ряды чудесного каравана, —
Великая цель человечества идущим ясна.
Дорога жизни ведет борцов за свет Хиндустана,
К бессмертным подвигам их зовет наша страна.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза...

Молодые, лучистые, ясные твои глаза.

За трепетной сетью ресниц,

Под гордым изгибом бровей,

На прекрасном лице сияют, как звезды,

Твои глаза.

Приходят в мою тюрьму

Сквозь бессонную ночь,

Сквозь миллионы звезд...

Я пишу —

И порхают над белой бумагой ресницы —

твои глаза.

Я читаю —

И в каждой строке трепещут

твои глаза,

Засыпаю —

Чудесные сны навевают

твои глаза:

Я — в кругу веселых друзей,

Розы радости

Молодые бутоны раскрыли для нас,

Аромат весенний струится из цветов

твоих глаз...

Когда на рассвете уводили меня в тюрьму,

Подняла ты с подушки голову, прогоняя

из сердца сон

Капля за каплей с твоих ресниц

Падал спугнутый сон...

Великим пламенем ненависти запылали

Твои глаза.

Презрения острые молнии метали

Твои глаза,
Испепеляя яростным гневом строй палачей.

Любовь моя
В глазах твоих встретила огонь любви.
Взгляды мои
Поцелуем ответили твоим глазам.
Надежды мои
Безмолвно кричали тебе:
«Факелу жаркой ненависти угаснуть не дай!
Ясным светом любви своей
Пути наших грез освещай».

Твои глаза...
В душу мою навеки вошли твои глаза.
Нежными цветами лотоса расцвели они
в сердце моем,
И родились еще два глаза из этих цветов —
Как два драгоценных камня они горят,
Блеском твоих и моих глаз они горят.

Глаза... Еще, еще и еще глаза...
Всегда, бесконечно будут струиться
В объятьях времени потоки звезд.
Будут похожи они на твои глаза...
Будут похожи они на мои глаза...
Сегодня гневное пламя мечут наши глаза.
Но ближе и ближе прекрасное завтра —
Завтра весна загорится
В наших глазах!

ВОСТОК И ЗАПАД

Жизнью жизнь остается во множестве форм.
Мысли всюду — как море, и страсти — как шторм.
Разным землям различных небес не дано,
Для Востока и Запада солнце одно.
Рассветает во всех государствах подряд,
И сердца на одном языке говорят.
Из Европы рыданья Джульетты слышны.
Песнопевец в любви наслажденье обрел.
Изваянием огненным вспыхнул глагол.
На Востоке прохладней от ветра садам.
И на Западе ветер такой же, как там.

Между нами насильники вносят разлад.
Как и я, только сердцем своим ты богат.
Нас с тобою не Запад ногами топтал —
И тебя, и меня угнетал капитал.
Не щадил капитал ни держав, ни племен.
Нашу кровь за бесценок высасывал он.
Капитал ненавистен и мне и тебе.
Мы с тобой заодно в нашей общей борьбе.
Сена с Темзой по-прежнему жизни полны.
Отвечает им Ганга напевом волны.
Листья зелены всюду, куда ты ни глянь;
Человека повсюду пугается лань.
Очи Запада — очи газелей степных,
Синева гималайская светится в них;
Всюду ветром разносятся песни лесов;
Одинокого путника слышится зов.
Зацветают цветы, чтоб сплетаться венкам,
Чтоб на запах медовый лететь мотылькам.
Всюду кружатся пери на свежем ветру.
Все по-своему в ту же играют игру.
По морям безмятежно плывут корабли.
Заселяются все побережья земли...
Жизнь — великое таинство и торжество,
Днем сменяется ночь, волшебством — волшебство.
Ночью лампа горит, ночью лотос цветет.
Юность в чашах смеется всю ночь напролет.
Утро встретит скитальцев, и спрячется зверь.
Как объятья возлюбленной — каждая дверь.
Окна прячут ночами под сенью ресниц
Изобилье дневное пейзажей и лиц.
И на Западе матери кормят детей,
Как в Иране и в Индии, грудью своей.
Много школ на земле, много в мире дорог,
И ребенок походит везде на цветок.
Миром всюду пленен человеческий глаз.
Всюду радости мира открыты для нас.
Ритмом сердца людского хорош твой напев.
Блещут краски земные, душой завладев.
Красотою богаты Эллада и Рим.
Парижане гордятся искусством своим.
На базарах твоих — Зулейха и Юсуф.
О Меджнунах Лейли вспоминают, вздохнув.
Где господствуют деньги, там равенства нет.
Этот ходит в лохмотьях, а тот разодет.
Всюду кривда жестока и правда чиста.

Сластолюбцу смельчак — никогда не чета.
Отдалишься от правды хотя бы на шаг.
И тебя непроглядный окутает мрак.
Ядовитая спесь на тебя нападет.
Противопоставляя народу народ.
Косы девушек наших — как ночь без огня,
Косы девушек ваших — как золото дня.
Черным пламенем — очи любимой моей.
Очи западных женщин синее морей.
Пусть у наших одежд различный покррой —
Роза розой останется в вазе любой.
В разных кубках вином остается вино,
И цветам изменять аромат не дано.
Верность благоуханна всегда и везде.
Красота нам желанна всегда и везде.

УБИЙСТВО СОЛНЦА

Стремительный вечер острее кинжала,
Смертельною раной зияет закат.
Каменьями падает огненный град.
К земле небеса темнотою прижало.

Скончался в молчании солнечный свет.
Какая тут вера? Доверия нет.
В припадке удушья не вскрикнешь от боли.
Страданье должно замереть поневоле.
Теперь не раздастся отчаянный зов.
Ни радостей нет, ни желаний, ни слов.
Горячие лбы, ледяные ступени, —
Покончено с этим. Кругом отупенье,
И только у наших врагов — торжество.
Когда красота неприметнее тени,
Собою пожертвуешь ради кого?

Зачем же мне голос и воображенье?
Затем, чтобы громко воспеть палача?
Но нет. Не кончается этим сраженье.
Победа надвинется, гимном звуча.
Колючками сыты в пути караваны,
И розы по-прежнему благоуханны.
На время замкнула нам губы печать,
Чтоб новыми песнями счастье встречать.

В свече и звезде, сновиденье и в слове —
Горячие проблески солнечной крови.
И слезы сверкают под сенью ресниц,
Как тысячи маленьких ярких зарниц.
На небе — сполохи, во мраке — просветы.
Рыданьям планеты внимают поэты.

Колеблются стены полнощных теней,
Пустыня полна предсказаний тревожных,
Весеннюю песню запел соловей,
Бутоны словно меч в зеленеющих ножнах.
По-прежнему ветер порывист и свеж.
Рассвет разрастается, словно мятеж.

И ночь завершается, точно столетье.
Природа восстала. Светает. Смотри:
Идут караваном цвета и соцветья,
И солнце сидит на плечах у зари.

В.-Р. Кант

КАМЕНЬ, ДАВШИЙ ОГОНЬ

Земля помнит камень, давший огонь.
Светильник зажжен на темном континенте.
В пучке огня
Шипит кровавый глянec драгоценного змеиного
капюшона.

Точки смерти сверкают в львиных глазах.
Ветер, остановись.
Дыханье твое враждебно.
Этот огонь зазмеится еще в факелах ведьм,
Засветится над рогами оленей.
Ветер, стой.
Земля помнит камень, давший огонь.

В экваториальном поясе
Существует страна, рожденная от семени Солнца.
Она изучает в тумане столетий
За темными джунглями
Наклонный каменный алфавит
Таинственных пирамид,
Стараясь расшифровать знаки обузданного дыхания
И кровотока, угадать, кто сидит
В безвеких очах Сфинкса.

Присущ ли ритм сопротивления
Следам на песке,
Следам рабов, бряцающих цепями?
Земля помнит камень, давший огонь.

Изобильными стали голые пустыни.
В лесу, вокруг кипящих котлов,
Танцуют в упоении

Полуголые люди с телами как из черного дерева.
Словно из черного мрамора, обрывы скал.
Темные мечты в черных тучах дождливых ночей.
Ритуальный танец весенних девушек:
В серьгах из раковин океаны звенят.
На горизонте бьют барабаны,
Расплавленным солнцем коралловое ожерелье облито.
Человеческие глаза над котлом,
Как светлые и черные каури...
Земля помнит камень, давший огонь.

Мухаммад, стерегущий верблюдов.
Вернувшаяся жажда.
Страницы Корана отлетели от корешка
И унеслись в сосновый лес.
Христов агнец тоже пришел сюда.
В битве между мечом и весами
Позабыт Крест.
Некто пришел тощий и щуплый
С руками Ганги и духом Гималаев,
Он зажег первый свой факел,
Миролюбивое пламя Истины-Сатьяграхи
(Расплавленные огни пустыни звучат в памяти
Гималаев).

На берегах Ганги и Джамны,
На берегах южных морей
Все тот же свет.
Земля помнит камень, давший огонь.

За семью морями
Над небоскребами и дворцами из стекла и металла
Взвиваются фейерверки.
Посмотрите на эту страну:
Скоро и здесь испробуют острие
Вашингтонской секиры Свободы.
Обеты Линкольнова равенства
Прозвучат и на берегах Конго.
Вечерняя молитва Махатмы, пронизанная мукой любви,
Переросшая масштабы жизни,
Затмит солнечную систему, взойдя над этой землей.
Земля помнит камень, давший огонь.

ПЕСНЮ СВОЮ Я ОСТАВИЛ ПОД ДЕРЕВОМ

Песню свою я оставил под деревом.
Смолоду мыкаюсь с сердцем пустым.
Мысли безрадостны. Чувства потеряны.
Перебиваюсь мотивом простым.

Преодолевши пустыню огромную,
выжженную — полжизни кружил,
изредка старую песню припомню я,
ту, что к подножию где-то сложил

широкоствольного дерева. Ласково
в травы спадала и прядала тень.
Солнышко мне улыбалось лобастое,
ветви раздвинув. Я помню тот день.

Всюду сияли цветы небывалые
в чистом, омытом зарею, краю.
В небе резвились два облачка малые —
там и оставил я песню свою.

Прочь уходила весна, переменчива.
Словно в растерянности, брела
следом любовь. Незнакомая женщина,
к дереву прислонившись, ждала,

видно, кого-то... Вдруг шорох услышала,
вдруг увидала, что рядом стою.
Затрепетала вся, — предвосхитившая
всем существом своим песню мою.

Сари откинула с плеч. Непослушные
плечи чуть вздрагивали и грудь.
Яркие губы, а очи — потухшие.
Очи, в которые заглянуть

боязно... Чудом, бесследно потерянным,
я и сейчас называю ее.
Вот где я песню оставил под деревом.
Песню, похожую на нее.

КУКАРЕКУ!!!

В едином ритме, слитным шагом
шагают за всеобщим благом.

Трепещут тысячи знамен.
Грозою воздух напоен.

Я вижу —
не боясь подвоха,
грядет великая эпоха.

И гром и марш со всех сторон.
И новый мир провозглашен.

Я, гражданин обыкновенный,
пою восход зари священной.

Я славлю небывалый день!
Вдруг некто, вежливый прохожий,
по виду мизантроп, — на тень
разрушенной стены похожий,
сказал: «Сегодня во дворе
у мясника все утро бегал
петух...
И тоже на заре,
как ты, отважно кукарекал.

Он славил жизни торжество.
Отбегался, однако, петел...
Смотри, вон перышки его
разносит по дорогам ветер».

Кусумаградж (В.-В. Ширвадкар)

ТАИНА

Мне надо бы тайну тебе открыть,
но, видно, тому не быть.
И перед входом в храм
я клятву не дам.

Я — пахучее древо
в преддверии лета,
но от меня
не дождешься цвета.
Я бы мог написать имена
далеких планет,
только букв
для этого нет.
На горизонте
облачко розовеет,
тайну его
никто рассказать не смеет.
В далекой гавани
корабли —
сокровища их
не достигнут земли.

Столько в тебе доброты и чар,
что будь я лесной пожар,
ни один бы мой уголек
тебя не обжег.

ПРОБЛЕМЫ

Моя эпоха в хаосе проблем
погребена... Они фонтаном брызжут
из недр земли

и звездного пространства.
Шипят, как кобры,
жалят и ползут.
Рычат, как звери дикие,
и бьются,
на свет рождая
тьмы себе подобных
неразрешимых, маленьких проблем.
Чтобы потом опять, сшибаясь лбами,
сходить с ума,
противопоставляя
эффектный фейерверк
контрпроблем.
Извечное ристалище... на нет
сводящее мудреные ответы,
где инфантильный прячется ответ,
дрожа, как кролик
за щитом планеты.

МЕЛОДИЯ

Сладчайшая из мелодий...
Увы, не в концертном зале
и не в горном ущелье
от пенящегося потока...
Не в океане,
не в птичьих трелях
и даже не в близкой улыбке
зовущих губ.
Сладчайшую из мелодий я слышу,
когда с чьих-то онемелых запястий
с восхитительным звоном
падают кандалы.

НИЩИЯ

Жил-был нищий когда-то.
Ходил он по свету с деревянной миской.
Не могло наполнить миску
ни одно подаянье.
Цари бросали туда свои троны.
Кубера — богатства.

Золотые сокровища
сыпались в деревянную миску.
А миска оставалась пустой.
Ученые подносили знания.
Священнослужители —
сакральные тайны.
Святые — души свои,
герои — дела.
А миска все так же оставалась пустой.
И вот однажды
нищий подошел к жилищу
бедной служанки.
Она кормила грудью младенца.
Нищий сказал ей:
«Матушка, дай мне, что можешь».
Юная женщина
отняла от груди свое чадо
и нацедила молока в деревянную миску —
всего несколько капель.
Отягчало соски
ее рвущееся наружу материнство.

И миска впервые наполнилась до краев.
И стала океаном в ладонях.

И теперь нищий, идя по свету,
не просит — дает.
Одаряет любого
влагой благословенной.
И надо-то немного любому —
всего две-три капли.
Вот почему, вопреки распаду земному,
род человеческий выжил.

МОЯ ОБИТЕЛЬ

Много-много лет назад
заключил я договор
с небесами. И с тех пор
стал далеким звездам брат.
И надмирный Млечный Путь
стал пристанищем моим.
Чтобы, тяготам земным
вопреки, я мог взглянуть

на заглохшие сады,
на притихшие леса,
в коих птичьи голоса
смолкли — верный знак беды.
Свет небес неугасим.
Перышки расправив, та
ярко-синяя звезда
стала детищем моим.

В лютый холод, в снегопад
непролазный и в туман,
и когда начнет вулкан
изрыгать огонь и чад,
есть куда сокрыться мне.
Есть где преклонить главу.
Даже если и живу
бренной жизнью на земле.

ДЕНЬ

День
радио и телепередач,
газетных, кулуарных новостей.
День
радостей, любовных приключений,
манifestаций, воровских налетов.
День
солнца,
месяца,
свернувшегося в позе льва.
День,
кровью истекающий. Христос
в крови, распятый на кресте.
День
тысячей Сваямбху,
вдруг возникших из ничего.
Непостижимых скоростей —
день,
ужасов
и новых конституций.
И всякий раз
он падает, как лист,
летающий с древа времени,
летающий — за горизонт,
туда — навстречу
смерти.

Газетная пылает полоса.
Колонками, каскадами петита
спадает на глазах неотвратимо
в бензохранилище...
Нешадно жжет
трепещущие крылья голубей —
беспомощных и миролюбивых.
Глубинный взрыв разбрасывает птиц,
как искры...
Кратковременные сделки
с трудом законный статус обретают.

Напуганный террором интеллект
в себя приходит лишь
на дне каньона,
на уровне реликтов мезозоя,
где след цивилизованного мира
не ночевал еще...
Там динозавры
еще стадами бродят и живут
в расхлябанных болотах,
сотрясая
все континенты, все оплоты мира
своим зубастым
толстым смехом.

* * *

Мы живы только здесь.
Ничтожный миг
есть наша жизнь, а дальше —
небытие и пустота — ничто.
Мгновенна жизнь.
Однако же упряма,
когда потоком дышащего света
врезается в космическую тьму.
И миллионами горячих губ,
тысячелетия страждущих, берет
соски земного опыта... Полезно,
горчащее польнью молоко.
Ничтожна жизнь — инерция огромна.
И потому она с небытием
не может примириться.

Нетерпимы
мы к выводам конечным.
Во вселенной
прослушивается наш слабый пульс.
И потому
великие религии и книги
священные,
пророки, мудрецы, вожди, солдаты —
все втянуты, погружены
в бессмысленнейшее отрицанье
НЕБЫТИЯ.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Я, тьму разгребая, четыре
луча от заката принес.
Тревожно в полуночном мире.
Заходится ветер всерьез.

Быть шторму ночному... Планета
продрогла. Лучи не спасут,
добавив светильнику света.
И все же они принесут

надежду на пробужденье,
на солнечность будущих лет,
бросая в минуты смятенья
в сердца наши
брезжущий свет.

ДЕРЕВО

Ты — благодатный дождь.
Ты — солнце,
которое в траве смеется
и в тучах — в грозной вышине.
Твое тепло меня коснется,
недвижного... И дождь ко мне
в ладони черствые прольется.
Привязана судьба моя
лишь к этому ручью, оврагу.
Устало принимаю я
в лесу
твое тепло и влагу.

ТАЙНАЯ ПЕСНЯ ЗЕМЛИ

Век проходит за веком...
Как долго ты будешь
меня избегать? Как долго,
втянутому в орбиту твою,
искать мне любви безответной?
Уж мне не пристало вздыхать,
как в юности нежной.
Факел любви
давно отгорел,
угли чуть тлеют.
Стыло и голо в клетке грудной.
И все же —
сердце мое не погасло.
Факел любви
заронил пламя в сердце.
Куда иду я — не знаю.
Знаю, что ты — впереди
и я за тобой.
Тлеющий уголь жжет беспокойное сердце,
слабый хребет у сердца ломает.
В бархатном небе
звезды сияют роскошно.
Голову мою осыпают лепестками метеориты,
Господи, мир без Тебя
безнадежная тьма. Вон, я вижу
Полярную звездочку — славно
сидеть ей в семье мудрецов.
Вижу — комета,
космы свои распустив,
совершает огненный танец.
Уж не меня ли намеревается обольстить...
Гимны любви посылает мне Шукра;
Мангала посылает...
Ярость его беспредельна —
не оттого ли, что я поклоняюсь
славе твоей?
Можно ли мне развлекать
этих ночных светлячков?
Мне их чары не интересны.
Лучше уж я потерплю отдаленность твою.
Я желаю с огнем твоим слиться.
Быть с тобой
в неразрывном объятье.

Пламя пить с твоих уст,
боль счастливую перемогая.
Совершенная слава твоя
бесконечна и безначальна.
Ну, а я... я — бедна.
Только бедностью и богата.
И гордиться мне можно лишь тем,
что я — пыль, украшаю стопы твоих ног.

Маджаз

ПОЕЗД И НОЧЬ

Опять отходит поезд от перрона,
В тиши ночной посвистывая сонно.

Хлебнув прохлады горной, луговой,
Он начинает петь неугомонно,

То зашумит, как дождик проливной,
То мелодичные уронит звоны...

Как песня пери, как речной поток,
Его напев приволен и широк.

Баюкает он юные растенья,
А юным девам дарит сновиденья.

На стыках поезд захлебнется вдруг,
Вокруг рассыпав дробный перестук.

На поворотах — словно стан девичий—
Колышется он плавно и ритмично.

В крошечной тьме прокладывая путь,
По насыпи разбрызгивает ртуть.

Как свадебное шествие вельможи,
Ночную тишь он музыкой тревожит.

Цветами искры падают, легки,
И ветер подбирает лепестки.

А поезд мчится, скорость набирая,
Пространство неустанно пожирая.

На горный склон взбирается змеей,
Блестя во тьме оконной чешуей.

Потом мерцающей звездой падучей
Летит в долину с поднебесной кручи.

Штурмует бешено луга, поля
И шквалом в лес врывается, шаля.

Проснувшись, птицы покидают гнезда,
На небе в страхе замирают звезды.

Переполох, сверканье, дым и гром —
Он кажется всеильным божеством.

Не знающий преград скакун игривый,
Он мчит, размахивая дымной гривой.

Течет ручьем по травам луговым,
Плывет в низинах облаком седым.

Журчит, как водопад, в полночной сини,
Фата-морганой светится в пустыне.

Порою дым он кольцами завьет,
Замедлит ход и вновь спешит вперед.

Развеселясь, играет огоньками,
А разъярившись — изрыгает пламя.

И — словно самому себе назло —
Пыхтит, сопит и дышит тяжело.

Быть может, он устал, быть может, болен?
Собой и всей вселенной недоволен?..

Пронзительно гудит он на мосту
И мечет искры вниз и в высоту.

Река кипит под этим фейерверком
И вторит каждой искре пересверком.

В тоннель ныряет он одним броском,
И снова — свист, гуденье, грохот, гром.

Он озирает даль бессонным взором
И ужасается ночным просторам.

И — словно жалкий нищий — всей спиной
Вдруг ощущает холод ледяной.

Но вновь вперед, вперед без промедленья,
Суть поезда — извечное движенье.

Пускай глухая ночь темным-темна,
Но там — за поворотом — новизна.

Влечение к новизне неодолимо,
Былое отступает, мчится мимо.

Какая быстрота, какой накал!
Как горестен удел недвижимых скал!..

Меж тем твердыня мрака посерела.
А поезд сыплет огненные стрелы...

Страшись его, скорей сойди с пути —
Стремясь вперед, он может все смести.

По рельсам катит споро, энергично,
Одoleвать простор ему привычно.

Он мчится к цели с кличем боевым,
И флагом дым колышется над ним.

Бунтующий, мятущийся, упорный,
Он прославляет разум непокорный.

Гром пушек, буйной песни торжество
Звучат в немолчном голосе его,

И рев трубы, и грохот барабана,
И ярое бунтарство урагана...

Гляди, поэт, как он таранит тьму,
И в изумлении внимай ему.

КРАСОТА И ЛЮБОВЬ

Поверь: краса твоя бесценный клад.
Я твоему лицу, как солнцу, рад.

Мой мир печальным, мрачным адом был,
Но ад ты превратила в райский сад.

Поверь: любовь твоя — бесценный клад.
Поющий саз, как ласточка, крылат.

Звучит напев, и сердце рвется ввысь
И пламенеет — струнам саза в лад.

ГАЗЕЛЬ

Она пришла ко мне, но все ж душа больна,
Я безутешен вновь — ее ли в том вина?

Я не успел спросить, любим я или нет:
Лишь рот я приоткрыл, потупилась она.

Но все ж — клянусь мечтой, восторгом и тоской —
Ее улыбки сласть изведаль я сполна.

Я утонул в слезах, как о любви сказать,
Когда мои глаза застлала пелена?

Любовь то что-то даст, то что-то отберет,
Для любящих сердец любовь всегда трудна.

О виночерпий мой, о чем ты загрустил?
Наполни чаши нам — да здравствует весна!

За праздничным столом пируют мудрецы,
И плещется струя игристого вина.

МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЕ

Сними чадру, лицо открой — не бойся ничего,
Послужит красота чадрой — не бойся ничего.

Сияет ярче красота, когда душа чиста.
Твое оружье — чистота. Не бойся ничего.

Разгневавшись, нахмуришь лоб, и дерзкий отойдет,
Ведь гнев больней кинжала бьет — не бойся ничего.

Ты побледнела, ты дрожишь — приди в себя скорей,
Туман сомнения развеяй — не бойся ничего.

Не стоит раны беречь, гасить огонь души.
Засмейся, слезы осуши — не бойся ничего.

Сейчас ты стала госпожой, о рабстве позабудь,
Вступи скорей на новый путь — не бойся ничего.

Еще ты на людях робка, но это не беда,
Исчезнет робость без следа — не бойся ничего.

Пусть тика на твоём челе как звездочка горит.
Перед тобою мир открыт — не бойся ничего.

Поверь мне, праведников кровь ручьем текла не зря,
Из крови родилась заря — не бойся ничего.

Сейчас бунтует молодежь, пример с нее возьми,
Для песни губы разомкни — не бойся ничего.

Анчал трепещет надо лбом, приподними его
И сделай знамя из него — не бойся ничего!

БРОДЯГА

На улицах ночных теряется мой след,
Среди домов чужих теряется мой след,
И цепь скорбей моих влачится мне вослед.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть? как быть?..

Сияют фонари, сводя меня с ума,
И мнится: блеск зари ложится на дома.
А боль растет внутри и мучит, как чума.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть? как быть?..

Струится небосвод серебряной рекой,
В ней чей-то сон плывет рыбешкой золотой.
Кто боль мою уймет, кто мне вернет покой?

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Умершая звезда упала с высоты,
Блеснули, как слюда, осколочки мечты.
Куда идти, куда? Где скрыться от беды?

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Насмешничает ночь: дурак, в кабак иди,
А если пить невмочь — к прелестнице иди
Иль убирайся прочь — на край земли иди.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Вскипает в жилах кровь, полночный город пьян,
Дешевая любовь, бесчестье и обман
Морочат вновь и вновь бессонных горожан.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Передохнуть в пути мне не велит судьба,
С дороги прочь сойти мне не велит судьба,
А друга обрести мне, видно, не судьба.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Толпа настырных бед преследует меня.
Быть может, кто-то свет зажег бы для меня,
Но верности обет стал цепью для меня.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Ах, если бы я мог от клятвы отступить,
Ах, если бы я мог любимую забыть,
Ах, если бы я мог воспрять и цепь разбить!

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Большой чалмой луна плывет издалека,
Запятнана она, как том ростовщика,
Бескровна и бледна, как юность бедняка.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Огнем пылает боль — что с ней поделаться мне?
На раны сыплю соль — что с болью делать мне?
Претит бродяги роль — но что же делать мне?

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Я руку протяну и звезды скovyрну,
Покойницу луну я тоже скovyрну,
Взрывая тишину, все небо скovyрну!

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Наш мир убог и сир, в нем царствует палач,
Жестокий, лживый мир, в нем царствует палач,
Чингиз, потом Надир — на палаче палач.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Мне гнет бы сбросить с плеч, тиранов растоптать,
Сломать кровавый меч, осколки растоптать,
Костью готов я лечь, чтоб мерзость растоптать.

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Земное божество сотру с лица земли,
Дворцы, сады его сотру с лица земли,
Свободы торжество наступит для земли!

А боль огнем печет, бичом сечет — как быть, как быть?..

Раджендра Шах

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

На многолетнюю пыль у двери
Я поставил свою суму со скудными пожитками,
Когда из тумана выскользнул первый луч света
И осторожно разбудил мир.

Несколько стариков, еще живых, встретили меня.
Хозяйка, мельком взглянув в мою сторону, продолжала
работу.

Дети, горя любопытством, столпились вокруг меня.
А собака, немного полаяв, обнюхала ноги.

Ключ в замке повернулся: со скрипом раскрылись двери,
Запертые целых десять лет!
Сырой, спертый воздух, вырвавшись, обдал меня
И устремился наружу, как призрак, обретший свободу.

Когда я вошел в дом, темнота на миг застлала глаза,
Но потом, осветившиеся лучом, ожили старые лики...

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ДОМ

В моем маленьком доме
Со стенами, обмазанными белой глиной,
Тепло от углей,
Тлеющих в горшке.

Мир тих
Снаружи
В холодной, как иней,
Тьме.

Под простынею сжавшись,
Я встречаю зябкую полночь.

Что-то шевельнулось там!
Воздух слегка задрожал вокруг:
Это вздыхает призрак,
Прячущийся в шелестящем дереве.
Падает желтый лист запоздалый.
Лесной сверчок напомнил о себе.

С треском
Рассыпается слой пепла.
Глаза теплеют.
Я вожу дружбу со снами.
И все-таки ночь не люблю.
Не успел задремать,
Как петух уже кличет зарю.
Порыв ветра осыпает росу.
На колючих ветвях темноты —
Красный бутон...

МГНОВЕНЬЕ

Я иду по гладкой земле мгновенья.
Походка моя легка;
Я пою под эктару;
Все, кого я встречаю в пути,
Приветливо мне кивают.

Продолжаю движенье, волосы мои растрепаны
ветром.

По-новому дышит грудь, новое желание
Рождается в ней.
Я иду сквозь воздушную пыль.
Наугад.

В полночной мгле разверзаются высокие небеса.
Язык света скор;
Обнажается алое. Вспыхивает огонь; я приветствую,
Приветствую потоки росы.

Все, что приближается ко мне, обволакивает меня,
Напевая нежную песнь — в ней слышится шелест
волны.

Великодушьем наполняет она мое сердце.
Потом, отделяясь, все это исчезает в прошлом.

Ничто не отвергается мною; ничем не занят мой ум;
Я люблю все сущее.

Руки мои свободны; сердцу уже неведомы желания.
Звенит эктара.

Единственный мой покров — овевающая пустота.

Я иду по бескрайней земле

К высочайшему из всех звуков —

С наслаждением, с наслаждением.

Наугад.

В ТИХИХ ВОДАХ

Когда,
Клубя над дорогою пыль,
Возвращается стадо коров,
Я люблю золотистое небо.
Тихие воды колеблют
Отблеск
Вечерний.

Птица в гнезде
На лесистом речном берегу,
Крылья сложив,
Пропела короткую
Песню.
Звуки летят, замирая
В сумерках легких, безмолвных.
Ложатся
На тихие воды...

Одна за другой
Зажигаются звезды.
Выткана ночь голосами сверчков.
Лотос хранит аромат
В тихих водах...

Падма Голе

ТАНЦОВЩИЦА

Огненный танец
достиг накала.
В ритме рыданий, опьянена
чувственным упоением зала,
самозабвенно
танцует она.
Эта — все мы невольники ритма —
вымотавшая душу игра, —
неутолимая вечная битва
раскрепощенного торса, бедра.
Льют колокольцы с тонких запястий,
с нежных лодыжек
серебряный звук.
Волнообразная музыка страсти
в пламени
окольцованных рук.
Очи сверкают,
сари искрит.
Кто-то монету сверху бросает.
Танец на миг она обрывает
и, долу склонившись, благодарит.

СТРАШНО БЫТЬ МАТЕРЬЮ

Раньше я не боялась материнства,
а теперь боюсь.
Я никогда не жаловалась на беспомощность,
а сегодня я в смятении.
Когда ты спросил меня:
— Мама, куда я должен идти? —
страх перехватил мне горло
и хлынули слезы.

Как я отвечу,
куда ты должен идти, мой мальчик...
На Юг, на Восток ли, на Запад?..
Зло бесчинствует всюду,
страх перекрыл все дороги,
по которым можно пробиться
к знаниям, к правде.
Заметны его следы.
Я вижу, как шевелится дьявол
под ветхой одеждой моря, неба и суши —
там радиация дышит,
сгущенная в дьявольской бомбе.
Любой из путей человеческих
кровью запятнан.
Нет убежища для ребенка
даже в материнском объятье.
Подобно оружию Дроны
ветер Хиросимы
может ударить тебе в лицо.
Но куда-то ведь надо идти...
Движение неотвратимо...
Куда же?
Нет на этот вопрос ответа.
Духом не падай, дитя мое.
У каждого свой — единственный — путь.
И каким бы он ни был,
только бы не во зло человеку.
Будь же мужчиной. Ступай.
Первый шаг неуверенный делай.
Каждый должен спешить.
Только помни —
ЕСТЬ У КАЖДОГО МАТЬ.

Я СТАЛА ТЕМНОТОЙ

Я стала тайной тьмой,
что ворожит в пещерах,
блукает меж ветвей,
ютится в шалашах.

Я стала тем песком,
что спит на дне озерном,
на океанском дне —
в глубинах детских лет.

Я стала нищетой,
листвой осенней, желтой,
что одиноко льнет
к земле, к корням, к коре.

Но вот однажды ты
пришел, коснулся взглядом
как будто влажным... Прах
как будто окропил.

И темнота уже
мерцает звездным небом.
Сухой опавший лист
таит зеленый звон.

Вновь стану темнотой
иль спрячусь, может быть,
чтоб от себя самой
тебя же защитить.

Хадим Садарангани

ПОЯВЛЕНИЕ СЛОВА

В сердце моем
В темном пространстве души
В одинокой тиши
Однажды днем
Или ночью
Рождается слово
И я наблюдаю воочью
Как оно раздвигает покровы
И умножает значенья
И расширяет звучанье

Это слово словно бутон
Когда лепестки раздвигает он
И запах распространяет
Слово приходит со всех сторон
Каждая ветка его роняет
Льется свет на меня тогда
Безумный экстаз
Зажигает огонь моих глаз
Восторг наполняет грудь
И сладостно мне вздохнуть

Ононто Поттонайок

СМИРЕНИЕ

Ночная девушка,
овеянная страстью!
Великая! Навстречу утренней заре
ты ведешь нацию.

Только страдальческий беспокойный путь
сулит исполненье желаний!
О любимая!
Разве мячик в игре
не вырывается из одних рук,
чтобы попасть в другие?

Уже на исходе
осень из цветков календулы
сплетает плоты.
Вспыхивает и гаснет огонь,
уничтожая произнесенные строки.

О время!
Тело мое в огне,
лицо окутано дымом,
мир во мраке!
Если бы суметь
отплеваться,
очистить внутренности!

Что это?
Ошибка? Промах?
Может быть, не стоило об этом?
Я не увижу спросонья
твоего лица в звездах.
Не длись без конца, о ночь,

уходи бесследно,
чтобы даже цветка я не мог поднять,
выпавшего из твоих волос.

С печалью
коснулось юное солнце
лепестков жасмина,
того, что в углу двора.
Я понял с горечью: тебя уже нет.
О, ты была тут в свете зари—
прежде, чем я пришел, дорогая!
Ты холодна и тепла,
как солнечный лучик в росинке.

«Вот она, звезда, возьми ее!» —
смеясь, воскликнула ты, и мне показалось,
что в небо вознесся
крик новорожденного.

СЕГОДНЯ НЕТ ЛОВА

Сегодня нет лова.
Пуста корзина, совсем пуста!
Сверкая серебром, скачут волны
одна через другую,
Словно они акробатки.

Увы, ни одна рыбка не попала в сеть —
В море один песок.
Небо встряхнулось от сна.
Казуарина,
Слабея от жажды и голода,
Кутается в собственную тень.

Шум, несмолкаемый шум
Споров и ссор.
На базарах вождельня и роскоши
Лениво прогуливаются женщины,
Предчувствуя удовольствие.
В храме плоти
Растут цены на жертвоприношения.
Я выскребаю, выцарапываю
Устричную мякоть из раковины.

Сумерки тают,
И солнце, соковище дня,
Являет великолепии и власть,
Напоказ выставляет грудь.
Чего ей стыдиться, звезде?
И кто-то снова распутывает узелки
В волосах Искусства,
И гаснет солнечное тепло
Среди праздности, бездушия, холода,
Горечи и бесстыдства.

Сегодня нет лова.
Она хитра, сообразительна, рыба!
Изучив драмы,
Написанные кровью и данные на суд
режиссеру,

Она вырывает глоточек любви
Из живота, глоточек из бедра.
Неужто она проплывет стороной,
Притворно опустив плавники,
Капризно поджав губы?

Кактус в цвету усмехнулся кичливо.
А может быть, где-то
На спине рыбы-матери
Свернулся клубочком ребенок-мудрец
И пишет «Махабхарату», великий эпос Индии.
А в корзине, покрытой мхом, блестящей от
влаги,
Вершится власть Камы.

Будут ли они опять мучить меня, эти рыбы?
Подвешивать на ниточках желаний
Среди улиц и набережных?
Будут ли они лицемерно звать к добродетели
В виду погребальных костров
На местах кремации?

Вежливые, застенчивые,
Станут ли холить колючие тела
С глазами притворно нежными —
Шипастые сорняки, готовые пронзить сердце?

Неужто они восстали?
Отвернули глаза,

Больше не выражающие любви?
Разве они забыли,
Что сами суть отражения богов на земле?
Или они будут качаться в колыбели
Извечной истины среди кораллов,
Пока не явится разрушитель Кальки
И не навлечет на Вселенную мрак?..

Неужели они укутались в шелковые сари
И прекрасные голубые глаза
Приблизятся к моим глазам?
А когда эти бесплотные прелести
Станут жареным блюдом,
Не начнут ли они, искажая свой облик,
Посыпать себя лунным пеплом?

Нет лова, пуста корзина!
Бурый дым поднимается в муках
Над праздными разговорами...
Когда ливни улыбок польются из облаков горя,
Поведают ли об этом завтрашние песни?

Ты и я

Когда железа в твоей крови стало в избытке
И оно проникло в сердце,
Затрудняя тебе дыхание, —
В темноте лунных ночей
И при свете дня
Ты вел борьбу за родники Весны.

Когда камень, легший мне на грудь,
Скатывался с вершины
И приближался к подножью,
Грозя погубить родники Весны,
Я искал кладовые железа.

Мы встречались
В Звездной Долине —
Ее млечно-синий цвет
Не виден с Земли.

Отдай мне твое железо,
Чтобы я вковал его в сердце.

Возьми мой камень,
Соедини его грохот с громом мечты.
До встречи у родников Весны!
В наших глазах отразятся звезды!
Рука для сердца и сердце для руки!
Пойдем рядом!

Где твои крылья? Я — древний старец,
Я одинок в синем безмолвии,
Разбавленном борьбою и скорбью.
Ты — мой Гете.
Ты — мой Маркс.

Вот мои плечи! Ты — птица.
Трепетные пальцы лотосов и лилий
Ласкают тело твое и душу.
Священный огонь, хранящий семена жизни,
Убивает смрад разлагающей смерти.
В тебе — покой
Лугов и гор.

Пусть придет время Солнца!
Сердце для руки и рука для сердца!
Мы идем рядом!
Среди улыбок тех, кто сражается,
Невозмутимые и величественные
Мы выступаем.

Ты — мой Будда! Ты — мой Маркс!
Ты — мой Ганди! Ты — мой Ленин!

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

У ивы
Нет голоса.
Шелест?
Девушка из чужой страны,
Неправда, что глаза твои холодны.
Солнце!

Вот оно, чародейство Весны:
В воспоминаньях,
В забвенье,
В сердце твоём,
Истомленном страданьем.

А все-таки шепчет, свистит, голосит
Желание
В кокосовых рощах:
«Друг мой! Любовь моя!»
Девушка, почему же в твоём вздохе
Звучит угроза?
В слезах дикарки
Громкий хохот Луны...
Все же мечта жива —
Нет в тебе немоты и бесчувствия.

О ты, воздушная Лилия,
Рассеянно глядящая в высоты,
Расскажи мне, что ты знаешь
Про чету птиц, улетевших на небо!
Только в земном лоне
Отражена вышняя суета.
Мерцает ли в сердце твоём
Хотя бы одно мгновение
Огонек моего поселка?
Там, в горячке цветов,
Осыпанных пеплом,
Каждый день
Умирает время,
Но не успеешь
Оглянуться —
И оно воскреснет.
Ведь так?

Нектар жизни
Блестит, искрится,
Но иногда
Он покрывает грибковыми наростами
Нашу жизнь.
О моя чужестранка!
От губ к губам
Протянута незримая нить,
Но мы ее ощущаем.
Так что же не выпить нектар,
В порыве страсти
Не опрокинуть бокал?

Выпей его,
дорогая!

Индира Сант

ГОРСТКА ЗЕМЛИ И КЛОЧОК НЕБА

Я бы хотела иметь немного земли, —
размером ну не больше листа лотоса, —
покрытой оранжевой пылью,
в которой охладилась бы мои обожженные
ноги.

Целительна пыль
для растрескавшейся ступни.

Я хотела бы иметь немного неба,
ну не больше того, что вместят
оба моих глаза.
Неба, полного облаков,
готовых вот-вот пролиться.
Оно принесло бы прохладу
моим пылающим мукам.
Горстку земли
и клочок неба.

Но сколько бы я ни бредила,
сколько бы ни высматривала, —
негде мне остудить свою боль,
не к чему прикоснуться взглядом.

КУБДЖА

Радха еще не проснулась.
Гокул еще младенчески спит.
Робкие звуки флейты
не тревожат их сон на рассвете.
Шафрановая луна только-только взошла.

Мир обласкан предутренней тихой прохладой.
Погрузившись в воду по грудь,
Кубджа замерла самозабвенно.
Поднесла Вселенную к своим губам,
стала пить мелодию флейты.
Слезы счастья омыли глаза.
«Этот мир для меня, для меня!»

В МЕРЦАЮЩЕЙ ТЕМНОТЕ

Одна на берегу моря,
слившегося с темнотой.
Совершенно одна.
Погружаюсь в воспоминания о тебе.
Так, значит, не одна,
если эти воспоминания — о тебе.
Ныряю в них глубоко —
и радость моя как будто бы беспричинна.
Большая Медведица в небе подсматривает за мной.
Почему бы не дернуть ее за хвост!
Почему бы не украсть эти мерцающие
алмазы

Плеяд или Гончих Псов?..
Я пришила бы их, как пуговицы,
на твою рубашку.
А может быть, украсила ими свои пальцы...
А может быть, собрала их в ожерелье...
Хочется взять в руки эти алмазы,
играть с ними, как с камешками.
Хочется сдернуть юбку
с надменной высокой волны,
набегающей на берег.
А самой спрятаться за дюны.
Ах, если бы
броситься сейчас в объятья океана,
навстречу его упругим и могучим
движениям...
Откуда этот непонятный прилив сил?
Эта беспричинная радость...
Они захлестнули меня,
когда я сидела на берегу моря,
слившегося с темнотой,
и думала о тебе...

ПОСЛУШАЙ МЕНЯ

Каждый хочет быть услышанным...

«Послушай меня», —
говорит темнота,
обступившая дом.

Дождь залез на черепицу
и шушукается с крышей —
«Послушай меня...».

Одиночество мое
расползлось по углам.
Я закрываю глаза и вижу,
как парадная дверь
снимается с петель
и подходит ко мне.

Вот она рядом
и тяжело дышит:
«Послушай, только послушай меня».

Я помню стук осторожных пальцев...
Прошлое рождение помню.
Помню капли,
падающие с неба.

Их вкрадчивый шум и шелест:
«Послушай нас...»

Кресло касается моей руки
и шепчет: «Послушай,
вспомни тот сумеречный час,
когда он ждал тебя
в темном лесу,

когда молния теплилась
и гроза рокотала над вами...»

Да, мы были близки в безумии, в буре.

«Послушай, послушай меня!» —
капля скатилась по черепице...
Память о той ночи невыносима.

Дождь вокруг бушевал,
нас в едином потоке связуя...

Вот с постели ты встал,
спокойно окно закрываешь.

Говоришь, привычно шутя:
«Как бы молния
глаза твои светлые
не умыкнула...»

О, куда убежать
от мертвого мира вещей!
От этих льющих,ся,
перебивающих друг друга струй!
Я зажала уши руками.
Я не хочу ничьих просьб —
— Послушай!
— Послушай!
— Послушай!

БЕЗУМИЕ

Это было безумием —
искать дорогу
в непроходимом лесу,
взвешивать ветер,
карабкаться на скалы.
Все, что сохранилось теперь, —
только на фотографиях.
Они висят на стене.
Это было безумием —
смотреть, не мигая,
на вольных, плывущих по небу, птиц.
Безумие — осознать
безумие
на гребне высокой волны.
Ее покачивание
сохранилось теперь
только за стеклами памяти.
Ну, а сегодня мое безумие —
это мрак,
поглотивший невинные мечтания,
мрак, который сгустился
в каплю,
чтоб раствориться,
чтобы исчезнуть
во тьме океана.

ШАЛЬ

В чистом прохладном воздухе
плавает сероватый туман.
Причудливые рисунки —
золото осенних лучей —

мерцают в нем и пестрят.
Прикосновение осени
прохладно и горячо.
Прикосновение осени розовой —
неотразимо.
Туман, — будто шаль, пропитанная
ароматом жасмина,
жасмина,
который только что распустился, —
сладкий густой аромат.
О, этот бессмертный Чарудатта!
Опять земля, как Васантасена,
брошенную шаль схватила
и прижала к груди.

ЦВЕТОК ДУШИЦЫ

Я подарила ему закладку для книги —
белое лебяжье перо.
Я подарила ему пресс для бумаги —
ажурную океанскую раковину.
Как он радовался моим подаркам!
Есть тонкий рисунок —
взаимосвязь —
между даром и принятием дара.
Эти действия нераздельны.
Однажды я подарила ему цветок душицы —
тонкий аромат захлестнул нас обоих.

ТЫ ЗНАЕШЬ...

Ты знаешь,
расстояние между нами
огромно.
Знаешь, сколько миражей
теснятся в том пространстве
безнадежном.
И все-таки
зачем опять твой призыв?
Опять твой белый голубь...
Опять парит он в бирюзовом небе.
Я слышу, колокольчики на лапках
опять звенят...

Зачем несет он в клюве
жемчужину из твоего кольца?
О, никогда он не увидит берег
моей мечты...
Меня на берегу,
застынувшую в ожиданье...

Неважно, что замараны землей
мои ладони.
Я и есть — земная.
Земля мою не подавляет страсть,
а только удерживает,
как уздечка.

ОМУТ

Черная глубина твоих глаз
похожа на тихий омут,
в котором вода — зеркальна и неподвижна.
И мои губы тоже не шелохнутся.
Я ни о чем не прошу,
не собираюсь просить.
Парящий мираж
на розовом горизонте
не соблазняет меня.
Но гром все-таки грянул!
Ты проклял небо над головой.
В замершем
и бездонном омуте
закипает буря.

ЧУЖИЕ

Когда, изнемогая от ходьбы,
вернулась я домой,
то на ступенях
след отложился — облачко тумана.
А в волосах еще пыльца мерцала
от молнии голубоватой,
что надо мною исчеркала небо.
Еще в глазах сияли влажно звезды,
когда к дверям я подошла
и дом
пахнул

покоем и уютom.

Но что это?!

Внутри — в столовой, в кухне
я вижу женщину в моем домашнем платье
и в фартуке подоткнутом. В руках
кастрюля...

Потный лоб...

А губы

бессильны что-нибудь произнести.

Вы кто?! —

спросила я смущенно.

За нею следом тащится еще

какая-то... с бумагами,

морщины под глазами...

И те же губы жесткие

безмолвны.

Вы кто? —

вновь недоумеваю я...

Чужие... непонятные... у двери...

В зеркальном отраженьи...

За порогом,

где скоро отрешиться

мне предстоит от звезд и от туманов.

Дэвкант Баруа

ВИДАЛА ЛИ ТЫ ОКЕАН?

Видала ли ты хоть раз океан? Что, никогда? Я тоже!
И все же

Я слышал о нем — глубоко и голубом,
чьи всегда беспокойные воды касаются
дальнего небосвода.

А ты — разве ты не слышала
Отзвуков боли моей глубинной

в лазурном смятенье морской пучины,
И в мерных ударах миллионов волн,
стремящихся поцеловать забвенью,
Разве ты моего не услышала сердцебиенья,
без конца повторявшего заклинанья,
чтоб из памяти вызвать тебя опять?

Разве ты не слышала? Разве не слышала
Бурю в сердце моем, заглушавшую океана певучий гром?
А потом, потом —

Разве ты не откликнулась?
Не пошла на мягкий, чуть слышный зов,
путь указавший тебе к саду весенних цветов?

Но все же ты видела радугу, тучи муссонные,
Видала вспышки солнца, в них отраженные,
А небо не видела разве — цветное, как Праздник огней?
Так неужели в тот миг ты не поняла,
Что это любовь, как радуга в небе — светла,
сердце зажгла

В груди моей?
А в полночь, во мраке бездонном, на ложе бессонном
Разве не слышала ты, как разбитое сердце кэтаки
Тихо исходит песенным звоном?

Не ощутила ли ты — хоть однажды! — как бьется
и как струится
Отзвук страданий моих в трелях неведомой птицы?

Поверь, дорогая: я знаю, отлично знаю,
где твоих мыслей и где твоих чувств
границы, —
О моя Любовь бесконечная... бессердечная!..
Ты знаешь сама о своем одиночестве,
да и я — лишь мое одинокое «Я»,
Но ты не знаешь, Единственная моя,
Почему все равно мы сплетаем гирлянды победы —
пусть из увядших цветов малати —
И почему в наших грезах — врата золотого дворца,
А меж тем все скорби земли
и все наслаждения от мучений
Черпают силу в ручьях кровавых — огненно-алых,
Льющихся из груди моей без конца.
Да, знает сердце, разлукою злой разрубленное,
Многое, что недоступно тебе, о моя Возлюбленная!
Не ведаешь ты, какой надеждой объятые,
мы омываем ноги каждой божественной
статуе,
И не ведаешь ты, какие мы терпим страдания,
Накануне Виджаяд́а́шми
священным волнам отдавая
те изваянья,
Которые сами в день Шáштхи воздвигнули мы!
Вечер спускает свой занавес полутьмы.
Но пусть светильник святой не будет зажжен, —
Даже в полночный час
Мрак моей жизни печальной рассеется, озарен
Двойной звездой твоих глаз.

ДЭВАДАСИ

Кому?
Кому ты предложишь?
Кому ты предложишь в дар аромат весеннего сердца
и восхитительно стройное, юное тело свое?
Богу?
В знак верной своей любви к его всемогуществу?
Но ужель этой тщетной, а потому давно ненавистой,
любовью молитвенной хочешь ты вечную
жажду его утолить?
Богу кровь нужна — горячая, красная кровь,
свежая кровь страданьем пронзенного сердца.

А ты ему дашь любовь?
Но ведь ни одна из прекраснейших райских дев —
ни Рамбха, ни Мэнака, ни дивноликие их подруги —
владыку небес не смогли поклоненьем
своим ублажить,
И даже самая восхитительная гирлянда,
словно волшебными силами свитая из цветов,
Собранных с париджаты, райского древа, —
даже она властелина околдовать не смогла!
А ты поднести ему хочешь всего лишь земные цветы —
Цветы, что рождаются на заре, а в сумерках увядают?
Да это же все равно что блистательному богачу
предложить то ничтожное, чем владеет нищий!
Станешь ли ты свой кувшин воды дарить Брахмапутре
широковолной
Вместо того, чтоб клочок иссохшей земли напоить?
А ведь из этой земли родился и я,
и хрупкие эти цветы, что в руках у тебя
трепещут!
Пойми, только нам, дорогая моя, только нам, земным,
Все лучшее предназначено, чем хороша земля, —
и лучшие чувства, и влажно-вишневые губы
юных красавиц.
Зачем же этот самообман, пустая игра —
сердце земное свое отдавать кому-то
живущему в небе?
Это сердце разбитое провозглашает лишь нашу славу:
Его слезы разлуки — словно поток Мандáкини,
А любовь его льется, как аромат расцветающей
райской мандары,
И как жаль, что облик этой любви —
в шипах подозрений!
В этом море печали мой челн словно борется с бурей,
Не разделишь ли ты хоть часть страданий моих
Или будешь довольна лишь тем, что с берега
смотришь на них?
О заблужденье — какое громадное заблужденье!
Ибо завистлив он — твой ревнивый бог,
А мы — только жертвы пред алтарем его ревности,
да, только жертвенные земные твари!
Человек первобытный затравлен был недоверьем,
Страх неизвестности в сердце его,
Но и сегодня тоже,
Как в первые дни творенья,

Не утихает борьба между нашим желаньем
и нашей участью,
Напоминая нам о веках нескончаемой этой борьбы...
Вот так мы славу поем Человеку,
А празднуем торжество Судьбы!

О МОЯ ПРЕКРАСНАЯ!

Глаза твои — из того же свеченья, что и сновиденья,
Лицо твое разливает волшебную яркость луны,
Дыханье твое ароматно, как свежие, мягкие травы,
Благоухает цветами оно, ветерками весны.

Кто пряди твои окрасил таинственной чернотой,
Какой только в ночь новолунья бывает тьма?
И что за голубка так ворковать научила
Твой юный голос, сводящий меня с ума?

Улыбка твоя волнует подобно влажным
Порывам муссона — перед порой дождей,
Когда Калинга-река от радости плещет,
Когда гиацинт раскрывается все пышней.

Нежны твои пальцы — тонкие, длинные пальцы —
Нежней, чем бутоны чампаки поутру,
А руки твои обнаженные плавно гнутся,
Будто два стебля лотоса на ветру.

Все тело твое так чутко и так подвижно,
Легки ладони твои, как два челнока,
Что словно ткут и ткут из нитей незримых
Воздушные, переливчатые шелка.

Грудь высока, а губы яркие, словно зерна
Граната надломленного, — как свеж их сок
В иссохшей степи этой жизни, о моя Радость,
О всех моих песенных строк весенний исток!

КОММЕНТАРИИ

В Индии поэтическое слово всегда ценилось высоко не только как предмет эстетического наслаждения, но и как сгусток мудрости. Гениальные индийские поэты прошлого обладали редчайшей способностью к предвидению, сознавали глубинную взаимосвязь нравственности и социальной жизни. Вот почему до сих пор живут произведения Вальмики и Тулсидаса, Кабира и Сурдаса. Это гимн добру, послание нам, людям конца XX века, в котором звучит предостережение не погубить жизнь на земле. Индийская поэзия XX века сохранила эту тысячелетнюю традицию — быть помощницей людям в их движении к идеалу справедливости и добра. Однако, сохранив эту традицию, сегодня индийская поэзия решительнее, чем раньше, повернулась к миру повседневному, миру людей. Именно личность и ее земная судьба, складывающаяся в многообразных и противоречивых связях с окружающим миром, становится высшей ценностью для поэтов, которые представляют ориентированные на XX век идеологическое и эстетическое направления в индийской литературе.

Развитие индийской поэзии XX века — это постоянное преобразование. Она создает такие художественные ценности, общение с которыми все чаще и чаще осуществляется без опоры на религиозно-философские традиции индуизма. Ее развитие происходит в направлении от традиционно-религиозной символики к реалистичности, от сложного к более простому, от рафинированного к обыденному. В этой поэзии — глобальные проблемы соотношения власти и личности, общества и бюрократии, свободы выбора и принуждения, «риска и страха», конформизма и бунта. Особое внимание уделяется одному из главных составляющих самого понятия поэзии — идее свободы. Эта идея толкуется индийскими поэтами после независимости не только в том обобщенном смысле, как у их пред-

шественников, для которых она адекватна идее национальной независимости и освобождению от феодальных предписаний, но в том конкретном и индивидуальном смысле, на котором настаивают видные представители современной мировой поэзии — свобода как символ индивидуального выбора и гарантия целостности личности, осуществления ее творческого потенциала.

Индийская поэзия XX века — это множество разнообразных направлений и поэтических школ. За последние сорок лет в ней оформилось такое значительное художественное явление, как «новая поэзия», в которой воссоздан духовный мир, полный растерянности, разочарований и тревог. Развитие индийской поэзии эпохи независимости проходит на фоне идеологического кризиса, вызванного широким и повсеместным разочарованием в социальных утопиях гандизма. Более того, именно поэзия стала в известном смысле средоточием этого кризиса, затронувшего духовный мир человека, его социальную психологию.

В индийской поэзии второй половины XX века начинает господствовать стилистика сатиры и гротеска. Основные особенности нового поэтического языка складываются и формируются в ней в условиях обостренного интереса поэтов к социальным формам бытия. Эта поэзия, унаследовав обличительный пафос и императив классовой борьбы у индийской прогрессивной поэзии более раннего периода, апеллирует к чувству социальной справедливости, а убедительность и жизненная достоверность воссоздаваемых в поэтическом смысле событий и ситуаций становится главной силой эмоционального и интеллектуального воздействия. Существование в современной индийской поэзии множества социальных тенденций предопределяет в конечном счете ее политизацию в самых широких масштабах. Вот почему в индийской поэзии 60—80-х годов проявилась тяга к документализму, к репортажной подаче материала, к полемической его заостренности.

Проясняя различные сферы и аспекты социальной действительности, индийская поэзия открывает перед читателем новые пути к общественному самоопределению.

Для полноты картины следует также иметь в виду, что в современной индийской поэзии до сих пор существует и вновь воспроизводится традиционная поэзия, формой и содержанием тесно связанная с религиозными идеалами и патриархальным бытом индийцев. В ряде случаев эта поэзия оказывает в сфере формирования нравственного чувства определенное воздействие даже на тех поэтов, которые считают себя полностью принадлежащими XX веку — этому апофеозу рационализма и научно-технического прогресса.

Современная индийская поэзия развивается в период перелома социально-экономического, культурного, идеологического. Со-

здание новых культурных и идеологических ценностей сопровождается в ней усилением позиций идеологического и художественного радикализма — следствие переосмысления поэтами вопроса о природе искусства и общественном функционировании литературы, о том, что является главной целью художественного творчества. Но даже в этом случае индийская поэзия обращена к людям, рассчитывает на диалог с ними, в ходе которого обсуждается вечный вопрос «что есть мир и человек в нем?». Поэты-мистики, такие, например, как Ауробиндо Гхош, Махадэви Варма, П.-С. Реге, Индира Сант, ищут на него ответ в мире возвышенных чувств и религиозных озарений, в котором внутренняя жизнь человека оценивается несонизмеримо выше, чем жизнь внешняя, социальная. Но совершенно другие ориентиры у таких, например, поэтов, как Дхумил, Сирпи Баласубраманьян, Суреш Бхат. Их герой оказывается в одиночестве на шумных и загазованных перекрестках современного города и безуспешно пытается найти общий язык с проносющейся мимо него толпой. Эти поэты преодолевают бессмыслицу жизни и искусства через издевательский, нередко грубый сарказм.

Само собой разумеется, в настоящем издании не могли быть представлены своими произведениями все известные индийские поэты XX века. Для осуществления такой грандиозной задачи у составителей не было ни всех необходимых материалов, ни соответствующих возможностей. Однако легко убедиться, что настоящее издание значительно превосходит своей полнотой все предыдущие.

Александр СЕНКЕВИЧ

Стр. 6. *Стрела из лука Камы...* — В индийской мифологии Кама — бог любви. Вооружен луком и цветочными стрелами.

Стр. 18. *Васанти* — женское имя, образованное от Васант (обожествленная персонификация Весны, весна).

Стр. 23. *Майя* — призрачная сила, якобы управляющая миром и придающая ему призрачный характер; иллюзия, морок.

Стр. 24. *Кали* (Черная) — супруга бога Шивы в ее грозной, устрашающей ипостаси.

Стр. 26. *Авантипура* — древний город в Пенджабе.

Ичхабал — река в Пенджабе.

Стр. 29. *Лалла Рук* — героиня обрамленного цикла поэм ирландского поэта Томаса Мура (1779—1852).

Стр. 30. *Шалимар* — парк в Сринагаре, Кашмир.

Нишат — парк в Сринагаре, Кашмир.

Стр. 32. *Кокил* — индийская кукушка (кокил, коял, куиль), отличается сладкозвучным пением.

Стр. 34. *Меру* — мифическая гора в центре земли, где расположен рай бога Индры.

Калпа-дерево — райское дерево, исполняющее желания.

Стр. 35. *Дхарма* — нравственно-религиозные установления, обязательные для правоверного индуса.

Стр. 36. *Саньяси* — аскет, отшельник.

Стр. 39. *Тилак Балагангадхар* (1856—1920) — видный деятель индийского национально-освободительного движения, лидер левого крыла Индийского национального конгресса.

Стр. 42. *Радха* — возлюбленная бога Кришны во время его жизни среди пастухов.

Канса — царь Матхуры, родственник Кришны. Стремился уничтожить его, но в конце концов был убит Кришной.

Уддхо (Уддхава) — друг и советник Кришны.

Стр. 49. *Гаятри-мантра* — *Гаятри* — знаменитые стихи, которые каждый брахман должен мысленно повторять утром и вечером. Содержат обращение к Солнцу. *Мантра* — заклинание, молитва.

Стр. 54. *Драупади* — дочь Друпеды, царя Панчалы, общая жена пяти пандавов — сыновей царя Панду («Махабхарата»).

Пандавы — см. выше.

Кауравы (потомки Куру) — сыновья царя Дхритараштры, противники пандавов («Махабхарата»).

Стр. 55. *Душасана* — один из кауравов. Злой и бесчестный по натуре, всячески глумился над Драупади. Попытался сорвать с нее одежды, но бог Кришна, спасая ее от позора, всякий раз набрасывал на нее новые.

На равнине Куру в великом бою одержали победу... — Равнина Куру (Курукшетра) — большое поле, где происходило великое сражение между пандавами и кауравами, описанное в «Махабхарате».

Арджуна (Белый) — имя третьего из братьев-пандавов, благородный вонтель, великолепный стрелок из лука.

Бхима (Грозный) — имя второго из братьев-пандавов. Обладая большой силой, в схватках обычно пользовался громадной палицей.

Стр. 56. *Индры копье огневое...* — Имеется в виду молния, оружие бога Индры.

Лакшми — жена бога Вишну, мать Камы. Традиция связывает ее имя со всем, что приносит добро и благо.

Яма — бог смерти, владыка преисподней.

Васудэва — имя бога Кришны (Вишну) по отцу Васудэве.

Ракшасы — злые духи, демоны.

Стр. 57. *Три мира* — небесный, земной и подземный.

Громорожденный — один из эпитетов Бхимы (см. примеч. к с. 56).

Бхаратварша (букв.: страна Бхараты) — Индия.

Стр. 58. *Вещий голос ящерицы...* — Цоканье ящерицы считается в Индии вещим.

Стр. 63. *Тика* — знак, наносимый на лоб, прежде знак касты или секты, ныне обычно для украшения.

Стр. 65. *Дипавали* — праздник огней.

Стр. 68. *Калиюга* — по индийской мифологии время образует повторяющиеся циклы из четырех юг (эпох). Калиюга — последняя из них, самая короткая, век раздора и зла (считается, что мы живем в Калиюгу).

Стр. 71. *Чакора* — водоплавающая птица.

Стр. 76. *Брахман* — здесь: мировая душа, всепроникающая, бесчисленная в своих проявлениях субстанция.

Коял (см. примеч. к с. 32).

Стр. 77. *Сирус* (альбиция) — высокое дерево семейства бобовых, подсемейства мимозовых, с белыми цветами.

Стр. 78. *Сурья* — бог солнца, разъезжающий по небу в семиконной колеснице.

Стр. 79. *Варуна* — божественный повелитель вод.

Притхиви (широкая) — одно из названий Земли.

Ом — священное восклицание, предворяющее обычно моления и обряды. По поверью, обладает магической силой.

Стр. 80. *Гуру* — духовный наставник, учитель.

Ранджха — пастух, герой панджабского народного сказания «Хир и Ранджха» — о трагической любви Ранджхи к дочери вождя, красавице Хир.

Стр. 81. *Ченаб, Рави, Сатледж, Биас, Джелам* — пять рек, которые дали название Панджабу (Пятиречье).

Стр. 82. *Алгоза* — панджабский музыкальный инструмент, флейта.

Джаты — представители племен, которые составили этническое ядро панджабцев.

Баджра — сорт проса.

Саг — панджабское блюдо из листьев горчицы в масле.

Стр. 84. *Хиранья* (Хиранья Кашипу) — даитья (противник богов), который в борьбе с богами обрел власть над тремя мирами. Приказал убить своего сына Прахлада за то, что тот поклонялся богу Вишну. Разгневанный Вишну принял облик человека-льва и растерзал Хиранью.

Стр. 85. *Критаюга* — первая из юг, самая долгая и самая прекрасная, век справедливости и добра.

Стр. 86. *Индийское полотно*. — Имеется в виду борьба, ко-

тору М. Ганди и его последователи вели за внедрение отечественного (домотканого) полотна, бойкотируя английские ткани.

Стр. 89. *Про сахар, про соль...* — Имеется в виду символическая попытка М. К. Ганди нарушить английскую монополию на эти товары.

Амрита — напиток бессмертия, добытый богами при пахтании молочного океана.

Стр. 90. *Каннамма — моя возлюбленная...* — Имя «Каннамма» образовано из сочетания «Каннан» (Кришна по-тамильски) и слова «амма» — мать (обычная составная часть женского имени). В этом стихотворении из цикла «Песнь о Каннанае» («Каннанпатту») Субраманья Баради представляет бога Кришну как свою возлюбленную (бог как бы воплощается в разных живых существах).

Канна — мой озорной ребенок... — См. выше.

Стр. 92. *Рама и Сита* — главные герои древнеиндийского эпоса «Рамаяна».

Стр. 95. *Низвергается Ганга небесной рекой...* — По индийской мифологии, часть Ганги протекает на небесах (Мандакини).

Стр. 101. *Рейхан* — базилик, ароматное растение.

Стр. 108. *Прана* — дыхание жизни.

Стр. 113. *Гуджары* — здесь: жители Гуджарата.

«Гита» — «Бхагаватгита», религиозно-философская часть «Махабхараты», имеющая форму диалога между богом Кришной и Арджуной.

Сомнатх, Гириназар, Дварака... — Сомнатх — город в Гуджарате, где находится знаменитый лингам (фаллический символ) бога Шивы. Гиринагар — старинный город. Дварака — столица царства Кришны, которая якобы погрузилась в океан через семь дней после его смерти. Один из священных городов Индии.

Синдху (Синдх) — река Инд.

Стр. 114. *В красное сари...* — В красное сари облачаются невесты.

Стр. 115. *Чанакья* (Вишнугупта) — легендарный автор политико-экономического трактата «Артхашастра».

Курукшетра — см. примеч. к с. 55.

Баппарав (Баппарель, VIII в.) — основатель Меварской династии, сделал своей столицей Читтор (728 г.).

Корень Династии Солнечной создал Читтор... — Солнечная Династия — династия кшатриев, возводящая свое происхождение к Икшваку, внуку Солнца. Правители Читтора считали себя потомками Солнечной Династии.

Даянанда (1824—1883) — основатель религиозно-реформаторского общества «Арья Самадж» (1857).

Стр. 116. *Сурат* — город в Гуджарате.

Качх — название полуострова в северо-западной Индии.

Саураштра — название полуострова, где находилось одноименное княжество.

Стр. 118. *Сакхе* — друг (г у д ж а р а т.).

Стр. 119. *Саранга* — музыкальный инструмент.

Таджмахал — знаменитый памятник индо-мусульманской архитектуры, воздвигнутый по повелению могольского императора Шах-Джахана в честь его покойной жены Мумтаз недалеко от города Агра.

Стр. 120. *Вриндаван* — священная роща недалеко от Матхуры, где Кришна жил среди пастухов.

Стр. 121. *Акбар* (1542—1605) — индийский император из династии Великий Моголов.

Стр. 122. *Чаквы* — водоплавающие птицы.

Стр. 138. *Андхра* — штат в Южной Индии, население которого говорит на языке телугу.

Годавари — река в Индии, впадающая в Бенгальский залив.

Тунгабахдра — река в Южной Индии.

Стр. 141. *Саван* — месяц индийского календаря.

Стр. 144. *Ситара* — струнный инструмент, лютня.

Стр. 154. *Раджана кунвар* — царский отпрыск, принц (г у д ж а р а т.).

Мевар — город в Индии.

Стр. 155. *Ратхор* — город в Индии.

Стр. 160. *Посвящается Махатме Ганди в день его отъезда на конференцию «Круглого стола»...* — Так называемая конференция «круглого стола» состоялась в Лондоне в 1931 г.

Пахтанье океана — мифологическое пахтанье молочного океана богами и их противниками — асурами. При пахтанье были добыты амрита (напиток бессмертия) и яд.

Чаша, но кто — о, Шива! — выпить ее готов... — Бог Шива, по преданию, проглотил смертельный яд, угрожавший погубить все живое.

Стр. 167. *Дханшири* — река в Бенгалии.

Стр. 168. *Ним* — большое величественное дерево.

Стр. 169. *Видиша* — предположительно столица основателя династии Шунгов — Бхагаваты, убившего последнего царя из династии Маурья.

Стр. 171. *Шефалика* — имя девушки, а также название цветка.

Стр. 173. *Бимбисара* (ок. 545—495 до н. э.) — царь государства Магадха.

Ашока (годы правления: 268—232 до н. э.) — царь Магадхи, из династии Маурья. Покровительствовал буддизму. Сохранились колонны со сделанными по его велению надписями — указами.

Видарбха — древнее государство со столицей в Кундинапуре (ныне Кундапур).

Данд — мера времени, равная 24 минутам.

Шравастха — столица древнего государства Кошала.

Стр. 183. *Птица смерти* — название совы по-тамильски (сакуруви).

Стр. 184. *Йеман* — тамильское имя бога Ямы.

Стр. 186. *Кадамба* — дерево с мелкими цветами желтоватого или оранжевого цвета, растущими большими гроздьями.

Стр. 201. *Керала* — штат на юго-западе Индии. Его население говорит на малаяльском языке.

Стр. 212. *Светило поэзии нашей...* — здесь: аллюзия на Рабиндраната Тагора, Раби по-бенгальски — солнце.

Вальмики — легендарный мудрец, которому приписывается авторство «Рамаяны».

Стр. 219. *Парда* — занавеска, отделяющая женскую половину дома у мусульман.

Стр. 223. *Шри Шри* — известный поэт, пишущий на языке телугу. Его стихи см. в этом томе.

Стр. 226. *Богиня Зла* — здесь: супруга Шивы, Кали, Дурга.

Бог ветров — Рудра. Позднее это имя употреблялось по отношению к богу Шиве.

Стр. 228. *Бхагиратхи* — одно из названий Ганги, по имени мудреца Бхагиратха.

Стр. 236. *Анаркали* — букв.: бутон граната — имя возлюбленной Салима, сына могольского императора Акбара (1542—1605).

Стр. 237. *Нур-Джахан* — жена могольского императора Джахангира (1569—1627).

Стр. 241. *Шьям* (Смуглый) — одно из имен бога Кришны.

Стр. 258. *Кутб-минар* — большой минарет в окрестностях Дели, выдающийся памятник искусства.

Стр. 262. *Телингана* — область, входившая в княжество Хайдерабад.

Стр. 265. *Кеор* — горное ароматное растение.

Холи — праздник в честь весны, отмечается накануне весеннего равноденствия.

Стр. 267. *Синай* — гора на пути из Египта в Палестину, где пророк Моисей получил скрижаль с десятью заповедями.

Стр. 268. *Гульмарг, Пахальгам* — живописные горные местности в Кашмире.

Стр. 272. *Хир* — дочь вождя, возлюбленная пастуха Ранджхи (см. примеч. к с. 80).

Стр. 273. *Парул* — название цветка, также имя девочки.

Стр. 278. *Шлока* — строфа в санскритской поэзии.

Стр. 279. *Аджанта* — место в Западной Индии, где находится знаменитый комплекс буддийских пещерных храмов. Особенно славятся фрески Аджанты.

Киннары — мифические существа с человеческим туловищем и головой лошади. Певцы и музыканты, обитающие в раю бога богатства Куберы на горе Кайласа.

Стр. 283. *Сетх* — торговец.

Стр. 287. *Пандит* — ученый брахман, знаток священных книг.

Шастры — авторитетные трактаты по различным отраслям знаний.

Стр. 291. *Махабали* (Великий Бали) — мифический царь, властвовавший над тремя мирами. Дабы укротить его непомерную гордость, к нему был послан богами Вишну, который, обратившись в карлика, смиренно попросил земли размером в три шага. Заручившись согласием Бали, Вишну обратился в исполина и хотел забрать у Бали все три его мира, но тот упросил оставить ему подземный мир.

Стр. 295. *Барсаг* — сезон дождей (х и н д и).

Стр. 300. «*Гора*» — роман Р. Тагора, написанный им в 1907—1910 гг.

Стр. 301. *Бокул* — вечнозеленое дерево, цветущее в сезон дождей белыми цветами, очень нежными и ароматными.

Мриданг — сигаровидный барабан.

Стр. 302. *Савитри* — героиня одного из вставных сказаний «Махабхараты», возлюбленная Сатьявана.

Ядавы — пастушечий род, к которому принадлежал Кришна.

Стр. 303. *Капила* (VIII в. до н.э.) — основатель дуалистической философии санкхья.

Стр. 306. *Гандхарвы* — небесные певцы и музыканты.

Стр. 308. *Вритра* — демон засухи, с которым бог Индра ведет непрерывную войну. При победе Индры проливается дождь.

Стр. 321. *Первое октября*. — Первого октября 1953 г. была образована провинция Андхра (без области Телингана, которая вошла в ее состав в 1956 г.).

Стр. 323. *Гидугу, Гуразада...* — Гидугу Рамамурти (1863 — 1940) — известный ученый-филолог. Гуразада Аппарао — поэт, пишущий на языке телугу. Сведения о нем и его стихи см. в этом

томе. И Гидугу, и Гуразада Аппарао боролись за внедрение разговорного языка в поэзию телугу.

Стр. 326. *Лист, где еда лежит...* — В Индии вместо тарелок традиционно используются широкие пальмовые листья.

Стр. 327. *Нармада* (Нарбада) — река в Индии, почитается священной.

Стр. 340. *Канченджанга* — горная вершина в Гималаях. Высота — 8585 м.

Умма — древний город-государство в Южной Месопотамии (ныне городище Джоха в Ираке).

Стр. 348. *Трилочан* — поэт, пишущий на языке хинди (см. 2-й том).

Стр. 354. *Малати* — крупный душистый жасмин.

Стр. 363. *Тавайф* — храмовая танцовщица.

Стр. 364. *Надир-шах Афшар* (1688—1747) — шах Ирана. Завоевал значительные территории в Индии, Средней Азии, Закавказье.

Стр. 371. *Каури* — раковины, заменявшие деньги.

Сатьяграха (упорство в истине) — тактика ненасильственной борьбы (несотрудничество и гражданское неповиновение), разработанная М. Ганди.

Стр. 375. *Кубера* — бог богатства.

Стр. 377. *Сваямбху* (Самосуший) — одно из имен Брахмы.

Стр. 380. *Шукра* — Венера.

Мангала — Марс.

Стр. 386. *Анчал* — край сари.

Стр. 390. *Эктара* — однострунный музыкальный инструмент.

Стр. 393. *Дрона* — наставник пандавов и кауравов в воинском искусстве («Махабхарата»).

Стр. 399. *Кальки* — десятое, еще не осуществившееся воплощение бога Вишну. Кальки должен появиться, сидя на белом коне, в конце Калиюга для того, чтобы восстановить утраченную власть добра и справедливости.

Стр. 402. *Кубджа* — горбунья, исцеленная от своего физического недостатка богом Кришной.

Гокул (Гокула) — место на берегу Ямуны (Джамны), где Кришна жил среди пастухов.

Стр. 406. *Чарудатта* — герой пьесы Шудраки «Глиняная повозка». *Васантасена* — героиня этой же пьесы.

Стр. 409. *Кетака* — дерево с белыми цветами, обладающими сильным дурманящим ароматом.

Стр. 410. *Накануне Виджаядашми*. — Имеется в виду празднество Виджаядашми в честь богини Дурги. В день Шаштки (шес-

той день лунного месяца) изваяние богини, украшенное цветами, опускается в реку или море.

Дэвадаси — небесная дева, апсара.

Стр. 411. *Рамбха, Менака* — небесные девы, апсары.

Мандакини — часть Ганги, протекающая на небесах (см. примеч. к с. 95). Также приток Ганги.

Мандара — райское дерево в саду бога Индры.

Стр. 412. *Чалпака* — дерево, цветущее желто-оранжевыми цветами.

О. МЕЛЕНТЬЕВА

КРАТКИЕ СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

Аппарао Гуразада (1861—1915). Родился в Раявараме. Получил образование в Виджаянагарском колледже. Один из зачинателей современной поэзии, новеллистики и драматургии на языке телугу. Его стихотворение «Патриотизм» стало национальным гимном штата Андхра. Автор сборника «Жемчужное ожерелье» (1910).

Гхош Манмохан (1869—1924) — известный поэт, старший брат видного политического деятеля, поэта Шри Ауробиндо Гхоша (см. ниже). Учился в Манчестере и Лондоне, затем в Оксфорде. По возвращении в Индию преподавал английский язык в Президентском колледже в Калькутте. Автор сборников «Любовные весны и элегии» (1896), «Песни любви и смерти» (1926). Писал на английском языке.

Винаяк (Винаяка Джанардан Карандикар; 1872—1909) — автор героико-романтических поэм и стихотворений. Творил в русле маратхской поэтической традиции.

Гхош Ауробиндо (1872—1950). Родился в бенгальской деревне. Получил домашнее образование. С 1884 г. учился в Кембриджском колледже. Религиозный философ, поэт. Автор романтической поэмы «Савитри», оказавший сильное влияние на индийских поэтов XX в. Писал на английском языке.

Сингх Бхаи Вир (1872—1957). Родился в Амритсаре. Был хорошо знаком с древнеиндийской, персидской и английской литературой. Прозаик, поэт. Автор сборников стихов: «Венки волн» (1921), «Порывы» (1922), «Венки зарниц» (1927). Писал на панджабском языке.

Ашан Кумаран (1873—1924). Родился в Южном Траванкоре. Получил традиционное образование в деревне, затем изучал санскрит в Бангалуре и английский в Калькутте. До 1909 г. занимался переложением классики на малаяльский язык. Автор оригинальных поэтических произведений. «Упавший цветок» (1908), «Лила» (1913), «Сита» (1920), «Милосердие» (1924). Писал на языке малаялам,

Мохани Хасрат (1875—1951). Учился в Алигархском университете. Принимал активное участие в национально-освободительном движении. Продолжал традиции мусульманской поэзии, излюбленный жанр — газели. Писал на языке урду.

Чатрик Дхани Рам (1876—1954). Учился в сельской школе. Работал продавцом в книжной лавке, редактором журнала. Один из основоположников современной панджабской поэзии. Автор сборников «Корзина цветов» (1908), «Герой» (1912), «Обитель мудрости» (1950) и др.

Пиллей Десика Винаяхам (1876—1954) — родился в Теруре. Окончил колледж. Один из зачинателей современной тамильской поэзии. Продолжал поэтические реформы, начатые Субраманьей Баради. Сборник стихов: «Цветок и венок» (1938).

Икбал Мухаммад (1877—1938). Родился в округе Сиалкот. Учился в Сиалкоте, Лахоре, затем в Лондоне. Классик поэзии урду. Стихи исполнены глубокого философского содержания. Автор книг: «Звон караванного колокольчика» (1924), «Послание Востока» (1927), «Псалмы Востока» (1927), «Крыло Гавриила» (1935), «Удар посоха Моисея» (1936). Писал на урду и фарси. На русском языке вышли сборники «Звон караванного колокольчика». М., Худож. лит., 1964, «Избранное». М., Наука, 1981.

Айяр Уллур Парамешвара (1877—1949). Получил традиционное образование. Позже заинтересовался английской литературой. Одним из первых в малаяльской поэзии стал применять свободную рифмовку. Автор поэтических книг: «История Пингалы» (1929), «Свет любви» (1933).

Валлатол (Нараяна Менон; 1878—1958). Родился в Чиннаре. Получил традиционное брахманское образование. Занимался журналистикой. Основоположник современной поэзии на языке малаялам. Автор семидесяти книг. Переводчик санскритской классики на малаялам. Наиболее известны его стихотворные сборники «Анирудхан в цепях» (1914), «Мария Магдалина» (1921), «Отец и дочь» (1936). На русском языке вышел сборник стихов «Гимн утренней заре». М., Наука, 1980.

Найду Сароджини (1879—1949). Родилась в Хайдарабаде. Училась в Мадрасском университете, затем в Кембридже. Одна из ближайших соратниц Махатмы Ганди, член исполкома Индийского Национального конгресса. Автор сборников стихов «Золотой порог» (1905), «Птица времени» (1912), «Сломанное крыло» (1917). Писала по-английски. На русском языке вышел сборник стихов Сароджини Найду. М., Наука, 1984.

Сянгх Пуран (1881—1931). Получил естественнонаучное образование. Одним из первых в панджабской поэзии решился на модернизацию поэтической традиции. Под влиянием поэзии Уолта

Уитмена ввел свободный стих. Автор стихотворных сборников «Открытые вуали» и «Открытые поля».

Баради Субраманья (1882—1921). Родился в Еттаюпуре. Учился в Тирунельвельском колледже, затем в Аллахабадском университете. Изучал санскрит и хинди в Бенаресе. Сотрудничал в прогрессивных газетах того времени. Крупнейший тамильский поэт, основоположник современной поэзии, один из создателей современного тамильского литературного языка. Автор трех поэм и стихотворных сборников.

Дотто Шоттендронатх (1882—1922). Родился в деревне Чуни. Творчество его испытало большое влияние Тагора. Написал пятнадцать сборников стихов, среди них: «Солнце» (1900), «Святые воды» (1908), «Зов кукушки и павлина» (1912) и др. Много переводил с французского, английского, немецкого, персидского и японского. Писал на бенгальском языке.

Паи Говинда (1883—1963). Родился в Мангешваре (Майсур). Поэт, драматург. Один из создателей современной поэзии каннада, реформатор поэтического языка и нормативной поэтики. Представитель эпического направления в поэзии каннада, автор поэм «Голгофа» (1936), «Вайшакхи» (1947).

Кауль Зинда (1884—1966). Родился в Сринагаре. Учился в мусульманской школе. Работал учителем, переводчиком в департаменте археологии. Известен как автор стихов на персидском, урду и хинди. Начал с 1942 г. писать на родном языке — кашмирском. Удостоен премии Сахитья Академи (Литературной академии) в 1956 г.

Махджур Гулям Ахмад (1885—1952). Родился в Митригоме (Кашмир). Получил домашнее образование. Занимался журналистикой, работал в налоговом управлении. До 1918 г. писал стихи на персидском языке и на урду. По совету Икбала обратился к родному языку — кашмирскому. Считается основоположником современной кашмирской поэзии.

Гупта Майтхилишаран (1886—1964). Родился в Чиргао (Уттар-Прадеш). Получил традиционное брахманское образование. Возродил и обновил жанр эпической поэмы. Опубликовал сорок пять книг, среди которых особой популярностью пользовались «Голос Индии» (1912), «Сын Индии» (1931), «Сакет» (1932), «Яшодхара» (1932). Писал на языке хинди.

Далпатрам Наналал (1887—1946) — один из родоначальников современной гуджаратской поэзии. Осуществил переход от традиционных стихотворных размеров к свободному стиху, широко использовал фольклорные мотивы. Писал на гуджаратском языке.

Прасад Джайшанкар (1889—1937). Родился и жил в Бенаресе. Окончил санскритский колледж. Считается одним из ос-

новоположников лирико-символического течения «чхаявад» в поэзии хинди. Основные поэтические сборники «Волны» (1923), «Слезы» (1925), поэма «Камаяни» (1935).

Барадидасан (1891—1962). Испытал на своем творчестве сильное влияние Субраманья Баради. Выдвигал широкую программу революционного обновления юга Индии. Его часто называют «революционным поэтом». Сыграл большую роль в становлении современной тамильской поэзии. Произведения опубликованы двухтомником «Стихи Барадидасана».

Чакбаст Бриджанараян (1892—1926). Родился в Лакхнау. Окончил Кейнингский колледж. Автор нескольких стихотворных сборников, последний из которых — «Утро родины» (1926). Писал на языке урду.

Сатьянараяна Вишванатха (1895—1976). Родился в Нандамуре. Учился в Мадрасском университете. Опубликовал около пятидесяти книг, среди них романы, пьесы. Сборники стихов: «Песни девушки с лютей» (1933), поэма «Священное древо Рамаяны» (в шести томах). Писал на языке телугу.

Нирала (Сурьякант Трипатхи; 1896—1961). Родился в Маданипуре (Бенгалия). Получил домашнее образование. Один из создателей лирико-романтического направления в поэзии хинди — «чхаявада». Автор многочисленных сборников стихов: «Белый бутон» (1916), «Анамика» (1923), «Аромат» (1930), «Песнопения» (1936), «Поклонение» (1950), «Песенный звон» (1954) и др. Из поэм Ниралы наиболее известны «Моление Рамы» (1936), «Тулсидас» (1938), сатирическая поэма «Гриб» (1941).

Малкани М.-У. (Мангхарам Удхарам; 1896—1980). Родился в Хайдарабаде. Учился в Бомбейском университете. Преподавал английский язык. Драматург, новеллист, опубликовал более десяти книг. Писал на синдхи и на английском. Лауреат премии СА.

Бендре Д.-Р. (Даттатрея Рамачандра, 1896). Родился в Дхарваре. Ученик и последователь Ауробиндо Гхоша. Поэт-лирик, опубликовавший более двадцати книг. Лауреат премии СА. Основные поэтические сборники «Явление Ганги» (1951), «Накутани» (1964), «Мать» (1968). Пишет на языках каннада и маратхском.

Мегхани Тжхаверчанд (1897—1947). Получил от М. Ганди титул «национальный поэт». Писал на языке гуджарати.

Кешавакумар (Атре Прахлад Кешав, 1898—1969). Родился в Сасваде. Работал учителем, занимался журналистикой. Опубликовал более двадцати книг. Писал на маратхском языке.

Кришнашастри Девулапалли (1898—1980) — поэт-лирик, яркий представитель романтического направления в поэзии телугу.

Даш Джябонанондо (1899—1954). Родился в Барисале. Окончил Калькуттский университет. Представитель школы «чис-

той поэзии». Автор сборников «Пыльная рукопись» (1936), «Великий мир» (1944), «Темнота семи звезд» (1948), «Прекрасная Бенгалия» (1957) и др. Лауреат премии СА. Писал на бенгальском языке.

Мохапатро Годабориш (1899—1965). Основал и редактировал еженедельник «Ньянкхунта» («Факел»). Автор поэтических сборников «О, мое перо» (1951), «Революция на кухне» (1952), «Шип и цветок» (1958), «Кривой и прямой» (1964). Посмертно удостоен премии СА. Писал на языке ория.

Дэви Налинибала (1899—1972) — известная поэтесса, автор сборников «Музыка заката» (1939), «Музыка сновидений» (1942), «Философский камень» (1957). Писала на ассамском.

Ислам Назрул (1899—1977). Родился в деревне Чурулия (Бенгалия). Классик бенгальской литературы. Активный участник национально-освободительного движения. Автор двадцати пяти книг, среди которых поэтические сборники «Огненная лютия» (1922), «Отравленная флейта» (1924), «Соловей» (1928) и др. На русском языке вышли книги «Избранное». М., Иностранная литература, 1963, «Избранные стихи». М., Наука, 1970.

Пиччамурти Н. (Надеса; 1900—1976). Родился в Кумбанамае. Окончил Мадрасский университет. Работал журналистом, состоял на административной службе. Одним из первых разрабатывал свободный стих в тамильской поэзии. Автор поэтического сборника «Стихи Пиччамурти» (1975). Писал на тамильском языке.

Пант Сумитранандан (1900—1978) родился в деревне Карсани. Учился в Бенаресском и Аллахабадском университетах. Опубликовал множество поэтических сочинений, среди них сборники стихов «Росток» (1926), поэма «Звон» (1932), «Конец века» (1936), «Грамья» (1940). «Народная обитель» (1964). В 1965 г. был удостоен премии Джавахарлала Неру, учрежденной журналом «Советский Союз». Писал на языке хинди.

Дотто Шудхиндронатх (1901—1960). Родился в Калькутте. Окончил Калькуттский университет. Испытал сильное влияние западных поэтов, в частности Малларме. Опубликовал девять книг, в том числе сборники стихов «Проворная красавица» (1930), «Оркестр» (1935), «Небеса» (1937), «Циклон» (1953). Писал на бенгальском языке.

Куруп Шанкар (1901—1977). Родился в Нятоде (Керала). Учился в Мадрасском университете. Преподавал язык малаялам в колледже. Был президентом Керальской Сахитья Академи. Почетный член ПЕН-клуба (Индия). Опубликовал около двадцати стихотворных сборников, среди них — «Солнечные лучи» (1932), «Флейта» (1950), «Открытие мира» (1960). Писал на малаяльском языке.

Анил (Дешпанде Атмарам Раоджи; 1901—1982). Родился в Муртиджапуре. Образование получил в Бомбейском и Нагпурском университетах. Директор национального центра фундаментального образования. Автор поэтических сборников «Зажженный фитиль» (1932), «Идол в обломках» (1940), «Десятистишья» (1976) и др. Писал на маратхском языке.

Чокроборти Джогоннатх (1901) — автор нескольких поэтических сборников, пишет на бенгальском языке.

Агарвала Дж.-П. (Джойти Прасад; 1903—1951) — автор патриотических стихотворений. В его воззрениях этика Ганди соединялась с марксистской социологией и эстетикой Тагора. Писал на ассамском языке.

Снехарашми (Джиннабхай Ратанджи Десаи; 1903). Родился в Чикли. Видный просветитель. Участвовал в национально-освободительном движении. Вице-канцлер Гуджаратского университета. Автор песен и хокку. Сборники стихов: «Мостки» (1948), «Птицы из прошлого» (1974). Пишет на гуджаратском языке.

Аппаласвами Пурипанда (Вишахи, 1904) родился в Салуре. Поэт, драматург, новеллист. Автор более шестидесяти книг. Среди них сборники стихов «Высший орден» (1921), «Камень в диадеме», «Звук флейты». Пишет на языке телугу.

Путтаппа К.-В. (Квемпу Куппали Венгадаппа; 1904). Родился в Хирекодиге. Учился в Майсурском университете. Заслуженный профессор, вице-канцлер Майсурского университета. Лауреат премий Джъянпитх и СА. Сборники стихов: «Флейта» (1930), «Пение русской кукушки» (Россия) (1955). Пишет на языке каннада.

Захир Саджад (1905—1974) родился в Лакхнау. Учился в Лакхнауском университете, затем в Оксфорде. Поэт, прозаик, драматург. Писал на языке урду.

Митро Премендро (1904—1988). Родился в Бенаресе. Образование получил в Даккском университете. Автор сборников стихов «Девушка» (1932), «Поэзия» (1935), «Возвращение с океана» (1956). Писал на бенгальском языке.

Сингх Мохан (1905—1978) родился в Мардане. Окончил Панджабский университет. Редактировал еженедельник «Панч Дарья», («Пятиречье»). Лауреат премий СА и премии Дж. Неру. Основные поэтические сборники: «Зеленые листья» (1936), «На заре» (1944), «Ложь и правда» (1950), «Голоса» (1954), «Самое время» (1958), «Лишний» (1964), «Да здравствует мир» (1968). На русском языке: Избранное. М., 1960. Писал на панджабском и на английском.

Наяр Идашшерри Говиндан (1906—1974). По образованию адвокат. Автор ряда поэтических сборников, наиболее из-

вестны: «Гимн священной роще» (1966), «Песнь матери». Лауреат премий СА. Писал на языке малаялам.

Варма Махадеви (1907—1987). Родилась в городе Фарухабаде (Уттар Прадеш). Получила образование в Аллахабадском университете, работала преподавательницей в женском колледже. Опубликовала более двух десятков книг, в том числе пять поэтических сборников: «Туман» (1930), «Луч» (1932), «Жемчужина» (1934), «Стражи ночи» (1951), «Огонь светильника» (1954). В 1983 г. удостоена премии Джъянпитх. Писала на языке хинди.

Баччан Хариваншрай (1907). Родился в Аллахабаде. Там же окончил университет, затем учился в Кембридже. Работал на радио, преподавал английский язык, в течение ряда лет работал в Министерстве иностранных дел, избирался депутатом парламента Индии. Опубликовал множество стихотворных сборников. Наиболее известны «Мадхубала», «Мадхушала» и «Мадхукалаш», выпущенные в 30-е годы, «Радуга» (1945), «Женщина и искры» (1954). Лауреат премии СА, международной литературной премии «Лотос», премии Дж. Неру. Пишет на языке хинди.

Махиуддин Махдум (1908—1969). Родился в Сингаредди, Андхра. Окончил Османский университет в Хайдарабаде. Один из создателей и руководителей Ассоциации прогрессивных писателей Индии. Опубликовал три сборника: «Алый рассвет» (1944), «Нежная роза» (1961), «Арена танца» (1966). Писал на языке урду.

Динкар (Рамдхари Сингх; 1908—1974). Родился в деревне Симария (Бихар). Учился в университете города Патны. Был политическим деятелем. Опубликовал свыше тридцати произведений. Основные поэтические сборники: «Пылинка» (1935), «Крик» (1940), «Голубые цветы» (1945). Создал поэмы «Курукшетра» (1946), «Раширатхи» (1952), «Урваши» (1961). Писал на языке хинди. На русском языке издан сборник «Синий лотос». М., Прогресс, 1965.

Сатьяртхи Девиндер (1908). Родился в Бахадуре. Занимался журналистикой. Опубликовал более тридцати пяти книг, среди которых романы, сборники фольклорных песен, поэтический сборник. Пишет на панджабском, хинди, урду, английском.

Бошу Буддходэб (1908—1974). Родился в Комилле. Учился в Даккском университете, Заведовал кафедрой сравнительной литературы Джадавпурского университета, профессор английского языка женского колледжа Пенсильвания (США). Автор более ста книг. Основные сборники стихов: «Одно слово» (1932), «На пути к миру» (1933), «Новый лист» (1940), «Перемена» (1944), «Темнота, большая, чем свет» (1958), «Здравствуй, прощание» (1971). Много переводил, в частности стихи Б. Пастернака. Писал на бенгальском языке.

Сундарам (Трибххувандас Лухар Пурушоттамдас; 1908). Родился в Миаматаре. Учился в Гуджаратском университете. Редактор журнала «Сабармати». Президент литературного общества. Лауреат премии СА. Основные сборники стихов: «Поэтическое блаженство» (1933), «Земля» (1939), «Хождение» (1951). Пишет на гуджаратском языке.

Мардхекар Б.-С. (Бал Ситарам; 1909—1956) — прозаик, литературный критик, родоначальник «новой поэзии» маратхи. Образование получил в Пуне и в Лондоне. Автор поэтических сборников «Наступление зимы» (1939), «Несколько стихов» (1947), «Еще несколько стихов» (1952). В 1957 г. посмертно присуждена премия СА.

Баламани Амма (Налапат; 1909) родилась в Пуннайуркулам (Керала). Многие годы была редактором журнала «Мадхрубхуми» («Родина»). Опубликовано свыше двадцати ее поэтических сборников, в том числе «Мать» (1933), «Мечты» (1959). Лауреат премии СА. Пишет на малаяламском языке.

Басант Тиратх (Верхомлал Содхо, 1909). Родился в Лукмане (ныне Пакистан). Поэт, драматург, литературный критик, автор двенадцати книг, среди которых сборник стихов «Голос» (1980). Лауреат премии СА. Пишет на языке синдхи.

Дешпанде Н.-Г. (Нагорова Ганашьяма, 1909) — поэт, критик. Автор поэтических сборников «Шила» (1954), «Любовное свидание» (1968). Пишет на маратхском языке.

Дэ Бишну (1909—1989). Родился в Калькутте. Учился в Калькуттском университете. Профессор английского языка в Центральном Калькуттском колледже. Лауреат премии Джъянпитх, СА и Дж. Неру. Сборники стихов: «Зыбучие пески» (1937), «Начальное слово» (1941), «Семь братьев чампак» (1945), «Цель» (1950), «Память, бытие, будущее» (1963), «Образ безумного мира» (1975) и др. Писал на бенгальском языке.

Гокак В.-К. (Винаяка Кришна; 1909). Родился в Савануре (Карнатак). Образование получил в Бомбее, затем в Оксфорде. Поэт, литературный критик, романист. Занимается преподавательской деятельностью. Много лет был президентом СА, президентом Комитета по государственным премиям Джъянпитх. Автор нескольких десятков книг, в том числе стихотворных сборников «Песня жизни» (1948), «Земля» (1959), «В храме жизни» (1966). Лауреат премии СА. Пишет на языках каннада и английском.

Реге П.-С. (Пурушоттама Сиварама; 1910—1978). Родился в деревне Михбава. Образование получил в Бомбейском университете и в Лондонской школе экономики. Был преподавателем высшей школы. Опубликовал поэтические книги «Просветление» (1931), «Снегопад» (1943), «Качели» (1950) и др. Писал на маратхском языке.

Шри Шри (Шриниваса Рао Шрирангам; 1910—1983). Родился в Висакапатнаме. Образование получил в Мадрасском университете. Поэт, драматург, новеллист, переводчик. Основные поэтические сборники: «Великий путь» (1934), «Рождение меча» (1966). Лауреат премии Дж. Неру. Писал на языке телугу.

Пиллэ Чангам пужа Кришна (1911—1947) — поэт романтического направления. За музыкальность и экспрессивность лирики получил титул «небесного певца». Автор сборников «Подношение слез», «Кровавые цветы» и др. Писал на языке малаялам.

Джоши Умашанкар (Джетхалал; 1911—1988). Родился в деревне Бамана (Гуджарат). Окончил Бомбейский университет. Занимался преподавательской деятельностью. Был президентом СА, вице-президентом ПЕН-клуба (Индия). Редактировал еженедельник «Санскритти» («Культура»). Автор сорока книг, в числе которых поэтические сборники «Всеобщий мир» (1931), «Ганготри» (1934), «Цветок из Польши» и др., романы, одноактные пьесы, филологические труды. Лауреат премий СА, Джъянпитх, имени Дж. Неру. Писал на языке гуджарати.

Агъей (Ватсйаяан Саччидананда Хирананд; 1911). Родился в Лакхнау. Учился в университетах Лакхнау, Мадраса, Лахора. Профессиональный литератор. Почетный профессор Калифорнийского университета. В 1940—1960 гг. был редактором литературных еженедельников «Пратик» («Символ»), «Динман» («Солнце»), «Вак» («Слово»), газеты «Нав Бхарат таймз», поэт, прозаик, публицист, автор поэтических книг: «Миг на зеленой траве» (1949), «Дверь за двориком» (1961), «В скольких лодках — сколько раз» (1967), «Избранные стихи» (1987). Лауреат премии СА. Пишет на языке хинди.

Сингх Шамшер Бахадур (1911). Родился в Декраду-не, учился в Аллахабадском университете, работал в кино, опубликовал несколько киносценариев. Автор поэтических сборников «Строки» (1959), «Новые строки» (1961), «Стихотворения Шамшера Бахадур Сингха» (1972), «Я еще существую» (1975). Лауреат премии СА. Пишет на языке хинди.

Менон Виллоппилли Шриджара (1911—1985). Родился в Эрнауламе (Керала). Был литератором и педагогом, директором Государственной высшей школы в Керале. Опубликовал двенадцать стихотворных сборников, наиболее известные — «Плод манго», «Изгнание» (1949). Лауреат премии Дж. Неру (1965), премии СА (1971). Писал на малаяльском языке.

Нагарджун (Мишра Вайдьянатх; 1911). Родился в деревне Тароуни (Бихар). Систематического образования не получил, самоучка. Профессиональный литератор. Известен главным образом как романист. Основные поэтические сборники: «Поток времени» (1952), «Крылатые волны» (1963), «Тысячерукая» (1981), «Из-

бранное» (1984). Пишет на языке хинди, а также на родном языке майтхили под псевдонимом «Ятри» (Путешественник). В 1968 г. за цикл стихов на майтхили был удостоен премии СА.

Д ж а з б и (1912). Родился в деревне округа Азамгарх. Учился в университетах Дели и Лакхнау. Преподаватель Алигархского университета. Активный член Ассоциации прогрессивных писателей Индии. Известностью пользуются его поэмы «Смерть» и «Природа глазами бедняка». Единственный поэтический сборник — «Сияющий». Пишет на языке урду.

Д ж а ф р и Али Сардар (1912). Родился в Балрамपुरе (Уттар Прадеш). Учился в Делийском университете. Поэт, прозаик, публицист. Общественный деятель. Принимает активное участие в движении солидарности писателей стран Азии и Африки. Опубликовал около тридцати книг. Лауреат премии Дж. Неру. Основные сборники стихов и поэм: «Привет новому миру» (1947), «Кровавая черта» (1949), «Каменная стена» (1953), «Мечтать всегда!» (1965). Пишет на языке урду. На русском языке издан сборник «Так рождаются звезды». М., Худ. лит., 1968.

Кант В.-Р. (Вамана Рамчандра; 1912) — поэт, драматург, переводчик. Автор поэтических сборников «Вина Шивы-разрушителя», «Запах смерти». Пишет на маратхском языке.

Кусумаградж (Вишну Вамана Ширвадкар; 1912). Родился в Пуне. Учился в Бомбейском университете. Поэт, прозаик, драматург. Опубликовал около сорока книг. Основные поэтические сборники: «Вишакхи» (1944), «Строки на снегу» (1964), «Трава в бурю» (1969). Лауреат премии СА. Пишет на маратхском языке.

Маджаз (Исар Ульхак) (1913—1955). Писал о национально-освободительном движении, создал также ряд замечательных лирических стихотворений. Особой популярностью пользовался и пользуется среди молодежи. Автор сборника стихов «Мелодии» (1939). Писал на языке урду.

Шах Раджендра (1913). Родился в Кападвандже. Работал бакалейщиком, был владельцем типографии. Живет в своем родном городе. Сборники стихов «Звуки» (1951), «Услышанное» (1958), «Увиденное» (1979). В 1964 г. удостоен премии СА. Пишет на гуджаратском языке.

Голе Падма (Падмавати Вишну; 1919). Родилась в Тасгаоне. Автор сборников стихов: «На пути к прогрессу» (1947), «Чудесный сон» (1962), «Возлюбивший небо» (1968) и др. Пишет на маратхском языке.

Садарангани Хадим (Садарангани Харумал Исардас; 1913). Родился в Шахдадпуре (ныне Пакистан). Учился в Бомбейском университете, также в Тегеране. Преподавал синдхи, персидский язык. Автор ряда поэтических сборников. Лауреат премии СА (1978). Пишет на синдхи.

Поттонайок Ононто (1913—1987). Родился в Чанабатте (Орисса), Учился в университете в Патне. Государственный служащий. Поэт, новеллист. Автор десятков книг. Основной стихотворный сборник «Познание покоя» (1952). Лауреат премии СА и премии Дж. Неру. Писал на языке ория.

Сант Индира (Сант Индира Нарайян, 1914). Преподает психологию и маратхский язык в колледже. Автор многочисленных сборников рассказов и поэтических сборников «Покров» (1950), «Мираж» (1957), «Хна» (1967). Пишет на маратхском языке.

Баруа Дэвкант (1914) — один из ведущих представителей романтического направления в ассамской поэзии 30—40-х гг. Деятель партии Индийский Национальный конгресс.

О. МЕЛЕНТЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Гуразада Аппарао. <i>Пер. с телугу В. Топорова</i>	
Жемчужные ожерелья	5
Сокровище	8
Манохан Гхош. <i>Пер. с английского А. Попова</i>	
Думы о родине	10
Сапфические строки	10
«К чему о героинях речь»	11
Всадник на белом коне	12
Осень	14
Винаяк. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	
Если умрет любовь	17
Ауробиндо Гхош. <i>Пер. с английского А. Попова</i>	
Дитя весны (<i>На день рождения Васанти</i>)	18
В полночном безмолвье	19
Раздумья Мандави (<i>Фрагменты</i>)	19
Карликовый Наполеон	23
Танец космоса	24
Загадка человека	25
«В непонятом не молкнет Божий зов...»	25
Бхай Вир Сингх. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	
Руины Авантипуры	26
Река Иччхабал поздним вечером	26
Первый взгляд на озеро Веринаг	27
Моя последняя любовь	27
Безвестная могила в Дели	27
Голос говорит из своей могилы	28
Фиалка	28
Рая нет без Лаллы Рук	29
Кумаран Ашан. <i>Пер. с малаялам С. Северцева и А. Рудской</i>	
Увядший цветок	32
Налини (<i>Из поэмы</i>)	35

Хасрат Мохани. Пер. с урду С. Северцева	
* Стыдно, индийцы!	39
* Тилаку	39
* Борцу за свободу	40
* Избежать я пытался...	40
* Ты говорила...	41
Дхани Рам Чатрик. Пер. с панджабского В. Летучего	
Послание Радхи	42
Сердце	44
Десика Винаяхам Пиллей. Пер. с тамильского Е. Витковского	
Цветы	46
Мышиная свадьба	46
Корова и теленок	47
Велосипед	47
Почему ты вянешь, роза?	48
Мухаммад Икбал	
* Солнце («Гаятри Мантра»). Пер. с урду С. Липкина	49
* Сущность красоты. Пер. с урду В. Звягинцевой	49
* Покорение природы. Пер. с урду М. Петровых	
* «Как желал бы я с душою разлучиться навсегда!...» Пер. с урду А. Наймана	52
* «Пусть только зеркало являет лик чужой!...» Пер. с урду А. Наймана	53
Уллур Парамешвара Айяр. Пер. с малаялам С. Корнева	
Драупади	54
Грядущее	58
Советы звезд	58
Валлатол. Пер. с малаялам Е. Рейна	
* Подбитая птица	60
* Дом вдов в Мадрасе	62
* Мир един	64
Дипавали	65
День республики	67
Время туманов	68
Голод	71
Сароджини Найду. Пер. с английского С. Северцева	
* Лотос	76
* Уличные выкрики	76
* Награды	77
* В преддверии храма	77
* Благодарственный гимн (В дни сбора урожая)	78

Пуран Сингх. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	
Панджабские юноши	80
Пахари	82
Субраманья Баради. <i>Пер. с тамильского Е. Витковского</i>	
Падение царя	84
Патриоты с виду	85
Рабство для рабов	87
Светлая луна	88
Каннамма, моя любимая	90
Каннан, мой сын озорник	90
Шоттендронатх Дотто. <i>Пер. с бенгальского В. Тихомирова</i>	
Я	92
Снова	93
Перед рассветом	93
Бесстрашие	94
Корень и цветок	94
В бурю	95
Говинда Паи. <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Попугай	96
Паучья сеть	96
Зинда Кауль. <i>Пер. с кашмирского С. Северцева</i>	
* Несчастный	97
* Обновление	97
Правда ли?	98
Гулям Ахмад Махджур. <i>Пер. с кашмирского</i>	
<i>М. Курганцева</i>	
Деревенская девушка	101
Юность	102
Я странником оденусь	103
Приди, садовник!	104
Суетишься, птичка	105
Золотая иволга	105
Майтхилишаран Гупта. <i>Пер. с хинди С. Северцева</i>	
* Матери-Индии	108
* Всемирное братство	110
* Праздник умолк	110
* Людям и звездам	111
Наналал Далпатрам. <i>Пер. с гуджаратского А. Смирнова</i>	
Гуджарат. <i>Историческая поэма</i>	113
Добро пожаловать!	116
Рассвет	117
Слова сердца	118

Чувство	118
Престол сердца	119
Таджмахал	119
Джайшанкар Прасад. Пер. с хинди С. Северцева	
* Юности первое утро	123
* Луч	124
* Соединение	125
Барадидасан. Пер. с тамильского Е. Витковского	
Южный ветер	127
Слово и дело	128
Дверь заговорила?	128
Ребенок	129
Барабан	129
Улыбающийся жасмин	130
Прощение трудящихся	130
Море пота	132
Свобода	133
Бриджанараян Чакбаст	
* Пусть рот зажмут... Пер. с урду С. Северцева	135
* О жизни. Пер. с урду С. Северцева	135
* Не бойся смерти... Пер. с урду С. Северцева	136
Отрывок из поэмы. Пер. с урду Н. Горской	137
Вишванатха Сатьянараяна. Пер. с телугу В. Топорова	
Народу Андхры есть чем гордиться	138
Облака	138
Ты и я	139
Слепой нищий	139
Нирала. Пер. с хинди С. Северцева	
* Переправа	141
* Жажда	141
* Чистое небо	142
* Камни дробит она!	143
* В потоке жизни	144
* Новая песня	144
М.-У. Малкани. Пер. с синдхи А. Шарповой	
Музыка и красота	146
Д.-Р. Бендре. Пер. с каннада Н. Мальцевой	
Птица времени	147
Я — беднячка	148
Светильник	148
Слепое богатство	149
Мираж	150

Тжхаверчанд Мегхани. Пер. с гуджаратского А. Смирнова	
Меч героя	152
Я — морская рыбка	153
Раджана кунвар	154
Смерть стала стражником	155
Молот молвит	156
Шагайте вперед!	158
Желание	159
Последняя чаша	160
Кешавакумар. Пер. с маратхского А. Зорина	
Героизм	162
Девулапалли Кришнашастри. Пер. с телугу В. Топорова	
Кто?	163
Ее глаза	163
Тою ночью	164
Старая история	165
Став листком среди листьев	165
«Не зови меня зайти...»	166
Джибонанондо Даш. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
Был бы я...	167
Трава	168
Лимон	168
Ты	168
Ветреная ночь	169
Охота	170
Олени	171
Мне во сне голоса говорят	171
Дикие утки	172
Тысячи лет	172
Боюлота Шен	173
Обнаженная рука	173
Годабориш Мохапатро. Пер. с ория В. Топорова	
* Женщина	175
Налинибала Дэви. Пер. с ассамского С. Северцева	
* Моей родине	176
Назрул Ислам. Пер. с урду М. Курганцева	
* Взгляну — и роза больше не смеется	177
* Мои песни	177
* Заклятие	178
* «Тинга-линга, тинга-линга...»	180
* «Плакать не время, а время прощаться...»	181
Н. Пиччамурти. Пер. с тамильского Е. Витковского	
Яма-ловушка	182

Птица Смерти	183
Путешествие на Запад	184
Подделка	185
Сумитрананандан Пант	
* Два мальчугана. Пер. с хинди С. Северцева	187
* Вечный поток. Пер. с хинди В. Сикорского	188
* Человек и мир. Пер. с хинди Е. Винокурова	189
Утренняя луна	190
Шудхиндронатх Дотто. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
Конец	191
Страус	192
Имя	193
Шанкар Куруп	
Сегодня мой черед, а завтра — твой... Пер. с малаялам Н. Горской	195
Время. Пер. с малаялам Н. Горской	196
Вопросительный знак. Пер. с малаялам В. Тихомирова	197
В саду. Пер. с малаялам В. Куприянова	198
Единый мир. Пер. с малаялам Н. Горской	199
Желание. Пер. с малаялам Н. Горской	201
Анил (Атмарам Раоджи Дешпанде). Пер. с маратхского А. Шарповой	
Беременная	202
Драма	202
Опять	203
Спутник	204
Джогоннатх Чокроборти. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
На разъезде	206
Вскопай меня	206
Я верна тебе	207
После самоубийства	208
На полустанке	208
Слово	209
Зимородок	209
На берегу	210
В поисках прямой	210
Дж.-П. Агарвала. Пер. с ассамского В. Топорова	
Рабиндранат	212
Народ просыпается	213
Мать и золото	213
Смерть	214
Исполнитель	215

Снехарашми (Джинабхан Ратанджи Десаи). <i>Пер. с гуджаратского А. Шараповой</i>	
Челн разбитого сна	217
Пламя	217
Встреча	218
В одиночестве	219
Пурипанда Аппаласвами. <i>Пер. с телугу В. Топорова</i>	
Лапа тигра	220
Пурипанда (<i>Автопортрет</i>)	221
Рай и ад	221
Революция	223
К.-В. Путтаппа (Кувемпу). <i>Пер. с каннада Н. Мальцевой</i>	
Тень дерева	225
Железная дорога	226
Польза	227
Саджад Захир. <i>Пер. с урду С. Северцева</i>	
* Твои глаза	229
* Так умирает любовь	231
Премендро Митро. <i>Пер. с бенгальского С. Северцева</i>	
* Три пули	232
* Крысы	233
Мохан Сингх	
Анаркали. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	236
Тадждамахал. <i>Пер. с панджабского В. Летучего</i>	238
Васант. <i>Пер. с панджабского О. Кольцовой</i>	240
Собаки. <i>Пер. с английского А. Прокопьева</i>	244
Сельская красавица. <i>Пер. с английского А. Прокопьева</i>	244
Идашшери Говиндан Наяр. <i>Пер. с малаялам Е. Холмогоровой</i>	
Танцовщица из царского дворца	247
Шафрановое утро	249
Махадэви Варма. <i>Пер. с хинди С. Северцева</i>	
* Смотри!	251
* Эти пчелы — как их поймать?	252
* Светильник жизни	252
* Вопрос	253
* Однажды	253
* Какой тебя увижу?	254
Хариваншрай Баччан. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Из поэмы «Кувшин с вином» (<i>Фрагменты</i>)	255
Из поэмы «Винный погребок» (<i>Фрагменты</i>)	259
Что мне вспомнилось в эту ночь	260

Махдум Махнуддин. <i>Пер. с урду</i> А. Курганцева	
Хрусталь	262
Девушка из Телипганы	262
Наш город	263
Кроме твоих глаз...	264
Газель	264
Крик души	265
Встреча	265
Тюрьма	266
Синай	267
Долина будущего	268
Динкар. Пер. с хинди В. Корнилова	
Приветствие	269
Девиндер Сатъяртки. Пер. с панджабского В. Летучего	
Моя возлюбленная Наджо	272
Парул	273
Буддходэб Бошу. Пер. с бенгальского И. Бочкаревой	
После сорока	277
Превращение	277
Лягушки	278
К морю — с борта корабля	278
Пейзаж	279
Время каждого дня	279
Путь в песках	280
Последняя ночь	280
Сундарам. Пер. с гуджаратского А. Шараповой	
Три дома по соседству	283
Фотография матери	285
Пропать	286
Иди вперед!	287
Озеро	288
Б.-С. Мардхекар. Пер. с маратхского А. Зорина	
Цветы еще благоухают	289
Баламани Амма. Пер. с малаялам С. Северцева и А. Рудской	
Махабали	291
На качелях	293
Тиратх Басант. Пер. с синдхи А. Шараповой	
Я, я, я...	294
Мечты	295
Н.-Г. Дешпанде. Пер. с маратхи А. Шараповой	
После дневных тягот	297

Девушка все танцует...	298
Что за мука меня гнетет...	298
Бишну Дэ. Пер. с бенгальского В. Тихомирова	
Картина сорокалетней давности	300
Бокул	301
Сумерки в конце лета	301
Зимний закат — весенние облака	302
Солнечная родина	302
В.-К. Гокак (Винаяка)	
Сезон дождей в Виснагаре. Пер. с каннада Н. Мальцевой	304
Песня сердца. Пер. с каннада Н. Мальцевой	304
Пригоршня праха. Пер. с каннада Н. Мальцевой	305
И человек — воспитанник богов. Пер. с каннада В. Топорова	306
П.-С. Реге. Пер. с маратхского А. Шариповой	
Слово	309
Шри Шри. Пер. с телугу В. Топорова	
Правда ли?	310
Прогресс	310
Поступательное движение	311
Власть капитала	314
Бык в городе	314
Другой берег	315
Свет небес	315
Фрагменты алфавита	316
Первое октября	321
Единство противоположностей	325
Нищенка	326
Чангампужа Кришна Пиллэ. Пер. с малаялам Е. Холмогоровой	
Сплотимся, индийцы!..	327
О светлый поток!..	327
Откуда пришла ты?..	328
Тени (Страницы былой любви)	328
Умашанкар Джоши	
* Индия. Пер. с гуджаратского С. Северцева	333
* Раб. Пер. с гуджаратского С. Северцева	333
* У могилы Толстого. Пер. с гуджаратского С. Северцева	334
* Куда ты теперь взберешься? Пер. с гуджаратского С. Северцева	334
Годы прошли. Пер. с гуджаратского А. Шариповой	335

Посвящается образованию штата Гуджарат. <i>Пер. с гуджаратского А. Шараповой</i>	336
Старый мир. <i>Пер. с гуджаратского А. Шараповой</i>	336
Земное родство. <i>Пер. с гуджаратского А. Шараповой</i>	337
Самарканд и Бухара. <i>Пер. с гуджаратского А. Шар- повой</i>	338
Агъей. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
* Отплыла лодка	341
* Вечерняя звезда	341
* Взаимы	341
Дар императрицы	343
Жизнь	344
* Я увидел	344
Любовь высказанная	345
Любовь невысказанная	345
Живи лунным светом	345
* Хиросима	346
* Последний свет	347
Шамшер Бахадур Синх. <i>Пер. с хинди А. Сенкевича</i>	
Мотив	348
Зеленый чек	350
Виллопиллил Шридхара Менон. <i>Пер. с малаялам Е. Хол- могоровой</i>	
Смерть ласково мне сказала...	351
Один... и два... и три...	352
Нагарджун. <i>Пер. с хинди С. Северцева</i>	
* После голода	354
* Кукушка запела	354
* Чудо улыбки	355
Джазби	
* Еще признаться не успел... <i>Пер. с урду. С. Север- цева</i>	360
* Три газели. <i>Пер. с урду С. Северцева</i>	360
* Глазами бедняка. <i>Пер. с урду С. Северцева</i>	361
Смерть. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	362
Таванф. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	363
Али Сардар Джафри	
* Заключение. <i>Пер. с урду М. Петровых</i>	364
* Твои глаза. <i>Пер. с урду М. Ваксмахера</i>	365
* Восток и Запад. <i>Пер. с урду В. Микушевича</i>	366
* Убийство солнца, <i>Пер. с урду В. Микушевича</i>	368

В.-Р. Кант	
Камень, давший огонь. <i>Пер. с маратхского А. Шараповой</i>	370
Песню свою я оставил под деревом. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	372
Кукареку!!! <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	373
Кусумаградж (В.-В. Ширваджкар)	
Тайна. <i>Пер. с маратхского А. Шараповой</i>	374
Проблемы. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	374
Мелодия. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	375
Нищий. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	375
Моя обитель. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	376
День. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	377
Убийство Кинга, Кеннеди и т. д. ... <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	378
«Мы живы только здесь...» <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	378
Пробуждение. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	379
Дерево. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	379
Тайная песня земли. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	380
Маджаз. <i>Пер. с урду Н. Горской</i>	
Поезд и ночь	382
Красота и любовь	385
Газель	385
Молодой женщине	385
Бродяга	386
Раджендра Шах. <i>Пер. с гуджаратского А. Смирнова</i>	
Возвращение домой	389
Мой маленький дом	389
Мгновенье	390
В тихих водах	391
Падма Голе. <i>Пер. с маратхского А. Зорина</i>	
Танцовщица	392
Страшно быть матерью	392
Я стала темнотой	393
Хадим Садарангани. <i>Пер. с синдхи А. Шараповой</i>	
Появление слова	395
Оонто Поттонайок. <i>Пер. с ория А. Шараповой</i>	
Смирение	396
Сегодня нет лова	397
Ты и я	399
От сердца к сердцу	400

Индира Сант. *Пер. с маратхского А. Зорина*

Горстка земли и клочок неба	402
Кубджа	402
В мерцающей темноте	403
Послушай меня	404
Безумие	405
Шаль	405
Цветок душицы	406
Ты знаешь...	406
Омут	407
Чужие	407

Дэвкант Баруа. *Пер. с ассамского Е. Холмогоровой*

Видала ли ты океан?	409
Дэвадаси	410
О моя прекрасная!	412
Комментарии	413

И 60

Индийская поэзия XX века. В 2-х т. Т. 1: Пер. с разн. яз./Редкол.: Е. Чельшев, Ч. Айтматов, Г. Анджапаридзе и др.; Сост., краткие справ. об авторах О. Мелентьевой; Коммент. А. Сенкевича, О. Мелентьевой. — М.: Худож. лит., 1990. — 446 с. (Б-ка индийской лит-ры).

ISBN 5-280-01246-7 (Т. 1)

Пожалуй, нет в Индии более популярного литературного жанра, чем поэзия. Объяснение этому — в богатейших поэтических традициях. Каждый индиец — с рождения поэт. К сожалению, современная индийская поэзия известна у нас совершенно недостаточно.

Первый том сборника «Индийская поэзия XX века» представляет творчество старшего поколения индийских поэтов: таких, как Гуразада Аппарао, Субраманья Баради, Ауробиндо Гхош, Мухаммад Икбал, Умашанкар Джоши, Валлатол и др. Переводы делались с пятнадцати языков, большинство — впервые.

И 4703020200-312
028(01)-90 179-90

ББК 84.5Ид

ИНДИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА
В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

Составитель
О. Ю. Мелентьева

Редактор А. Ибрагимов
Художник серии В. Харламов
Художественный редактор А. Моисеев
Технический редактор Н. Кошелева
Корректоры М. Чупрова и Н. Яковлева

ИБ № 5922

Сдано в набор 12.02.90. Подписано в печать 20.07.90. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л.
23,52. Усл. кр.-отт. 23,52. Уч.-изд. л. 21,05. Тираж 38 000 экз. Изд. № VIII-3651.
Заказ 503. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Владимирская типография Госкомитета СССР по печати
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

